

ISSN 2658-7041

ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ

Научный журнал

ISSUES OF ETHNOPOLITICS

Academic Journal

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

2
2020

ISSUES OF ETHNOPOLITICS

Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Journal "ISSUES OF ETHNOPOLITICS" is included in the Russian Science Citation Index.

Objectives and field of study

"Issues of Ethnopolitics" is a peer reviewed journal dedicated to current theoretical and practical problems of ethnopolitics. The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research in the field of the study of ethnopolitical and ethnocultural processes. The main focus of the publication is scientific articles devoted to research in the field of ethnopolitology and ethnosociology, nation-building, political linguistics, ethnoconflictology, migration processes, and ethnocultural diversity of Russia. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of a complex of theoretical, scientific and practical problems of the implementation of the state national policy. The journal accepts original articles for publication, comprehensive studies of Russian and foreign authors, previously unpublished research reports.

Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media.

23.11.2018, reg. No. FS77-74388

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

Tel: + 7 495 250 67 44

E-mail: ethnopolitic@rggu.ru

Website: <http://ethnopolitics-journal.ru>

ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Журнал «Вопросы этнополитики» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область

«Вопросы этнополитики» – рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам этнополитики. Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований в области изучения этнополитических и этнокультурных процессов. Основная направленность издания – научные статьи, посвященные исследованиям в области этнополитологии, этносоциологии, нациестроительства, политической лингвистики, этноконфликтологии, миграционных процессов, этнокультурного многообразия России. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем реализации государственной национальной политики. Редакция журнала принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 23.11.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-74388 от 23.11.2018

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: + 7 495 250 67 44

Электронная почта: ethnopolitic@rggu.ru

Сайт: <http://ethnopolitics-journal.ru>

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

M.A. Omarov, Dr. of Political Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Editorial Board

N.M. Gadzhimuradova, Cand. of Political Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

A.I. Masalovich, Cand. of Physico-Mathematical Sciences, Inforus Consortium, Moscow, Russian Federation (*first deputy editor-in-chief*)

O.Yu. Roldugina, Cand. of Philosophical Sciences, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

Editorial Council

M.M. Magomedov, Dr. of Sci. (Economics), Professor, Deputy Chief of Staff of the Presidential Executive Office

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), Professor, Rector of the Russian State University for the Humanities

O.V. Melnichenko, Cand. of Sci. (History), Chairman of the Federation Council Committee on Federal Structure, Regional Policy, Local Government and Northern Affairs

I.I. Gilmutdinov, First Deputy Chairman of the State Duma Committee on Issues of Nationalities

T.V. Vagina, Head of the National Policy Department of the Internal Politics Office of Russian President Administration

V.I. Suchkov, Head of the Moscow city Committee on Interregional Relations and Nationalities Policy

V.A. Avksentev, Dr. of Sci. (Philosophy), Professor, Chief Researcher, Federal Research Center "Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences"

V.A. Achkasov, Dr. of Sci. (Politics), Professor, Head of the Department of Ethnopolitology, Saint-Petersburg State University

A.G. Bolshakov, Dr. of Sci. (Politics), Professor, Head of the Department of Conflict Resolution Studies, Kazan (Volga Region) Federal University

L.M. Drobizheva, Dr. of Sci. (History), Professor, Head of the Center for Inter-ethnic Relations Studies, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

- V.Y. Zorin*, Dr. of Sci. (Politics), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Scientific Interaction with Public Organizations, the Media and Authorities, the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
- V.I. Kovalenko*, Dr. of Sci. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Russian Policy, Lomonosov Moscow State University
- M.Yu. Martynova*, Dr. of Sci. (History), Professor, Deputy Director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
- V.A. Mikhailov*, Dr. of Sci. (History), Professor, Head of the Department of National and Federal Relations, the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration
- N.M. Mukharyamov*, Dr. of Sci. (Politics), Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Law, the Kazan State Power Engineering University
- O.V. Pavlenko*, Cand. of Sci. (History), Professor, Vice-Rector for Scientific Affairs at the Russian State University for the Humanities
- Yu.P. Shabaev*, Dr. of Sci. (History), Professor, Head of the Ethnography Sector, the Institute of Komi Language, Literature and History, Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
- O.F. Shabrov*, Doctor of Sci. (Politics), Professor, Head of the Department of Political Science and Political Governance, the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration

Executive editors:

- O.V. Lomakina*, Dr. of Sci. (Philology) (St. Tikhon's Orthodox University; Peoples' Friendship University of Russia)
- O.Yu. Roldugina*, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

М.А. Омаров, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Н.М. Гаджимурадова, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

А.И. Масалович, кандидат физико-математических наук, Консорциум «Инфорус», Москва, Российская Федерация (*первый заместитель главного редактора*)

О.Ю. Ролдугина, кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Редакционный совет

М.М. Магомедов, доктор экономических наук, профессор, Администрация Президента РФ, Москва, Российская Федерация

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Мельниченко, кандидат исторических наук, Комитет Совета Федерации ФС РФ по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, Москва, Российская Федерация

И.И. Гильмутдинов, Комитет Государственной думы ФС РФ по делам национальностей, Москва, Российская Федерация

Т.В. Вагина, Департамент национальной политики Управления Президента РФ по внутренней политике, Москва, Российская Федерация

В.И. Сучков, Департамент национальной политики и межрегиональных связей, Москва, Российская Федерация

В.А. Авксентьев, доктор философских наук, профессор, Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В.А. Ачкасов, доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

- А.Г. Большаков*, доктор политических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казань, Российская Федерация
- Л.М. Дробижева*, доктор исторических наук, профессор, Институт социологии Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Российская Федерация
- В.Ю. Зорин*, доктор политических наук, профессор, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Российская Федерация
- В.И. Коваленко*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- М.Ю. Мартынова*, доктор исторических наук, профессор, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Российская Федерация
- В.А. Михайлов*, доктор исторических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация
- Н.М. Мухарьямов*, доктор политических наук, профессор, Казанский государственный энергетический университет (КГЭУ), Казань, Российская Федерация
- О.В. Павленко*, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.П. Шабаетов*, доктор исторических наук, профессор, Институт языка, литературы и истории Коми Научного центра Уральского отделения Российской академии наук (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН), Сыктывкар, Российская Федерация
- О.Ф. Шабров*, доктор политических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- О.В. Ломакина*, доктор филологических наук (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; Российский университет дружбы народов)
- О.Ю. Ролдугина*, кандидат философских наук, доцент (РГГУ)

Contents

Problems of state regulation of language policy

- Raisa Kh. Khairullina, Flusa G. Fatkullina*
Native and foreign languages: balance or opposition? 10
- Sanovbar G. Sabirova*
Tajikistan language policy in the context of implementation
the state language law 18

Regionalism and language policy issues

- Mikhail A. Bredis, Olga V. Lomakina*
Border territories as an example of cultural and linguistic transfer
(based on the material of Latgalian and Rusin paremiology) 28
- Inna A. Koroleva*
Language policy in the educational environment
of the Russian-Belarusian borderlands 39
- Michael A. Revazov*
Language of publication of normative acts: problems
of bilingualism of regional legislation and ways to solve them 54
- Yuri P. Shabaev*
Language competition and language conflicts in the republics
of the Russian Federation with the Finno-Ugric population 68

Media discourse in a multinational society

- Alexandra S. Makarova*
Features of the reflection of political issues
in the Orthodox media discourse 90
- Takhmina G. Khasanova*
Modern Tajikistan media discourse in the conditions
of language policy transformation 102

City in the language space and language in the city space

- Marina I. Solnyshkina, Olga G. Palutina, Elsara V. Gafiyatova,
Amina F. Merzlyakova*
The Image of the City of Kazan in Russian and English Discourse:
the case of Google Books Corpus 114
- Oksana V. Shkuran*
Linguo-axiological portrait of modern Lugansk
(according to the associative experiment) 131

Содержание

Проблемы государственного регулирования языковой политики

Райса Х. Хайруллина, Флюза Г. Фаткуллина

Родные и иностранные языки: равновесие или противостояние?	10
---	----

Сановбар Г. Сабирова

Языковая политика Республики Таджикистан в условиях реализации Закона о государственном языке	18
--	----

Регионалистика и вопросы языковой политики

Михаил А. Бредис, Ольга В. Ломакина

Пограничные территории как пример культурно-языкового трансфера (на материале латгальской и русинской паремиологии)	28
---	----

Инна А. Королева

Языковая политика в образовательной среде русско-белорусского приграничья	39
--	----

Михаил А. Ревазов

Язык опубликования нормативных актов: проблемы двуязычия регионального законодательства и пути их решения	54
--	----

Юрий П. Шабает

Языковая конкуренция и языковые конфликты в республиках РФ с финно-угорским населением	68
---	----

Медиадискурс в многонациональном обществе

Александра С. Макарова

Особенности отражения политической проблематики в православном медиадискурсе	90
---	----

Тахмина Г. Хасанова

Медиадискурс современного Таджикистана в условиях трансформации языковой политики	102
--	-----

Город в пространстве языка и язык в пространстве города

*Марина И. Солнышкина, Ольга Г. Палутина,
Эльзара В. Гафиятова, Амина Ф. Мерзлякова*

Особенности репрезентации образа Казани (на материале русскоязычных и англоязычных источников корпуса Google Books)	114
---	-----

Оксана В. Шкуран

Лингвоаксиологический портрет современного Луганска (по данным ассоциативного эксперимента)	131
--	-----

Проблемы государственного регулирования языковой политики

УДК 81:32(470.57)

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-10-17

Родные и иностранные языки:
равновесие или противостояние?

Райса Х. Хайруллина

*Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, rajhan@mail.ru*

Флюза Г. Фаткуллина

*Башкирский государственный университет, Уфа, Россия,
fluzarus@rambler.ru*

Аннотация. Целью статьи является изучение развития и функционирования русского, родных и иностранных языков в системе общего и высшего образования в национальном регионе на примере Республики Башкортостан. Используя методы социолингвистического анализа этноязыковой ситуации, авторы приходят к выводу, что актуальными проблемами современного лингвистического образования являются неравномерное соотношение между родными и иностранными языками в образовательном процессе, отсутствие единой методики в формировании полилингвальной языковой личности, слабые межпредметные связи при изучении языков, эпизодическое использование лингвокультурологических подходов, а также дефицит педагогических кадров для работы в поликультурном образовательном пространстве.

Ключевые слова: этноязыковая ситуация, полилингвальная языковая личность, национальное образование, поликультурность

Для цитирования: Хайруллина Р.Х., Фаткуллина Ф.Г. Родные и иностранные языки: равновесие или противостояние? // Вопросы этнополитики. № 2. 2020. С. 10–17. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-10-17

Native and foreign languages: balance or opposition?

Raisa Kh. Khairullina

*Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla,
Ufa, Russia, raihan@mail.ru*

Fluza G. Fatkullina

Bashkir State University, Ufa, Russia, fluzarus@rambler.ru

Abstract: the article considers the issue of the ethno linguistic situation in the national region using the example of the Republic of Bashkortostan. The authors consider the urgent problems of modern linguistic education to be an uneven correlation between native and foreign languages in the educational process, the lack

of a unified methodology in the formation of a multilingual linguistic personality, weak interdisciplinary connections in the study of languages, and occasional use of linguistic and cultural approaches.

Keywords: ethnic language situation, multilingual linguistic personality, national education, multiculturalism.

For citation: Khairullina, R.Kh., Fatkullina, F.G. (2020), "Native and foreign languages: balance or opposition?", *Issues of Ethnopolitics*, no. 2, pp. 10–17, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-10-17

Полиэтнический состав Российского государства, современные проблемы межэтнического взаимодействия, процессы глобализации со всеми вытекающими для многообразия народов разных государств последствиями – все это обусловило необходимость создания концепции национального образования.

Основные постулаты концепции национального образования были представлены еще в документах «Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации» (2006), однако многие проблемы содержания и форм национального образования остаются актуальными и по настоящее время.

В условиях многоязычия и поликультурности нет сомнения в том, что каждый язык, каждая культура являются достоянием всего многонационального государства, и образовательная система занимает в обеспечении этого положения ключевые позиции. В вышеуказанных документах отмечалось, что важное место в этом процессе занимают «общеобразовательные программы... с обучением в том или ином объеме на родном (нерусском) и русском (неродном) языках, с содержанием гуманитарного образования, выстроенном на иной, нерусской культуре» [Концепция 2008, с. 26].

С.А. Боргояков справедливо отмечает, что соотношение русского, родных и иностранных языков на всех этапах становления и развития российского государства было неоднозначным, но всегда было понимание того, «что государственное единство не может успешно укрепляться, если культурные группы населения будут обособляться друг от друга» [Боргояков 2017, с. 20], а это стало основой государственной политики в области сохранения и развития языков и культур народов России. Но не все так просто было с изучением родных языков в российском государстве. Если в 30–40-е годы обучение в России велось на 104 языках народов России, в 50-е годы – на 46 языках, то в 80-х годах – всего на 18 языках [Кузьмин 2006, с. 139]. Современная ситуация с обучением на родных языках имеет свои особенности в каждом национальном регионе и общие тенденции развития.

Вопросам образовательной и языковой политики в России посвящены многочисленные исследования этнологов, политологов, педагогов и лингводидактов, в которых дается анализ этноязыковой ситуации в различных регионах страны [Артеменко 2008; Мартынова 2014, 2018; Актамов 2015; Бойко 2016; Тишков, Степанов 2016; Khairullina, Fatkullina, Morozkina et al 2017; Фаткуллина 2015 и др.].

Сегодня практически не стоит вопрос о роли русского языка в жизни любого гражданина Российской Федерации. Например, в Республике Башкортостан, по данным переписи населения 2010 года, русским языком владеют 94,4% населения. Русский язык рассматривается как основной язык в процессе социализации школьников и студенческой молодежи. Как показывает многолетний опыт работы авторов статьи в вузах, родители предпочитают обучение детей на русском языке именно по этой причине [Фаткуллина 2015].

Как известно, приоритетами национальной образовательной политики РФ являются:

- удовлетворение этнокультурных и языковых образовательных потребностей народов России с сохранением единства федерального, культурного и духовного пространства;
- консолидация многонационального народа России в единую политическую нацию, формирование в корреляции с этнической самоидентификацией общероссийского гражданского сознания;
- обеспечение качественного образования детей, обучающихся на языках народов России.

Методологической базой реализации этих принципов сегодня выступает культурологическая модель образования, под которой ученые понимают организацию содержания образования на культурологической основе. Такая модель позволяет:

- 1) достичь гуманитаризации и гуманизации образования для развития творческих способностей обучаемых, овладения обучаемыми мировыми культурно-историческими достижениями человечества;
- 2) учесть ведущие мировые тенденции развития образования, в том числе требование повышения уровня общекультурной подготовки выпускников школ и вузов;
- 3) подготовить специалиста, способного реализовать свою профессиональную деятельность в специфической для региона экономической и социокультурной среде.

Острых и неоднозначных вопросов в области языковой политики немало. Несмотря на то, что за годы существования СССР более 60 народов получили письменность и возможность учиться на родном языке, русификация геополитического пространства страны, начиная с 30-х годов, привела к ускорению вымирания «миноритарных» языков, к культурно-национальному противостоянию республик и центра, что было обусловлено пересмотром конституций и введением государственных языков (1988 г. – в Литовской ССР, в 1989–1990 гг. – в остальных союзных республиках). В 1995 году закон о государственных языках был обсужден во всех национальных субъектах РФ и в отдельных республиках принят. В 1999 году закон был принят в Республике Башкортостан.

Русско-национальное двуязычие, характерное для субъектов РФ, наложило определенный отпечаток на структуру образовательной системы, вызвало к жизни новые направления исследований в области гуманитарных наук на стыке отдельных наук – лин-

гвокультурологию, этнолингвистику, когнитивную лингвистику, философию языка.

Формирование поликультурной образовательной среды в наши дни обусловлено целым рядом социокультурных и чисто лингвистических факторов.

К первым можно отнести формирование поликультурного пространства в РФ и отдельных республиках, активность миграционных процессов, смешанные браки, усиление международных контактов, начиная с личностных и заканчивая государственными и др. Лингвистическими факторами можно назвать функционирование мировых языков (определенная англизация общества), введение законов о государственных языках в РФ и ее субъектах, изменения в образовательной системе в связи с вхождением РФ в Болонское соглашение, с одной стороны, и с введением в статус государственного языков титульных наций в субъектах РФ.

Республика Башкортостан – уникальный регион по представленности этносов, языков и культур. По переписи 2010 г. в республике проживают представители 160 народов – это преимущественно славянские, тюркские, финно-угорские народы. Особенности формирования поликультурного образовательного пространства обусловлены и его расположением на стыке Европы и Азии. По определению культурологов, для таких регионов характерна «стыковая культура». Формирование такой культуры в Башкортостане обусловило, в свою очередь:

- 1) полиэтничность населения;
- 2) его поликонфессиональность;
- 3) и, как следствие, – выработанную веками способность к сосуществованию и взаимодействию культур, диалога культур.

Этноязыковая ситуация в Республике Башкортостан характеризуется высокой межэтнической толерантностью, и каждый народ имеет возможность и условия для изучения родного языка, литературы и культуры. В общеобразовательных школах, колледжах и вузах изучаются родные языки и культуры, функционируют национальные культурные центры, издаются газеты и журналы, работают национальные театры и другие творческие объединения. Однако сегодня актуальной проблемой становится внедрение в образовательный процесс иностранных языков, вытесняющих, прежде всего, родные языки. Этому способствуют ментальные и прагматические факторы: растет авторитет иноязычного языкового образования, падает потребность родных языков для социализации молодежи в обществе. В Уфе функционирует большое количество частных языковых школ, обучающих иностранным языкам как взрослое, так и детское население, но очень мало воскресных и вечерних языковых школ, обучающих родным языкам народов, проживающих в республике. Это обусловлено еще и тем, что в вузах и колледжах Башкортостана идет подготовка учителей родных языков лишь по нескольким родным языкам (башкирский, татарский, чувашский). Это ведет к тому, что часть билингвов признает родным русский язык, а не свой родной. Более того, по переписи 2010 года 3,7% населения не могли

идентифицировать себя по национальности, а 6,2% назвали родным язык другого этноса¹.

В то же время в Башкортостане уделяется большое внимание родным языкам. Принята «Программа развития родных языков на 2019–2024 годы», в реализации которой принимают участие авторы статьи. На эту программу руководством региона выделено около 700 млн рублей (из них 172 млн рублей – на развитие башкирского языка, 32 млн рублей – на развитие русского языка и около 500 млн – на развитие других национальных языков народов Башкортостана). Эта программа включает три подпрограммы – «Русский язык», «Башкирский язык», «Родные языки», целью которых является «решение триединой задачи: повышение культуры владения языком, расширение сферы использования языка, создание позитивного отношения к родным языкам и полилингвизму»². Программа призвана содействовать, во-первых, «развитию русского языка как фундаментальной основы гражданской самоидентичности, культурного и образовательного единства многонационального Башкортостана; во-вторых, расширению сферы применения башкирского языка, в том числе как государственного языка Республики Башкортостан; сохранению и развитию башкирского языка за пределами Республики Башкортостан, в-третьих, сохранению и развитию родных языков народов Республики Башкортостан»³, что обеспечит поликультурность и полилингвизм в регионе.

Наряду с родными языками, в республике активизируется изучение иностранных языков в целях включения молодежи в мировое образовательное пространство. Это отражение современной тенденции – перехода от этнокультурного к поликультурному образованию. В 2019 году в Республике Башкортостан открылись две полилингвальные школы, планируется открытие еще 12 школ. Такая школа планируется как многопрофильное образовательное учреждение с преподаванием сразу нескольких языков – в частности русского, башкирского и иностранных (английского и французского), – и изучением некоторых предметов на этих языках. Целью образовательной деятельности в таких школах является формирование полилингвальной языковой личности, способной жить и работать в современном поликультурном мире [Khayrullina, Fatkullina, Morozkina at all 2017, с. 18]. Задача перспективная и актуальная, однако ее методическое обеспечение еще оставляет желать лучшего. Во-первых, несмотря на многолетние дискуссии о создании единого

¹ Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/perepis/2010/vnp2010.html>. (дата обращения 03.03.2020).

² Постановление Правительства Республики Башкортостан «Об утверждении государственной программы “Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан” и внесении изменений в некоторые решения Правительства Республики Башкортостан» (с изменениями на 7 мая 2020 года) [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения 08.05.2020).

³ Там же.

алгоритма обучения языку – русскому, родным, иностранным, – так и не разработаны учебники на единой лингводидактической основе. Во-вторых, слабы межпредметные связи, причиной чего является отсутствие вышеназванного методического алгоритма как основы обучения (единство методики, опора на родные языки, коммуникативная и лингвокультурная направленность учебного процесса). В-третьих, эпизодическое использование лингвокультурологических подходов в изучении языков и в обучении им. И в-четвертых, острая нехватка квалифицированных педагогических кадров, особенно по русскому и иностранным языкам. Не говоря уже об учителях, способных преподавать школьные предметы на иностранных (английском или французском) языках.

На наш взгляд, формирование полилингвальной языковой личности невозможно без опоры на родной язык обучающихся, поскольку культура, история и менталитет родного народа составляют основу духовности каждого человека. Знание иностранных языков заслуживает внимания как фактор общекультурного развития личности, а их углубленное изучение (преподавание отдельных школьных предметов на иностранном языке) станет ступенькой для профессионального самоопределения лишь для небольшого количества обучающихся.

В свое время К. Паустовский писал: «Истинная любовь к своей стране немыслима без любви к своему родному языку». Именно поэтому формирование патриотизма возможно лишь посредством гармонизации языковых потребностей и возможностей каждого и уважения языкового многообразия в мире.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке проекта РФФИ № 19-012-00430/20.

Acknowledgements

The article was supported by Russian Foundation for Basic Research № 19-012-00430/20.

Литература

- Актамов 2015 – *Актамов И.Г.* Этноязыковые процессы в многонациональных государствах: общемировые тенденции и государственная образовательная политика // Вестник Бурятского университета. 2015. № 2. С. 3–9.
- Артеменко 2008 – *Артеменко О.И.* Полиэтничность России: государственная образовательная и языковая политика // Вестник образования. 2008. № 2. С. 45–48.
- Бойко 2016 – *Бойко И.И.* Школьники и студенты Чувашии о проблемах этнокультурного образования (по материалам социологического опроса) // Вестник Чувашского университета. Серия «Исторические науки и археология». 2016. № 4. С. 23–29.

- Боргояков 2017 – *Боргояков С.А.* Состояние и перспективы родных языков в российской системе образования // Наука и школа. 2017. № 6. С. 20–30.
- Концепция 2008 – Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации // Вестник образования. Полиэтничность России: государственная и образовательная политика. М., 2008. № 2.
- Кузьмин 2006 – *Кузьмин М.Н.* Концепция национального образования и приоритеты содержания образования // Теория и практика образовательной политики в условиях модернизации полиэтничного общества: Сб. ст.: В 2 ч. Ч. 1. М.: ИНПО, 2006. 236 с.
- Мартынова 2014 – *Мартынова М.Ю.* Особенности становления и перспективы развития поликультурного образования в России // Коммунология. М., 2014. С. 38–47.
- Мартынова 2018 – *Мартынова М.Ю.* К вопросу о родных языках российских школьников // Известия СОИГСИ. История, этнология. № 30 (69). 2018. С. 73–82.
- Тишков, Степанов 2016 – *Тишков В.А., Степанов В.В.* Национальные языки и этнокультурное образование в регионах России // Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России. М.: ИЭА РАН, 2016. 297 с.
- Фаткуллина 2015 – *Фаткуллина Ф.Г.* Преподавание русского языка в полиэтническом регионе: проблемы и перспективы: Сб. трудов Международной НПК «Культура народов Башкортостана в контексте евразийской цивилизации: история, современность, перспективы». Уфа, 2015. С. 343–347.
- Khairullina, Fatkullina, Morozkina at all 2017 – *Khairullina R., Fatkullina F., Morozkina at all.* Language Personality in the Bilingual Context of the National Linguistic World Pictures // Man in India, 2017, 97 (14), p. 17–26.

References

- Aktamov, I.G. (2015), “Etnoyazykovye protsessy v mnogonatsional'nykh gosudarstvakh: obshchemirovye tendentsii i gosudarstvennaya obrazovatel'naya politika” [Ethnolinguistic processes in multinational States: global trends and state educational policy], *Vestnik Buryatskogo universiteta*, no 2, pp. 3–9.
- Artemenko, O.I. (2008), “Polietnichnost' Rossii: gosudarstvennaya obrazovatel'naya i yazykovaya politika” [The multi-ethnicity of Russia: state educational and language policy], *Vestnik obrazovaniya*, no. 2, pp. 45–48.
- Boiko, I.I. (2016), “Shkol'niki i studenty Chuvashii o problemakh etnokul'turnogo obrazovaniya (po materialam sotsiologicheskogo oprosa)” [Schoolchildren and students of Chuvashia on the problems of ethno-cultural education (based on the materials of a sociological survey)], *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkhologiya*, no. 4, pp. 23–29.
- Borgoyakov, S.A. (2017), “Sostoyanie i perspektivy rodnykh yazykov v rossiiskoi sisteme obrazovaniya” [State and prospects of native languages in the Russian education system], *Nauka i shkola*, no. 6, pp. 20–30.
- “Konseptsiya natsional'noi obrazovatel'noi politiki Rossiiskoi Federatsii” (2008) [Concept of the national educational policy of the Russian Federation], *Vestnik obrazovaniya. Polietnichnost' Rossii: gosudarstvennaya i obrazovatel'naya politika*, no. 2.
- Kuz'min, M.N. (2006), “Konseptsiya natsional'nogo obrazovaniya i priority soderzhaniya obrazovaniya” [Concept of national education and priorities of educational

- content], *Teoriya i praktika obrazovatel'noi politiki v usloviyakh modernizatsii polietnichnogo obshchestva: Sb. st. V 2 ch. Ch. 1*, INPO, Moscow, 236 p.
- Martynova, M.Yu. (2018), "K voprosu o rodnykh yazykakh rossiiskikh shkol'nikov" [On the question of native languages of Russian schoolchildren], *Izvestiya SOIGSI. Istoriya, etnologiya*, no. 30 (69), pp. 73–82.
- Martynova, M.Yu. (2014), "Osobennosti stanovleniya i perspektivy razvitiya polikul'turnogo obrazovaniya v Rossii" [Features of formation and prospects of development of multicultural education in Russia], *Kommunikologiya*, Moscow, pp. 38–47.
- Tishkov, V.A, Stepanov, V.V. "Natsional'nye yazyki i etnokul'turnoe obrazovanie v regionakh Rossii" [National languages and ethno-cultural education in Russian regions], *Mezhetnicheskie otnosheniya i etnokul'turnoe obrazovanie v regionakh Rossii*. IEA RAN, Moscow, 297 p.
- Fatkullina, F.G. "Prepodavanie russkogo yazyka v polietnicheskom regione: problemy i perspektivy" [The teaching of the Russian language in a poly-ethnic region: problems and prospects], *Sbornik trudov Mezhdunarodnoi NPK "Kul'tura narodov Bashkortostana v kontekste evraziiskoi tsivilizatsii: istoriya, sovremennost', perspektivy"*, Ufa, pp. 343–347.
- Khairullina, R., Fatkullina, F., Morozkina at all. (2017), "Language Personality in the Bilingual Context of the National Linguistic World Pictures", *Man in India*, 97 (14), pp. 17–26.

Информация об авторах

Райса Х. Хайруллина, доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия; 450008, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Октябрьской революции, д. 3а; raihan@mail.ru

Флюза Г. Фаткуллина, доктор филологических наук, Башкирский государственный университет, Уфа, Россия; 450076, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; fluzarus@rambler.ru

Information about the authors

Raisa Kh. Khayrullina, Dr. of Sci (Philology), professor, Bashkir State Pedagogical University n. a. M. Akmulla, Ufa, Russia; bld. 3-a, Oktyabrskoj revoljucii Str., Ufa, Bashkortostan Republic, Russia, 450008; raihan@mail.ru

Fluza G. Fatkullina, Dr of Sci (Philology), Bashkir State University, Ufa, Russia; bld. 32, Zaki Validi Str., Ufa, Bashkortostan Republic, Russia, 450076; fluzarus@rambler.ru

Языковая политика Республики Таджикистан в условиях реализации Закона о государственном языке

Сановбар Г. Сабилова

*Филиал Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе, Душанбе, Республика Таджикистан,
ssanovbar@mail.ru*

Аннотация. Статья представляет собой попытку анализа языковой политики Республики Таджикистан в условиях реализации Закона о государственном языке. В работе представлена информация из нормативных правовых документов, анализируются ключевые термины, в частности ключевое понятие «языковая политика». Выявляются основные характеристики языковой политики Республики Таджикистан; описаны сферы ее реализации в перспективном и ретроспективном направлении. На предмет эффективности проанализированы принятые руководством страны практические меры и стратегические программы для развития и сохранения государственного языка. Выделены основные проблемы имплементации языковой политики в рамках языкового и терминологического планирования. Выделены первостепенные вопросы терминотворческого процесса на материале экономического дискурса таджикского языка, а также обозначены активные и пассивные инструменты языковой политики. Изучены базовые положения государственной политики в области профессионально-ориентированного языкового образования, формирующая и регламентирующая нормы изучения государственного (таджикского) языка, языка межнационального общения (русского) и иностранных языков, поскольку сфера образования выступает в качестве базовой платформы по реализации языковой политики. В рамках исследования заявленной тематики идентифицированы доминирующие области современного развития государственного языка. Так, языковая политика Таджикистана определяется как конструктивный, своевременный комплекс мер, направленных на сохранение и пропаганду культурно-исторического наследия и национального колорита.

Ключевые слова: языковая политика, языковое планирование, терминологическое планирование, бытие, статус языка, языковая ситуация, языковые ресурсы

Для цитирования: Сабилова С.Г. Языковая политика Республики Таджикистан в условиях реализации Закона о государственном языке // Вопросы этнополитики. № 2. С. 18–27. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-18-27

Tajikistan language policy in the context of implementation the state language law

Sanovbar G. Sabirova

*Lomonosov Moscow State University in Dushanbe, Dushanbe,
Republic of Tajikistan, ssanovbar@mail.ru*

Abstract. The article is an attempt to analyze the language policy of Tajikistan in the context of implementation the state language law. The article provides information from regulatory documents, analyzes the main terms, in particular the key concept “language policy”. The main features of Tajikistan language policy revealed; implementation spheres described in perspective and retrospective directions. On the subject of effectiveness, the author analyzed the adopted by the country’s leadership practical measures and strategic programs for the development and the state language preservation. The main problems of the language policy implementation highlighted in the framework of language and terminology planning. The primary issues of the term-creating process based on Tajik economic discourse highlighted and the language policy active and passive tools identified. The basic provisions on state policy studied in the field of professionally oriented language education, which formulates and regulates the standards for studying the state (Tajik) language, the language of international communication (Russian) and foreign languages, since the education sector acts as the basic platform for the language policy implementation. The dominant areas of the state language modern development identified in the framework of the declared topics. Thus, Tajikistan language policy defined as a constructive, timely set of measures aimed at preserving and promoting the cultural and historical heritage and national color.

Keywords: language policy, language planning, terminological planning, being, language status, language situation, language resources

For citation: Sabirova, S.G. (2020), “Tajikistan language policy in the context of implementation the state language law”, *Issues of Ethnopolitics*, no. 2, pp. 18–27, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-18-27

Языковая ситуация молодого суверенного Таджикистана отражает уникальность предпринятых мер в рамках языковой политики. После приобретения независимости в 1991 г. республика вступила в новую эпоху зарождения современной истории таджикского народа. Сохранение и защиту таджикской языковой культуры как величайшего наследия таджикского народа в своих выступлениях Лидер нации Эмомали Рахмон неоднократно обозначает как приоритетную задачу министерств, ведомств, учреждений и академических институтов. Язык является ретранслятором событий, происходящих под влиянием общественно-политических и социально-экономических формаций, и только язык во все времена может сохранить настоящую и правдивую историю нации» [Рахмон 2016, с. 3].

В результате изменения геополитической ситуации Закон Республики Таджикистан «О языке» от 22 июля 1989 г.¹ утратил свою силу [Елистратов 2009, с. 7] и с целью улучшения языковой ситуации 5 октября 2009 г. был подписан Закон Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» [Елистратов 2009, с. 3]. День государственного языка, который празднуется 5 октября, включен в перечень государственных и национальных праздников. Суть новой языковой политики определяет специфику политических стратегий, концептуально закрепленных в идеологии всех политических субъектов. Цели и задачи языковой политики определяют реализацию языковых государственных интересов, представленных в виде системы сохранения государственных ценностей, а мощная нормативно-правовая база регулирует условия функционирования государственного языка.

Термин «языковая политика» имеет множество представлений, возникших в результате многочисленных исследований бытийных аспектов языка. Опорной трактовкой для данной статьи является определение В.И. Беликова, Л.П. Крысина: «Языковая политика – это практические меры государства, касающиеся статуса государственного языка, его функций, защиты монопольного использования государственного языка в наиболее важных социальных сферах, регламентации применения местных языков» [Беликов, Крысин 2001, с. 263]. Основываясь на Конституции, принятый закон определил правовой статус таджикского языка и его применение в республике. Языковая политика по принятому закону рассматривается как совокупность принципов и стратегий, основанных на идеологии для решения языковых проблем в таджикском обществе. Таджикский язык применяется в политической, социальной, экономической, научной и культурной жизни. Делопроизводство ведется на таджикском языке. Деятельность сфер образования, науки, культуры и СМИ осуществляется на государственном и русском языках. Запланировано всестороннее изучение функциональных аспектов таджикского языка. Согласно статьям, данный Закон регулирует перспективу развития таджикского языка в условиях коренных политических, экономических, социальных и культурных трансформаций. В рамках имплементации данного Закона созданы благоприятные условия для свободного применения, сохранения и развития бадахшанских (памирских) и ягнобского языка. Особое внимание к этому вопросу обусловлено многовековой историей таджикского народа, ведь язык живет тысячелетиями и является зеркалом истории народов. Народ является творцом и своей истории, и собственного языка [Талыбова 2002, с. 245].

Функционирование в политической, социальной, экономической, научной и культурной сферах можно определить, как бытий-

¹ Закон Республики Таджикистан от 22 июля 1989 года № 150 «О языке» // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. 1989. № 15 [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30496905 (дата обращения 05.11.2019).

ные измерения таджикского языка, в рамках которых наблюдаются процессы взаимодействия и взаимопроникновения. Демократизация общества и стремление к модернизации политической системы управления отражают идеологию, вербализующуюся посредством государственного языка, который, в свою очередь, находится под влиянием трех сфер: коммерция, культура и идеология [Елистратов 2009, с. 86]. Следовательно, в политике, экономике, культуре и бытийных измерениях, в контексте которых должна реализовываться языковая политика, главенствующая роль отводится именно государственному языку. В целях сохранения языкового наследия, общей первоочередной задачей является исполнение требований закона во всех отраслях, что главным образом заключается в соблюдении языковых норм и расширении словарного состава таджикского литературного языка.

Доминирующей областью языковой политики является идеология, то есть осознанные усилия властных структур по позитивному стратегическому воздействию на координацию внедрения методов и подходов. Идеология языковой политики заключается во внедрении «больших идей, концепций, идеоконцептов, выстраивании их в глобальные стратегические конфигурации [Елистратов 2009, с. 87]. Создание различных национальных, государственных программ и проектов для лингвистической кодификации языка, установление языковых норм, развитие языковых ресурсов и разработка литературных традиций из первоисточников стало одним из основных сфер имплементации данного Закона. Отметим, что все вышеперечисленные планы нашли непосредственное отражение в статьях Закона «О государственном языке Республики Таджикистан»².

Развитие языковых ресурсов государственного языка реализовано посредством создания Национального корпуса таджикского языка, насчитывающего 9 млн употреблений. Данный корпус, который был создан под руководством д-ра филол. наук, профессора Д.М. Искандаровой и академика РАН В.А. Плунгяна, включает произведения на литературном таджикском языке современного периода, изданные в XX и XXI вв.³

Вопрос реализации Закона «О государственном языке Республики Таджикистан» будет неполным без упоминания такой стратегически значимой сферы, как образование. Социально-политический кризис конца 80-х – начала 90-х гг. привел Таджикистан к гражданской войне, и наиболее уязвимой в этих условиях оказалась сфера образования. Колоссальный отток специалистов различных областей, сокращение количества школ с русским языком обучения и много других факторов негативно отразились на качестве образования.

² Закон Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» от 5 октября 2007 года № 553 [Электронный ресурс]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29442 (дата обращения 20.01.2020).

³ Национальный корпус таджикского языка (НКТЯ) [Электронный ресурс]. URL: <http://tajik-corpus.org> (дата обращения 15.11.2019).

В рамках реализации Закона о языке особую озабоченность вызывает сфера культуры, ярким показателем которой можно считать манеру и формат общения подрастающего поколения и молодежи. Так, в данном типе коммуникации прослеживается высокая частотность употребления иноязычных слов, искажение смысла исконно таджикских слов. Мы считаем подобные практики недопустимыми, и приоритетной задачей общества и всех социальных институтов в этих условиях является борьба за «экологию» государственного языка и сохранение культурного кода нации. Именно с этой целью министерства образования и науки, внутренних дел, комитеты по делам молодежи и спорту, по делам женщин и семьи, телевидению и радиовещанию проводят разъяснительные работы среди подростков и молодежи.

В контексте языковой политики по вопросу сохранения чистоты таджикского языка важно отметить усилия соответствующих министерств и ведомств в области терминологического планирования. На сегодняшний день основным способом пополнения терминологического аппарата различных отраслей выступает калькирование, которое предстает как «доминирующий терминотворческий прием при складывании терминологических систем» [Суперанская 1989, с. 213]. Отраслевая терминология таджикского языка постоянно, что вполне естественно в условиях глобализации, находится в состоянии пополнения, и отечественные лексикографы регулярно сталкиваются с проблемой отсутствия релевантного таджикского эквивалента. В силу лидирующей позиции русского языка в вопросе калькирования терминов, таджикский язык постоянно обращается к ресурсам русскоязычных источников.

В период интенсивного развития интеграционных процессов в экономике на роль «лидера» претендует английский язык. В экономическом срезе уже русский язык перенимает опыт заимствования, поскольку подавляющее большинство единиц терминологического аппарата данной сферы создаются в английском языке. Соответственно, таджикский язык выступает в роли третьего языка, реализуя свои языковые потребности способом «перенятия», заимствуя с русского языка.

Особая роль отводится узкоспециальным терминам (язык для специальных целей), когда подбор эквивалента предполагает лингвокультурологические расхождения, чего не скажешь о переводе терминов широкой семантики.

Экономический дискурс таджикского языка обладает государственным статусом. Например, в налоговом кодексе экономические термины с правовым статусом имеют раздел со статьей об «определении терминов, используемых для целей настоящего кодекса» [Руссо 2005, с. 316]. Термины сферы экономики выполняют правовую функцию и закреплены в законодательных актах и других нормативных документах. В таких документах термины с определениями их значений «охраняются законом» [Лейчик 2007, с. 72]. Относительно содержательной структуры терминов экономического дискурса в рамках реализации языковой политики требуется терминологиче-

ское планирование для развития языковых ресурсов, представления знаний в отраслях экономики и обеспечения беспрепятственного профессионального общения. Цель терминологического планирования экономического дискурса заключается в разработке и стандартизации терминологии таджикского языка; это свидетельствует о том, что терминологическое планирование является составной частью языковой политики.

Языковая политика носит структурный характер, и, по мнению Н.В. Юдиной, имплементация языковой политики предполагает работу в двух направлениях: перспективное и ретроспективное [Юдина 2017, с. 403].

Относительно языкового строительства таджикского языка перспективным считается комплексная реализация «Программы развития государственного языка на 2012–2016 годы», а в список мер, предпринятых для консолидации всех достигнутых в данном направлении усилий можно включить разработку «Программы развития государственного языка на 2020–2030 годы», направленной на достижение общих и частных целей. Особое внимание планируется уделить разработке и внедрению терминов различных отраслей науки с учетом требований к идеальному термину. Терминологическое планирование находится в компетенции Комитета по языку и терминологии Республики Таджикистан, деятельность которого направлена на усовершенствование и контроль внедрения терминов в коммуникативно-профессиональный обиход.

Ретроспективный вектор связан с языковой культурой, пропагандой литературного языка основоположников таджикской классической литературы и организацией конкурсов литературной направленности среди подростков и молодежи. Для развития и расширения языковых ресурсов оцифровываются известные словари «Лугати фурс», «Бурхони котеъ», «Гиёс-ул-лугот», «Фарханги Джахонгири», «Фарханги Рашиди», «Бахори Аджам», «Фарханги Онандродж», «Фарханги забони тоҷики», «Лугатнома» и другая отраслевая справочная литература.

Уникальной мерой в рамках реализации языковой политики в Таджикистане считается возрождение и популяризация таджикских национальных имен. В частности, постановлением Правительства Республики Таджикистан утвержден «Каталог национальных таджикских имен». В ключе ретроспективного языкового планирования право на жизнь получают исконно таджикские топонимы. Так, названия махаллей и местностей восстанавливаются в соответствии со старыми картами и с учетом исторических и географических особенностей.

По итогам выступления Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона по случаю празднования Дня государственного языка (4 октября 2019 г.) был подготовлен Перечень поручений Президента РТ, основным посылом которого стал вопрос обеспечения статуса и позиций таджикского языка, были даны поручения по языковому и терминологическому планированию государственного языка.

В исследованиях по языковой политике представлена информация об использовании активных и пассивных инструментов этого сегмента политики. Академические институты выступают пассивными, а средства массовой информации – активными языковыми инструментами имплементации языковой политики [Руссо 2007, с. 103]. Всестороннее использование потенциала таджикского языка, сохранение чистоты языка, минимизация заимствований в количественном плане, разработка терминотворческих рекомендаций, использование метода ретерминологизации относятся к актуальным задачам по реализации языковой политики. Особый интерес представляет вопрос развития научного дискурса таджикского языка. Комитету терминологии дано поручение использовать информацию из научных трудов в областях философии, математики, астрономии, географии и медицины, которая отражает тысячелетний опыт величайших ученых [Султонов 2011, с. 65]. Созданию словарей и других лексикографических источников отводится основополагающая позиция, так как глобализация, беспрецедентное по своей скорости развитие науки и техники, активное использование социальных платформ, которые становятся законодателями определенной речевой моды, оказывают неблагоприятное влияние на процесс национализации языка.

Современный этап языковой политики Республики Таджикистан характеризуется внедрением и реализацией «Государственной программы совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на 2015–2020 годы» от 3 июля 2014 г., № 427. В Республике Таджикистан помимо государственного активно используется русский язык. В Конституции РТ русскому языку присвоен правовой статус языка межнационального общения (ст. 2), и его изучение на территории страны определяется одним из приоритетных направлений языковой политики Республики Таджикистан. В период 2004–2014 гг. была реализована Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в образовательных учреждениях Республики Таджикистан. В перечень первостепенных задач вошла и подготовка преподавателей русского и английского языков в средних профессиональных и высших учебных заведениях Республики Таджикистан, поскольку русский и английский языки являются языками науки и межнационального общения, и знание этих языков имеет огромное значение для реализации инициатив в сфере образования, которая является неотъемлемой составляющей языковой политики.

Главным требованием рынка труда является знание иностранных языков для осуществления не только сугубо профессиональной коммуникации, но и межличностного и межнационального общения в целях укрепления позиций отечественного рынка. Необходимо подчеркнуть, что количество изучающих русский и английский языки возрастает, и предметы «Русский язык» и «Английский язык» являются обязательными учебными дисциплинами в учебных программах средних профессиональных и учебных планах высших учеб-

ных заведений. Языковая политика в сфере языкового образования нацелена на разработку новых и совершенствование традиционных методов преподавания иностранных языков, поскольку знание иностранных языков расширяет кругозор и формирует высокую культуру мышления, поведения, воспитывает толерантность. Формирование языковой профессионально-коммуникативной компетенции является важнейшей составляющей в подготовке конкурентоспособных специалистов на рынке труда. Отметим, что совершенствование классических подходов и применение современных технологий в преподавании иностранных языков повысили эффективность учебного процесса.

Проанализировав языковую политику Республики Таджикистан, можно констатировать, что языковая политика выступает в качестве одного из основных направлений национальной политики государства. Целью языковой политики в рамках реализации Закона «О государственном языке Республики Таджикистан» является возрождение национального языка в его многообразии и благозвучии. Языковая политика обозначена как фактор стабильности в вопросе сохранения уникальности таджикского историко-культурного наследия в аспекте национальных отношений и таджикского языкознания в частности.

С политической точки зрения государственный язык используется как инструмент влияния и достижения целей. Особенности языкового влияния заключаются в передаче нейтральной и специальной информации для манипулирования общественным сознанием. Идеологизированность государственного языка на сегодняшний день определяет политический курс республики для решения общих и частных проблем таджикского языка в перспективном и ретроспективном аспектах. Языковая политика наглядно иллюстрирует пересечение языкового и терминологического планирования, основным требованием является соблюдение лингвистических норм, стандартизация и унификация грамматического и орфографического языковых пластов таджикского языка. Помимо этого, в языковую политику входит разработка методологии для усовершенствования преподавания и изучения русского и английского языков. В основу языковой политики заложены принципы языкового равенства, единство молодого суверенного государства и естественный билингвизм.

Литература

- Беликов, Крысин 2001 – *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика: Учебник для вузов. М.: РГГУ, 2001. 315 с.
- Елистратов 2009 – *Елистратов В.С.* О содержании термина «языковая политика» в начале XXI века // Вестник ЦМО МГУ. Вып. 2: Лингвокультурология. М.: МГУ, 2009. С. 86–90.
- Лейчик 2007 – *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы и структура. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.

- Рахмон 2016 – *Рахмон Э.* Язык нации – бытие нации. Душанбе: Эр-граф, 2016. 516 с.
- Руссо 2007 – *Руссо Л.-Ж.* Разработка и проведение в жизнь языковой политики // *Языковая политика в современном мире.* СПб.: Златоуст, 2007. С. 97–121.
- Султонов 2011 – *Султонов М.Б.* Язык науки и терминология. Душанбе: Ирфон, 2011. 202 с.
- Суперанская 1989 – *Суперанская А.В.* Общая терминология: Вопросы теории. М.: Наука, 1989. 246 с.
- Талыбова 2002 – *Талыбова С.Э.* Фигуры речи и копулятивные сочетания в выступлениях высшего руководства ИРИ // *Иран: ислам и власть.* М.: Крафт+, 2002. С. 244–252.
- Юдина 2017 – *Юдина Н.В., Кузнецова Е.А.* Языковая политика vs экономическая политика современной России: проблемы и перспективы // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* Владимир: Финиздат, 2017. Т. 13. Вып. 3. С. 402–415.

References

- Belikov, V.I., Krysin, L.P. (2001), *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], Uchebnik dlya vuzov, RGGU, Moscow, 315 p.
- Elistratov, V.S. (2009), “O sodержanii termina ‘yazykovaya politika’ v nachale XXI veka” [On the content of the term “language policy” at the beginning of the XXI century], *Vestnik TSMO MGU*, Vyp. 2. Lingvokul’turologiya, MSU, Moscow, pp. 86–90.
- Leichik, V.M. (2007), *Terminovedenie: predmet, metody i struktura* [Terminology: subject, methods and structure], Izdatel'stvo LKI, Moscow, 256 p.
- Rakhmon, Eh. (2016), *Yazyk natsii – bytie natsii* [The language of a nation is the being of a nation], Ehr-graf, Dushanbe, 516 p.
- Russo, L.-Zh. (2007), “Razrabotka i provedenie v zhizn' yazykovoi politiki” [Development and implementation of language policy], *Yazykovaya politika v sovremennom mire* [Language policy in the modern world], Zlatoust, SPb., pp. 97–121.
- Sultonov, M.B. (2011), *Yazyk nauki i terminologiya* [The language of science and terminology], Irfon, Dushanbe, 202 p.
- Superanskaya, A.V. (1989), *Obshchaya terminologiya. Voprosy teorii* [General terminology. Questions of theory], Nauka, Moscow, 246 p.
- Talybova, S.Eh. (2002), “Figury rechi i kopulyativnye sochetaniya v vystupleniyakh vysshego rukovodstva IRI” [Figures of speech and copulative combinations in the speeches of the Iranian top leadership], *Iran: islam i vlast'* [Iran: Islam and Power], Kraft+, Moscow, pp. 244–252.
- Yudina, N.V. and Kuznetsova, E.A. (2017), “Yazykovaya politika vs ehkonomicheskaya politika sovremennoi Rossii: problemy i perspektivy” [Language policy vs economic policy of modern Russia: problems and prospects], *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security], Finizdat, Vladimir, vol. 13, vyp. 3, pp. 402–415.

Информация об авторе

Сановбар Г. Сабирова, кандидат филологических наук, филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе, Душанбе, Республика Таджикистан; 734002, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Бохтар, д. 35/1; ssanovbar@mail.ru

Information about the author

Sanovbar G. Sabirova, PhD (Philology), Lomonosov Moscow State University in Dushanbe, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 35/1, Bohtar Str., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734002; ssanovbar@mail.ru

Регионалистика и вопросы языковой политики

УДК 81'28

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-28-38

Пограничные территории как пример культурно-языкового трансфера (на материале латгальской и русинской паремиологии)

Михаил А. Бредис

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
briedis@yandex.ru*

Ольга В. Ломакина

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
rusoturisto07@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию языковых особенностей пограничных территорий, которые представлены как пример культурно-языкового трансфера. Проживание представителей разных народов на такой территории неизбежно ведет к взаимопроникновению элементов культуры и языка соседей, что отражается в языках и, в частности, во фразеологии. Показано, как происходит взаимовлияние языков и культур на примере латгальских и русинских пословиц. Отмечается роль заимствований и этнолингвомаркеров в культурно-языковом трансфере.

Ключевые слова: пословицы, латгальский язык, русинский язык, культурно-языковой трансфер, латгальская паремиология, русинская паремиология

Для цитирования: Бредис М.А., Ломакина О.В. Пограничные территории как пример культурно-языкового трансфера (на материале латгальской и русинской паремиологии) // Вопросы этнополитики. 2020. № 2. С. 28–38. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-28-38

Border territories as an example of cultural and linguistic transfer (based on the material of Latgalian and Rusin paremiology)

Mikhail A. Bredis

*People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia,
briedis@yandex.ru*

Olga V. Lomakina

*People's Friendship University of Russia;
St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia, rusoturisto07@mail.ru*

Abstract. The paper examines the linguistic features of the borderland population, which are presented as an example of cultural and linguistic transfer. The residence of different peoples on such a territory inevitably leads to the interpenetration of neighboring cultures, which is reflected in languages, especially in phraseology. The paper shows how the mutual influence of languages and cultures occurs based on the example of Latgalian and Rusin proverbs. The role of linguistic borrowings and ethnolinguistic markers in cultural and linguistic transfer is noted.

Keywords: proverb, Latgalian, Rusin, cultural and language transfer, Latgalian paremiology, Rusin paremiology

For citation: Bredis, M.A., Lomakina, O.V. (2020), "Border territories as an example of cultural and linguistic transfer (based on the material of Latgalian and Rusin paremiology)", *Issues of Ethnopolitics*, no 2, pp. 28–38, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-28-38

Введение

Современную гуманитаристику отличает полипарадигмальный характер, отражающийся на использовании различных парадигм и методов исследования и касающийся многообразия объектов рассмотрения. Вопросы взаимодействия языков и культуры – предмет рассмотрения ряда гуманитарных теорий, в том числе теории трансфера.

Теория трансфера, изначально применяемая к фактам культуры и литературным явлениям (M. Espagne, H. Kaelble, H.-J. Lüsebrink, M. Middell), предполагает «присутствие элементов иностранных культур в собственной культуре», которые верифицируются «с помощью эмпирически исследуемых процессов отбора и присвоения, а также их действующих лиц и средств» [Мидделль 2000, р. 7–41], поэтому может стать теоретическим обоснованием взаимодействия языков соседних регионов вне зависимости от генетического родства языков. По мнению В.В. Фещенко и С.Ю. Бочевар, культурный трансфер «призывает увидеть разнонаправленное взаимодействие языков и культур» [Фещенко, Бочевар 2016, с. 20].

«В свете теории трансферов для лингвистов перспективными направлениями, на наш взгляд, являются следующие: 1) изучение

малых литературных языков в условиях культурно-языковой интерференции; 2) исследование культурно-языковой интеграции мигрантов в пространство страны; 3) определение роли иноязычных вкраплений в языковой системе писателей-билингвов (полилингвов)» [Бредис, Ломакина, Мокиенко 2020, с. 200–201].

Цель данной статьи – показать на примере пословичного фонда двух языков – латгальского и русинского – процессы языковой интерференции в свете теории культурно-языкового трансфера. В данной статье термин «паремия» используется нами как равнозначный термин по отношению к термину «пословица». К обязательным признакам паремий мы относим следующие: диалогичность, общеупотребительность, включение в структуру этнолингвомаркеров, традиционность, анонимность, обобщающий характер, краткость, афористичность, образность, дидактичность, замкнутость синтаксической структуры, ситуативность [Паремиология 2020, с. 64].

Материалы и методология исследования

В данной статье использовались как общие, так и частные методы. Основной метод исследования – описательно-аналитический, он предполагает непосредственное наблюдение анализируемых явлений в конкретном употреблении, систематизацию и обобщение при анализе языкового материала.

В качестве источника исследования выступили паремиографические издания: сборник латгальских пословиц и поговорок Бернадетты Опинцане (2000), латгальские пословицы из этнографического исследования Стефании Уляновской о латышах Инфлянт Польских (2011), а также материалы «Русинско-украинско-русского и русско-русинско-украинского фразеологических словарей» (2011) Димитро Попа¹ и «Русинско-русского словаря» (2007) Игоря Керчи.

Результаты и обсуждение

Одним из примеров региона культурного трансфера является Латгалия – восточная часть современной Латвии, занимающая примерно четверть территории страны. Она выделяется историческим многообразием культурных и языковых контактов. Этот край граничит с Россией, Белоруссией и Литвой. С древних времен на этой территории соседствовали представители разных народов. Еще древние русские летописи упоминают название народа *летьгола*, *латыгола*, практически не искажая латгальского самоназвания *Latgola*, что говорит о ранних контактах русских и латгалов. Русские по-латгальски называются *krīvi* (букв. *кривичи*), что также свидетельствует о древности межкультурных контактов в регионе. Еще в древних латгальских на-

¹ Поп Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. Ужгород, 2011. 241 с.

родных песнях – дайнах – находили отражение разные аспекты жизни латгалов и русских в условиях пограничья [Мельникова 2014, с. 197]. Фольклорные тексты показывают, что исторически у латгалов контакты с проживавшими на этой территории представителями других народов (немцами, поляками, русскими, цыганами, евреями и т. д.) присутствовали уже давно, «менялись только пропорции этнического состава и социальные обстоятельства» [Kļavinska 2013, p. 341].

Немецкая крестоносная экспансия и контакты с немцами также оставили свой след в латгальском языке. С 1629 по 1917 г. Латгалия существовала отдельно от остальной Латвии, что не могло не отразиться на ее языковой ситуации. Территория Латгалии была включена в состав Речи Посполитой, а с конца XVIII в. – в состав Российской империи. Сначала в край прибывали польские чиновники, помещики и крестьяне. У латышей даже сохранилось прозвище латгалов *roļaki*. Происходил процесс колонизации жизни в крае. И в наши дни Латгалия – это в основном католическая область Латвии, тогда как в других областях Латвии преобладают лютеране. Также с XVII в. в Латгалии селились русские старообрядцы. Когда Латгалия вошла в состав Витебской губернии Российской империи, в краю появились русские чиновники, торговцы и крестьяне. Сформировались и сохраняются до настоящего времени русские говоры Латгалии. После 1918 г. в Латгалию стали приезжать жители других исторических областей Латвии. Столетиями латгалы соседствовали с русскими, белорусами, поляками и литовцами. Латгальские фольклорные тексты во многих случаях показывают «отдельность» латгальцев, когда «мы» и «свои» (латгальские латыши) противопоставляются «им», «чужим» (латышам, проживающим в других областях Латвии), а говорение на латгальском языке (*latgaļu volūdā, latgaliski*) отличается от говорения на латышском языке (*čuļu mēlē*). *Čuļi* – прозвище, которым латгалы называют латышей из «остальной Латвии», что можно объяснить исторически. Такую оппозицию определила долгая оторванность территории Латгалии и вместе с ней различия в формировании «территориальной, религиозной, а также языковой и даже этнической (латгалы как субэтнос) идентичности» [Kļavinska 2013, p. 341].

Неудивительно, что в латгальской речи много славянизмов, в том числе русизмов. Интересно, что в латгальском языке существуют заимствования из польского посредством литовского языка.

Ввиду особенностей исторического развития, для латгальского языка славянские языки (польский, русский, белорусский) стали важным источником заимствований. Для латышского языка таким источником заимствований был немецкий, что объясняется особенностями немецкой колонизации края, когда горожане и помещики – в основном немцы, а крестьяне – латыши.

С середины XVIII в. на территории Латгалии сформировалась своя письменность. Стали издаваться книги на латгальском языке. Уже тогда наблюдалось много заимствований. Среди славянских заимствований мы видим такие, как *varažēit* – *заклинать*, *zavydaut* – *завидовать*, *maļaut* – *красить*, *pisovat*, *vajaut* – *воевать*,

pijanstaviot – пьянствовать, *podčaviot* – *потчевать* и пр. О сосуществовании и взаимовлиянии разных лингвокультур в Латгалии говорит и тот факт, что, например, в речи русских старожилов Латгалии были выявлены заимствования германского и романского происхождения, а также латинизмы, пришедшие в русские говоры Латгалии через посредство польского языка [Матейкович 2012, с. 92].

Для подобных Латгалии пограничных регионов разных стран характерно понятие «смешения» как в языковом, так и в этническом плане, которое во многом определяет культурную и языковую специфику пограничья. Смешанный характер пограничных говоров наблюдается и в соседней с Латгалией Псковской области России. Там мотив «смешения» ярко проявляется в приграничных зонах псковско-белорусского и псковско-латышского контактирования: «корень -меш- лежит в основе ряда лексем, номинирующих лиц по этническому и языковому признаку и характеризующих особенно сти языка этноконтактных территорий» [Большакова 2013, с. 17].

Важным аспектом является «смешение» в области фразеологизмов, в том числе паремий, контактирующих языков. Рассмотрим паремиологический аспект культурно-языкового трансфера на примере ряда русских и латгальских пословиц.

В большом количестве как русских, так и латгальских пословиц упоминается Бог. У латгалов-католиков о Божьей благодати свидетельствуют достаток в семье, добрые отношения с соседями, хорошо прожитая жизнь и пр. «Упоминания имени Бога и Божьей благодати естественны для латгальцев в любой жизненной ситуации: Боже, благослови! <...> Боже, помоги! С Богом! Слава Иисусу Христу! (Lai slaveits Jezus Kristus!)»².

Русской пословице *Что Бог даст, то и будет*³ полностью соответствует латгальская паремия *Kū Dīvs dūs, tūs byus* (букв. *Что Бог даст, то и будет*) [Orīncāne 2000, р. 41]. С определенной долей вероятности можно говорить о заимствовании этой пословицы из русского языка. Однако в данном случае возможно и параллельное возникновение пословицы, поскольку для верующего человека, как православного, так и католика, это положение является весьма важным и есть один общий источник – христианство. Кроме того, у русских и латгалов существует немало сходных представлений, определяемых и родством языков, и близостью культур, и совместным проживанием в течение многих столетий на одной территории. Некоторые языческие представления латгалов, перешедшие в христианство, встречаются и у русских. Так, языческий латгальский бог-громовержец Паркюньс (*Pārkiņš*, у славян Перун) на огненной колеснице стал ассоциироваться у латгальских христиан с пророком Илией из Ветхого Завета.

² Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca: Лингво-территориальный словарь Латгалии I / glav. red. I. Šuplinska. 2012. Rēzekne: Rēzeknes Augstskola. P. 176.

³ Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц (БСРП) / Под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 70.

«Во время грозы латгалцы старшего поколения говорят: “Илия с ангелами едет на огненной колеснице и наказывает маловерных”»⁴. Подобные представления характерны и для православных русских.

К подобным паремиям, носящим на себе отпечаток «смешения» относится русская пословица: *Бежал от волка, [а] попал на медведя*⁵ и ее латгальский вариант *Ni vylka bēgsi, iz lōča tiksī* (*От волка побежишь, на медведя попадешь*) [Opincāne 2000, p. 59]. Здесь также трудно говорить о заимствовании из русского языка, поскольку нельзя исключать и параллельного возникновения пословиц в сходных географических и климатических условиях.

А вот русская пословица *Дураков не сеют и не жнут, они сами родятся*⁶ участвовала в культурном трансфере в латгальском пограничье. Псковский (пограничный с Латгалией) вариант этой пословицы гласит: *Дураков не сеют, не сажают, они сами растут*⁷. Латгальский язык заимствовал эту пословицу в следующем виде: *Duraks ni sēj, ni pļauj – jī poši aug* (букв. *Дураков ни сеют, ни жнут, они сами растут*) [Opincāne 2000, p. 17]. Налицо калька пословицы: грамматика, порядок слов, заимствование из русского *duraks*. В латгальских пословицах, наряду с русизмом *duraks*, иногда используется и собственное слово *mulķis*. Соответственно, другой вариант приведенной пословицы: *Mulķis ni sēj, ni pļauj – jī poši aug* [Opincāne 2000, p. 52]. Здесь все то же самое, только *duraks* заменён на *mulķis*. Аналог этой пословицы имеется также в белорусском языке: *Дурняў не аруць, не сеюць, яны самі родзяцца (вырастаюць)* [Лепешаў 2011, с. 209].

Еще одна русская пословица *Дурака и в алтаре бьют*⁸ имеет практически полную кальку в латгальском языке: *Duraku i bazneicā stumda* (*Дурака и в церкви бьют*). Точно так же звучит и белорусская пословица *Дурня і ў царкве б'юць* [Лепешаў 2011, с. 209]. О том, что данная латгальская пословица перенесена на латгальскую почву именно из русского, говорит русизм *duraks*, а не белорусское *дурень*. В пословице также присутствует более раннее заимствование русского происхождения *bazneica* (*церковь*, букв. *божница*).

О культурно-языковом трансфере можно говорить и в случае с русской пословицей *Вор вора знает*⁹. В русском языке это старая паремия, которая фиксировалась в словарях еще в XVIII в. Латгальский язык можно считать принимающим в процессе трансфера, в нем присутствует калька этой пословицы с включением заимствованного русизма *žuliks* – *вор, жулик*: *Žuliks žuliku pazeist* (букв. *Жулик жулика знает*) [Opincāne 2000, p. 86].

⁴ Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca: Лингво-территориальный словарь Латгалии I. Р. 177.

⁵ Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц (БСРП). С. 140.

⁶ Там же. С. 316.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 314.

⁹ Там же.

Приведем еще один пример калькирования поговорки. Русской поговорки *На воре [у] шапка горит*¹⁰ соответствует здесь латгальская *Zaġlam i capure dag* (букв. *У вора и шапка горит*) [Orincāne 2000, p. 84].

Известная русская поговорка *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*¹¹ имеет в латгальском языке полный эквивалент: *Nātur symtu rublu, tūr symtu drāugu* (*Не имей сто рублей, а имей сто друзей*) [Uļanovska 2011, p. 198]. Эта латгальская поговорка, в свое время зафиксированная Стефанией Уляновской, вероятно, заимствована из русского языка, так как в ней, помимо русских денежных единиц, полностью повторяется грамматическая структура (в форме *не имей*), что в принципе невозможно в латышском языке.

Другим языком пограничья является русинский. Русины – славянский этнос Карпатского региона, живущий в Польше, Румынии, Словакии, Венгрии, на Украине, в Сербии. Русинские говоры характеризуются понятием «смешения» и сложным многообразием культурных и языковых контактов. Так, в русинской фразеологии немало поговорок, включающих заимствования из венгерского языка. Например: *Ліпше дохтор задарь, ги цімбора за грōші* (букв. *Лучше доктор даром, чем друг за деньги*). Здесь используется слово венгерского происхождения *цімбора* (венг. *simbora*) со значением *товарищ, приятель, кореш*. В венгерском языке это слово имеет значение *приятель, браток*, а также *сообщник, соучастник и приспешник*.

Интересна с точки зрения культурно-языковых трансферов и лингвокультурологии следующая русинская поговорка: *За пінязі мелтōвшагош, а без гроші – русин* (букв. *За деньги благородный господин, а без денег – русин*). Помимо венгерского заимствования *мелтōвшагош*, в ней присутствует слово *пінязі*, восходящее к древнерусскому и старославянскому корню и первоначально обозначавшему название древнегерманской монеты *pfennig*. Так назывался франкский серебряный динарий, который начал хождение в 650 г. В современном русинском языке *пінязі* означает *деньги* вообще (ср.: *готовый пінязь – наличные деньги*; фразеологизм *великий пінязь – длинный рубль*), наряду со словом *гроші* (*живі гроші – оборотные средства*). Заимствование *мелтōвшагош* (венг. *méltóságos*) означает *досточтимый, ваша милость, ваше благородие*. Оно происходит от *méltóság* – *достоинство*. Соответственно, *méltō* означает *достойный*. Данная поговорка имеет этнический компонент и говорит о том, что русины в целом жили беднее, чем окружающие их соседи – венгры, указывает на социальное и материальное положение русин. Поэтому вежливое обращение к состоятельному и благородному человеку в поговорке венгерское.

Названия денежных единиц в русинских поговорках дают сведения об истории русинского народа. Например, *За грайцарь и душу бы чортови продав* (букв. *За крейцер и душу бы продал*); *За мōрьом кўн за грайцарь* (букв. *За морем и конь за крейцер*). Мы знаем, что *крейцер* (нем. *Kreuzer*) – название первоначально серебряной, затем би-

¹⁰ Большой словарь русских поговорок. Около 70 000 поговорок (БСРП). С. 151.

¹¹ Там же. С. 147.

лонной и наконец медной монеты. Выпуск крейцеров начат в 1271 г. Название монеты происходит от нем. *Kreuz* ('крест'), и возникло оно, по всей вероятности, в Южной Германии, где крейцер быстро распространился благодаря хорошему качеству. В Германии начали чеканить крейцеры повсеместно в XVI в. [Бредис 2019, с. 122]. Это напоминание о нахождении русин в составе Австро-Венгерской империи. В Австрии крейцеры чеканились до 1891 г. В русском языке аналог русинской паремии о коне за морем – пословица *За морем телушка – полушка, да рубль перевоз*, которой полностью соответствует и белорусская пословица *За морам цялушка – палушка, ды перавоз рубель* [Лепешаў 2011, с. 209]. Влияние русского языка ощущается в русинском фразеологизме *дóвгий рубиль – длинный рубль* (ср. русинск. *великий пінязь – длинный рубль*).

Вероятно, примером культурного трансфера может служить русинская пословица *Бог високо, царь далеко* (букв. *Бог высоко, царь далеко*)¹². Ощущается влияние русской паремии *До Бога высоко, до царя далеко*. Заимствование этой пословицы возможно из русского языка. Например, соседи русских – латгалы – также имеют аналог этой паремии, только расширенный: *Dīvs ir augšā, keizars tāli – kas žālōs nabadzeņi?* (букв. *Бог высоко, царь далеко – кто пожалеет бедняка?*).

Выводы

Взаимодействие языков и культур пограничных территорий – неоспоримый факт сосуществования различных стран. Проживание представителей разных народов на одной территории неизбежно ведет к взаимопроникновению элементов культуры и языка соседей, что отражается в языках и, в частности, во фразеологии. Во многих случаях речь идет об обоюдной культурно-языковой интерференции, когда бывает трудно определить, какой из языков является принимающим, а какой – влияющим. В силу общности человеческого мышления, общности религии, похожести культурно-исторических и географических условий у разных народов создаются сходные пословицы. Так, например, существует довольно большое количество общеевропейских пословиц, бытующих у всех европейцев. Поэтому особую трудность представляет определение первенства в создании пословицы. Помочь в установлении принимающего языка на пограничных территориях может использование заимствований во фразеологии из языка соседей. Так, в ряде латгальских паремий наблюдаются заимствования из русского языка, в русинских пословицах – из венгерского. С точки зрения лингвокультурологии важную роль играют также этнолингвомаркеры, используемые во фразеологии населения пограничных регионов. Проанализированные примеры пословиц латгальского и русинского языков доказывают корректность номинации данного процесса как культурно-языкового трансфера.

¹² Керча И. Русинско-русский словарь. Ужгород: ПолиПринт, 2007. Т. 1. 608 с.; Т. 2. С. 87.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-012-00305.

Acknowledgements

The research was supported by Russian Foundation for Basic Research № 20-012-00305.

Литература

- Большакова 2013 – *Большакова Н.* Мотив «смещения» как признак этноконтактной диалектной зоны (на материале псковских говоров) // Valoda – 2013. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XXIII. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, 2013. Lpp. 13–18.
- Бредис 2019 – *Бредис М.А.* Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. 296 с.
- Бредис 2020 – *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. 2020. № 60. С. 198–212. DOI: 10.17223/18572685/60/12
- Лепешаў 2011 – *Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А.* Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011. 695 с.
- Матейкович 2012 – *Матейкович Е.В.* Польский язык как посредник иноязычного влияния на русскоязычные говоры Латгалии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. Семиотика. 2012. № 3. С. 87–95.
- Мельникова 2014 – *Мельникова Е.Г.* О некоторых языковых и культурных контактах русских и латышей в условиях пограничья // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и социолого-психологические науки. 2014. № 5. С. 195–201.
- Паремиология 2020 – *Паремиология без границ: Монография / Е.Н. Антонова, М.А. Бредис, Т.Е. Владимирова и др.; под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020.*
- Фещенко, Бочевар 2016 – *Фещенко В.В., Бочевар С.Ю.* Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / Отв. ред. В.В. Фещенко; ред. колл.: Н.М. Азарова, С.Ю. Бочевар (отв. секретарь), В.З. Демьянков, М.Л. Ковшова, И.В. Силантьев, М.А. Тарасова (редактор-корректор), Т.Е. Янко. М.: Культурная революция, 2016. С. 5–34.
- Кļavinska 2013 – *Kļavinska A.* Latviskuma concepts latgaliešu folklorē: etnonīma latvīši semantika // Valoda – 2013. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XXIII. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, 2013. Lpp. 331–343.

- Middell 2000 – *Middell M.* Kulturtransfer und Historische Komparatistik. Thesen zu ihrem Verhältnis // *Comparativ*. 2000. № 10. Hf. 1. S. 7–41.
- Opincāne 2000 – *Opincāne B.* Latgaļu parunas un sokomvõrdi / sak. B. Opincāne. Rēzekne: Latgolas kult. centra izd., 2000. 86 lpp.
- Uļanovska 2011 – *Uļanovska S.* Pūļu Inantejis latvīši. Rīga, 2011. Lp. 198.

References

- Bol'shakova, N. (2013), "Motiv 'smesheniya' kak priznak etnokontaktnoj dialektnoj zony (na materiale pskovskih govorov)" [The motive of "mixing" as a sign of the ethno-contact dialect zone (based on the material of the Pskov dialects)], *Valoda – 2013, Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Zinātnisko rakstu krājums XXIII. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", Lpp. 13–18.
- Bredis, M.A. (2019), *Chelovek i den'gi: Oчерki o poslovitsakh russkikh i ne tol'ko* [Man and Money in Proverbs: Essays on Russian and Other Proverbs]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Bredis, M.A., Lomakina, O.V., Mokienko, V.M. (2020), "Rusinskaya frazeologiya kak primer kul'turno-yazykovogo transfera v slavyanskikh yazykakh (na materiale numerativnykh edinic)" [Russian phraseology as an example of cultural and linguistic transfer in slavic languages (based of numerative units)], *Rusin*, no 60, pp. 198–212. DOI: 10.17223/18572685/60/12
- Lepeshaj, I.Ya. & Yakaltsevich, M.A. (2011), *Tlumachal'ny slojnik prykazak* [Explanatory Dictionary of Proverbs], Grodno State University, Grodno.
- Matejkovich, E.V. (2012), "Pol'skij yazyk kak posrednik inoyazychnogo vliyaniya na russkoyazychnye govory Latgalii" [The Polish language as an intermediary language for foreign influence on Russian subdialects in Latgale], *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka*. Semantika. Semiotika, no 3, pp. 87–95.
- Mel'nikova, E.G. (2014), "O nekotorykh yazykovykh i kul'turnykh kontaktakh russkikh i latyshej v usloviyakh pogranich'ya" [About some language and cultural contacts of the russians and letts under the condition of living in the frontier zone], *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Social'no-gumanitarnye i sociologopshologicheskie nauki, no 5, pp. 195–201.
- "Paroemiology without borders": *monograph* (2020). E.N. Antonova, M.A. Bredis, T.E. Vladi-mirova, L.N. Gishkaeva, E.E. Ivanov, E.I. Zinoviev, D.D. Komova, O.V. Lomakina, A.S. Makarova, V.M. Mokienko, N.Y. Nelyubova, E.K. Nikolaeva, E.I. Seliverstova, N.N. Semenenko, F.G. Fatkullina, R.Kh. Khairullina, C. Cao, M.A. Bredis, O.V. Lomakina (eds.). Moscow: RUDN. (In Russ.)
- Feshchenko, V.V. & Bochevar, S.Yu. (2016), "Teoriya kul'turnykh transferov: ot perevodovedeniya – cherez cultural studies – k teoreticheskoy lingvistike" [The theory of cultural transfers: from translation studies – through cultural studies – to theoretical linguistics], Feshchenko, V.V. (ed.) *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* [Linguistics and Semiotics of Cultural Transfers: Methods, Principles, Technologies], *Kul'turnaya revolyutsiya*, Moscow, pp. 5–34.
- Kļavinska, A. (2013), "Latviskuma concepts latgaliešu folklore: etnonīma latvīši semantika", *Valoda – 2013, Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Zinātnisko rakstu krājums XXIII. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", Lpp. 331–343.

- Middell, M. (2000), "Middell Kulturtransfer und Historische Komparatistik. Thesen zu ihrem Verhältnis", *Comparativ*, no 10, vol. 1, pp. 7–41.
- Opincāne, B. (2000), "Latgaļu parunas un sokomvōrdi" / sak. B. Opincāne", Rēzekne: Latgolas kult. centra izd., 2000, 86 lpp.
- Uļanovska S. (2011), *Pūļu Inantejis latvīši*. Rīga, p. 198.

Информация об авторах

Михаил А. Бредис, кандидат филологических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; briedis@yandex.ru

Ольга В. Ломакина, доктор филологических наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; 115184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23Б;

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; rusoturisto07@mail.ru.

Information about the authors

Mikhail A. Bredis, Cand. of Sci (Philology), Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198; briedis@yandex.ru

Olga V. Lomakina, Dr of Sci (Philology), St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia; bld. 23B, Novokuznezkaya str., Moscow, Russia 115184;

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198; rusoturisto07@mail.ru.

Языковая политика в образовательной среде русско-белорусского приграничья

Инна А. Королева

*Смоленский государственный университет (СмолГУ),
Смоленск, Россия, nnakor@mail.ru*

Аннотация. В свете современных процессов глобализации достаточно очевидна важность и значимость трансграничного сотрудничества приграничных районов России и Республики Беларусь в самых разных областях: экономической, политической, административной и, конечно же, социокультурной. Особое внимание следует обратить на языковую политику в приграничной зоне, в частности – на языковые процессы в образовательной среде, формирующие и социализирующие личность молодого человека, школьника и студента. В статье на примере реализации языковой политики в отдельном регионе, смоленско-витебском приграничье (Смоленская область граничит с Витебской областью РБ на протяжении более 200 км), показано, как изучение социокультурных реалий на территориях контактирующих языков, русского и белорусского, практически может быть внедрено в образовательную практику, что способствует формированию у учащихся школ и студентов вузов приграничья знаний о взаимодействии разных национальных языков, русского и белорусского. Доказано, что имеют место как процессы культурной глобализации, так и самоидентификации этнических сообществ приграничья.

Рассматривается, как правильная языковая политика в образовательной среде помогает решению проблемы осознания подрастающим поколением культурного диалога в билингвальном пространстве, дает возможность развиваться национальной самоидентификации при одновременном восприятии ценностного отношения к русскому языку. Акцентируется внимание на роли процесса сотрудничества в сфере образования. Доказано, что правильная реализация языковой политики укрепляет взаимоотношения между Россией и Республикой Беларусь, позволяет расширять контакты в профессиональной учебно-научной среде. Предполагается, что дальнейшее внедрение социокультурного компонента в образовательную практику приграничья расширит возможности диалога родных языков – русского и белорусского.

Ключевые слова: языковая политика, русско-белорусское приграничье, билингвизм, образовательная среда, процессы культурной глобализации, самоидентификация этнических сообществ, межкультурная коммуникация, социокультурные реалии, родной язык

Для цитирования: Королева И.А. Языковая политика в образовательной среде русско-белорусского приграничья // Вопросы этнополитики. 2020. № 2. С. 39–53. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-39-53

Language policy in the educational environment of the Russian-Belarusian borderlands

Inna A. Koroleva

Smolensk State University, Smolensk, Russia, innakor@mail.ru

Abstract. In the light of modern processes of globalization, the importance and significance of cross-border cooperation between the border regions of Russia and the Republic of Belarus in various fields: economic, political, administrative and, of course, socio-cultural, is quite obvious. Particular attention should be paid to the language policy in the border zone, in particular – to the language processes in the educational environment that form and socialize the personality of a young person, schoolchildren and student. Using the example of the implementation of language policy in a separate region, the Smolensk-Vitebsk borderland (the Smolensk region borders the Vitebsk region of the Republic of Belarus for more than 200 km), it is shown how the study of sociocultural realities in the territories of contacting languages, Russian and Belarusian, can be practically implemented in educational practice, which contributes to the formation of knowledge of the interaction of different national languages, Russian and Belarusian, among students of schools and universities of the borderlands. It has been proved that there are both processes of cultural globalization and self-identification of ethnic communities in the borderlands. It is considered how the correct language policy in the educational environment helps to solve the problem of the growing generation's awareness of cultural dialogue in the bilingual space, makes it possible to develop national self-identification while simultaneously perceiving the value attitude towards the Russian language. The attention is focused on the role of the process of cooperation in the field of education. It has been proven that the correct implementation of the language policy strengthens the relationship between Russia and the Republic of Belarus, allows expanding contacts in the professional educational and scientific environment. It is assumed that the further introduction of the socio-cultural component into the educational practice of the borderlands will expand the possibilities of dialogue between the native languages – Russian and Belarusian.

Keywords: language policy, Russian-Belarusian borderlands, bilingualism, educational environment, cultural globalization processes, self-identification of ethnic communities, intercultural communication, socio-cultural realities, native language

For citation: Koroleva, I.A. (2020), Language policy in the educational environment of the Russian-Belarusian borderlands, *Issues of Ethnopolitics*, no. 2, pp. 39–53, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-39-53

Русско-белорусское приграничье (РБП) – это особая контактная территория, расположенная по обеим сторонам государственной границы двух восточнославянских стран, Российской Федерации и Республики Беларусь. Приграничные земли характеризуются также тем, что в разные исторические периоды они входили зачастую в состав единого государственного объединения: Великого княжества

Литовского (ВКЛ), Речи Посполитой, Российской империи, Советского Союза. Естественно, формировалось своеобразное единение жителей приграничья, обусловившее их общие взгляды на окружающую действительность, заложившие основы общей картины мира жителя приграничья. И сегодня, когда приграничные территории входят в состав разных государств, общность сохраняется, так как этому способствуют исторические корни, культурно-историческое и языковое прошлое.

В настоящее время в связи со сложившейся геополитической обстановкой и активными процессами глобализации изучение приграничных территорий и организация трансграничного сотрудничества в самых разных сферах актуализировалось и входит в сферу интересов как РФ, так и Республики Беларусь (РБ). Назовем лишь несколько серьезных проблем, которые находятся на повестке дня: «Историческая динамика самоидентификации населения приграничья», «Сотрудничество в сфере культурного туризма», «Проблемы регионального управления и самоуправления», «Охрана окружающей среды в приграничных регионах», «Экономическое сотрудничество в приграничье», «Образование и культура в рамках регионального сотрудничества», «Диалог культур: Россия – Беларусь в приграничье», «Языковая конвергенция и дивергенция в приграничных регионах, проблемы билингвизма», «Миграционные процессы в приграничье», «Проблемы межкультурной коммуникации в приграничном регионе», «Этнический состав населения приграничья», «Языковые и культурные контакты в русско-белорусском приграничье», «Проблемы науки и образования в РФ и РБ: вопросы сотрудничества» и многие другие¹.

На наш взгляд, для тесного сотрудничества РФ и РБ важное значение имеет языковая политика в обоих государствах, так как именно вопросы о языке – своеобразный краеугольный камень, который заложен в основу всех других сфер взаимодействия между двумя дружественными странами. Для Беларуси проблема в государственном двуязычии: необходимо правильно расставлять приоритеты в использовании русского языка. Для России в приграничье сразу же возникает вопрос об этническом составе населения, так как в последние годы усилились миграционные процессы, что повлекло за собой активизацию изучения проблем межкультурной коммуникации для организации бесконфликтного проживания на приграничных территориях представителей разных этносов, в частности белорусских и украинских переселенцев. Правильная языковая и национальная политика государства, безусловно, способствует регламентации сложившихся межэтнических отношений.

Комплекс проблем, связанных с языковой политикой в приграничье, мы хотим рассмотреть на примере Смоленской области, которая

¹ Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации: Материалы Международной научно-практической конференции (27 мая 2011 года, Витебск) / Ред.: А.П. Солодков и др. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2011. 324 с.

исторически является приграничной русско-белорусской территорией. Смоленские земли граничат с территорией РБ на протяжении 463 км. В приграничную зону входят семь смоленских районов из 25: Шумячи, Ершичи, Хиславичи, Монастырщина, Красный, Рудня, Велиж. Первые четыре граничат с Могилевской областью РБ, последние три – с Витебской. Со стороны Беларуси восемь приграничных районов: Кричевский, Горецкий, Мстиславский, Хотимский, Климовичский (со стороны Могилева) и Лиозненский (Лёзненский), Витебский и Дубровенский (со стороны Витебска). Приграничная территория значительна, а в целом треть границ РФ с РБ приходится на Смоленскую область². Констатируем, что Смоленщина – исторически приграничный регион, так называемое «порубежье», поэтому его исследование позволяет сделать довольно точные и достоверные выводы о приграничном сотрудничестве РФ и РБ.

Для подробного рассмотрения языковой политики в приграничье сузем территорию: остановимся на рассмотрении смоленско-витебского приграничья, так как Смоленск и Витебск – города-побратимы, и сегодня трансграничное сотрудничество в разных сферах развивается весьма активно. Особо обратим внимание на культурную сферу. Попутно отметим, что российские (смоленские) приграничные территории достаточно долго были объединены с белорусским (витебским) приграничьем в составе единых государственных объединений. Так, например, Рудня и район вошли в состав России только в 1919 г., Велиж – в 1937 г., Шумячи и Ершичи – в 1922 г.³ История смоленских приграничных районов свидетельствует о действительно общих корнях с белорусскими землями, что обусловило культурную специфику приграничья. Историческое единство в определенной мере позволяет говорить и о современной тенденции сохранения традиционной общности двух дружественных народов – русского и белорусского, которые в приграничной зоне составляют своеобразную этническую общность, этнический конгломерат [Королева 2016, с. 85–89].

Культурная сфера – это весьма важная составляющая в сотрудничестве РФ и РБ, особенно в последние годы, когда стала активно развиваться межкультурная коммуникация как диалог культур, как важное средство достижения толерантности в приграничье при пестром этническом составе населения. Отработка механизма взаимодействия языков и культур имеет большое значение и для русских, и для белорусов, особенно в период усиления миграционных процессов. Правильная языковая политика, организация межкультурного взаимодействия в русско-белорусском приграничье позволяет решать практически все задачи по организации жизни людей. Регламентирует все официальные действия в приграничье принятая и утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 Стратегия государственной национальной политики РФ, которая рассчитана до 2025 г. и направлена на развитие нацио-

² Смоленская энциклопедия. Т. 2. Смоленск: СГПУ, 2003. 624 с.

³ Там же.

нальных языков и культур. Стратегия разработана для народов РФ, но все ее положения могут быть применимы и для регламентации межкультурной коммуникации жителей приграничных территорий, так как там в настоящее время обострены проблемы организации межэтнических отношений. Несомненно, правильная государственная политика поможет ликвидации конфликтных ситуаций, связанных с тем, что на локальной территории проживают люди разных национальностей, с разными культурами и языками. Если говорить о русских и белорусах, то, несмотря на историческую общность, все же есть этноязыковые и этнокультурные различия. На наш взгляд лингвистов, немаловажную роль в обеспечении бесконфликтного доброжелательного взаимоотношения жителей, особенно в последнее время, играет правильное понимание вопроса о родном языке.

Как обстоит дело в смоленско-витебском приграничье? Официально в русских районах государственный язык, естественно, только русский, а родной язык для каждого этнического сообщества (в частности, белорусского, украинского (есть переселенцы с Украины) – свой, белорусский или украинский. В витебских регионах два государственных языка, белорусский и русский. Как показывает практика, именно русский, второй государственный язык, становится языком межкультурной коммуникации. В Восточной Беларуси так сложилось исторически. Как отмечают исследователи, родным языком считают русский не только этнические русские, но и этнические белорусы. В городах такое явление повсеместно, в сельской местности увеличивается количество считающих русский родным языком (независимо от этнической принадлежности) по мере приближения места жительства к государственной границе [Ридевский 2011; Николаенко 2018; Николаенко 2019; Маслова 2019].

По исследованиям В.А. Масловой, известного белорусского ученого-лингвокультуролога, занимающегося проблемами билингвизма в Беларуси, на 2015 г. в РБ 84% населения составляли белорусы, 8,7% – русские. Однако разговорным назвали русский язык более 70% жителей, а белорусский – только 27% [Маслова 2015, с. 255–258]. Языки генетически родственные, что способствует их интерференции, особенно на уровне фонетики и лексики. Поэтому и русский язык, и белорусский разные, не всегда и не везде «экологически чистые», то есть строго литературные.

Особо подчеркнем, что в Беларуси билингвизм официально, на государственном уровне, закреплён законом о языках в Республике Беларусь, принятом по результатам всенародного референдума 1998 г. Как отмечают политологи, «Республика Беларусь придала русскому языку статус государственного» [Барсукова, Мальцева 2019, с. 48]. Однако в настоящее время прослеживается тенденция к усилению роли белорусского языка: он расширяет сферы своего бытования по всей стране, особенно в Западной Беларуси и в столице. Более активным становится он и в Восточной части РБ, особенно в сельской местности, некоторых сферах городской жизни (административная сфера, сфера науки, некоторые предприятия в деловой сфере). По наблюдениям той же В.А. Масловой, белорусский язык

сегодня в среде интеллигенции является своеобразным показателем принадлежности к белорусам, национальным маркером. В политической сфере зачастую белорусский язык – показатель принадлежности к национальной оппозиции [Маслова 2015, с. 256]. Однако в русско-белорусском приграничье по-прежнему более активен русский язык, особенно в бытовой коммуникации. Со стороны России в приграничье русские народные говоры имеют сильное белорусское влияние. Об этом свидетельствуют материалы, например, Словаря смоленских говоров (1974–2005), в предисловии к которому хорошо описана фонетическая система приграничных районов, очень близкая фонетической системе белорусского языка и его говоров⁴. Много общих языковых явлений и в лексике. В разговорной речи жителей приграничья имеет место смешанный русско-белорусский разговорный язык, так называемая трасянка (трасянка – «смешанный язык») [Демьянович 2014, с. 320–326; Маслова 2015, с. 255–258; Маслова 2019, с. 15–19].

Несомненно, распространение русского языка в Беларуси и приграничных районах зависит от доли русского населения. Если говорить о смоленско-витебских территориях, то процент населения этнических русских достаточно высок, особенно в приграничном Лиозненском (Лёзненском) районе РБ. Достаточно высока доля русских и в других двух районах витебского приграничья. Именно поэтому значительная доля населения считает русский родным языком. Причем чем ближе территория к государственной границе, тем выше доля населения, считающего русский язык родным и главным для коммуникации. И не всегда имеет место полное совпадение с процентным этническим составом населения. Так, в целом в приграничье проживает около 9% русских, а родным считают русский язык около 51% городских жителей приграничья и около 20% сельских. Разговорным же языком называют русский 73,7% населения приграничной зоны [Ридевский 2011, с. 274].

На наш взгляд, тот факт, что многие этнические белорусы в белорусском приграничье считают родным языком русский и тем более предпочитают выбирать русский для межкультурной коммуникации, обусловлен исторически. Также это объясняется традицией приграничного социума. И это не значит, что умаляется роль этнически родного языка – белорусского, который, как мы уже отметили, сегодня активизируется в целом в РБ и в приграничье в частности. Но, несомненно, такая картина накладывает определенный отпечаток «трудностей» в преподавании в школах белорусского языка, как известно, имеющего иную литературную основу.

Безусловно, следует обратить внимание на культуру приграничья более подробно. В развитии культуры приграничья, русской и белорусской, важное значение имеет родной язык жителя приграничной территории. Однако в народной культуре можно отметить много общего: много общих обрядов, сказаний, легенд, поверий, заговоров и пр. Много общего в устройстве сельского жилища, в

⁴ Словарь смоленских говоров. 1974. С. 50.

проведении циклов сельскохозяйственных работ, имеются общие черты в одежде, системе духовных ценностей (отношение к труду, к соседям, членам семьи и т. д.). Именно общность культурных составляющих позволяет бесконфликтно осуществлять межкультурную коммуникацию [Котлярова 2006, с. 50–53]. Местная администрация должна учитывать этнолингвистический фактор приграничья и обращать внимание на родные языки жителей. Необходимо обращать особое внимание на возможность проведения национальных народных праздников, семейных мероприятий (свадьбы, похороны и пр.), держать под контролем обучение детей в школах. Правила межкультурной коммуникации позволяют сохранять в регионе доброжелательную толерантную обстановку по отношению к людям других национальностей. На бесконфликтное этническое общение направлена и деятельность органов местного самоуправления, и деятельность общественных инициатив, в том числе и молодежных [Королева 2016, с. 85–89]. Естественно, в тесном сотрудничестве с этими организациями может и должна проходить внеучебная работа приграничных образовательных учреждений. Жители приграничных территорий толерантны, доброжелательны, общительны по отношению к соседям. Наблюдается много смешанных браков, закрепляющих территориальную близость, исторические традиции приграничных территорий. Своеобразная общность разговорного языка также является важной составляющей языкового портрета жителя приграничья.

Теперь обратимся к сфере образования в смоленско-витебском приграничье. Основная задача образовательной сферы – в свете реального билингвизма, существующего в регионе, – изучение социокультурных реалий и внедрение социолингвокультурного компонента в образовательную практику. Несомненно, это будет способствовать формированию у учащихся разных возрастных групп знаний о взаимодействии русского и белорусского языков, созданию своеобразного диалога культур на контактных территориях. Как известно, язык – феномен культуры, ее продукт, ее составляющая, условие существования культуры. Культура народа отражается и закрепляется в языке [Маслова 2004].

В настоящей статье мы предлагаем свои практические наблюдения, основанные на личном сотрудничестве с учреждениями образования Республики Беларусь.

В ноябре 2017 г. в Витебском государственном университете имени П.М. Машерова при поддержке Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь – Российского центра науки и культуры в Минске – прошла Международная научно-практическая конференция «Русский язык в научно-образовательном пространстве российско-белорусского приграничья» и круглый стол «Использование социокультурных реалий духовной культуры российско-белорусского приграничья на уроках русского языка». Неоднократно было отмечено, что образование всегда было и остается одним из основных государственных приоритетов, которые определяют социально-экономический потенциал общества, его

способность к развитию. Сотрудничество русских и белорусских ученых и педагогов – это основа обеспечения диалога языков и культур в условиях современной языковой ситуации в русско-белорусском приграничье. Сегодняшняя реальность немыслима без социокультурных знаний, так как они помогают формировать у школьников и студентов культуру диалога в билингвальном пространстве, ценностное отношение к русскому языку, возможность национальной самоидентификации при общих процессах глобализации. Также подчеркивалась значимость сотрудничества между Витебским государственным университетом имени П.М. Машерова и Смоленским государственным университетом, центрами в городах-побратимах и вузами-партнерами.

При всем различии подходов к изучению приграничья, при всем многообразии тем и белорусские, и русские исследователи за основу берут лингвокультурологический подход, который позволяет рассмотреть вопрос о формировании такой языковой личности учащегося, которая способна к самореализации и саморазвитию. Молодой человек должен быть всегда готовым к ведению межкультурной коммуникации с представителями других народов, являющихся носителями иных языков и культур. Необходимо сформировать у школьников и студентов приграничья не только коммуникативную компетенцию, но и культурологическую (социокультурную). Приграничные территории представляют собой единое культурное пространство, в котором одновременно проходят и процессы глобализации, и процессы сохранения и всевозможного поддержания национальной и культурной идентичности [Максимчук 2017, с. 84; Маслова 2019, с. 15]. Языковая личность жителя приграничья, его картина мира отражает и общие языковые и культурные особенности, свойственные людям, живущим в тесном территориальном и духовном контакте, и специфические культурно-языковые особенности. Учет этой специфики и определяет тенденции языковой политики в образовательной сфере русско-белорусского приграничья.

Рассматривая связь в цепочке культура – язык – человек, исследования лингвокультурологического направления, которые сегодня активно проводятся в образовательной среде обоих государств, РФ и РБ, дают возможность выявить особенности сохранения культурного наследия в языке как русском, так и белорусском. Культурное наследие, культурно-исторические ценности, закрепленные в языке, должны в первую очередь осмысляться молодежью, которая сохранит их и передаст следующим поколениям. Для этого сами молодые люди должны осмыслить духовную национальную специфику культурного пространства приграничья, чтобы усвоить ее и на основе знания, и на эмоционально-психологической основе понимания. Естественно, огромная роль в этом процессе осознания, понимания и осмысления принадлежит школьному и вузовскому образованию. Естественно, вся работа по формированию коммуникативной и социокультурной компетенции должна вестись с учетом особенностей региона. Преподаватели Смоленска и Витебска учитывают исторические особенности приграничья, его билингвальное пространство,

национально-культурную специфику языковой системы приграничных территорий [Николаенко 2015].

Включение и активизация лингвокультурологического направления в образовательную сферу приграничья обосновано двумя, как мы уже отмечали, тенденциями развития приграничных регионов: глобализацией и локализацией национально-культурной специфики. В этом свете необходимо обратить внимание еще на один аспект в образовательной парадигме – воспитательный. Как известно, именно язык – высшая духовная ценность – позволяет воздействовать на личность человека, формировать ее духовный потенциал. Включение социокультурного компонента в процесс изучения государственных языков приграничья позволяет формировать у молодежи гражданскую позицию, высокую ответственность за будущее своей страны. Сегодня учащиеся должны не только обучаться, но и воспитываться. Последнее предполагает, в первую очередь, воспитание чувства гражданственности, чувства патриотизма в самом истинном понимании этих слов. В процессе формирования личности обучающихся преобладает социокультурный ценностный подход. Раскроем понятие «социокультурная компетенция». Это «знание культурного наследия страны, национально-культурной специфики, речевого поведения и способность пользоваться элементами социокультурного контекста для восприятия и порождения речи с точки зрения русского и национального языков (обычаев, норм, правил, ритуалов, социальных условностей и т. д.)» [Николаенко 2019, с. 153].

Сразу же хотим отметить, что большое значение в формировании языковой личности учащегося приграничья имеет внеклассная работа, проводимая с целью формирования социокультурной компетенции. Это актуальные сегодня в смоленско-витебском приграничье недели русского и белорусского языков, дни славянской письменности и культуры, викторины (например, «Знаешь ли ты свою малую родину?»), экскурсии (реальные и виртуальные) по памятным местам Смоленщины и Витебщины, написание эссе и отзывов по материалам посещения выставок, музеев, спектаклей по произведениям русских и белорусских писателей, работа дискуссионных клубов (например, в рамках Агентства международных инициатив, в Смоленске работает Клуб молодых экспертов по приграничью) и др.

Активно используется проектная технология, носящая в основном практико-ориентированный характер. Вся проектная работа проводится в русле личностно ориентированного образования и воспитания учащихся и направлена на формирование знаний, умений и навыков свободного владения русским языком на всех его уровнях, а также на формирование с помощью русского языка коммуникативной, социокультурной и лингвокультурологической компетенций. Способствует этому, безусловно, научно-исследовательская деятельность учащихся. Обратим внимание лишь на один аспект – работу с русскими и белорусскими именами собственными (ИС). Ономастика развивается в Витебском и Смоленском госуниверситетах. Так, например, ежегодно проводятся научные конференции «Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования»

(последняя прошла в режиме онлайн). Прошло две таких же конференции студенческих (первая состоялась в апреле 2019 г. в Смоленском государственном университете, вторая – в апреле 2020 г. там же и в режиме онлайн). Ведется работа по ономастике и в приграничных школах. Так, например, во второй гимназии города Витебска в рамках Учебно-научно-методического лингвистического центра, созданного преподавателями университета, работает ономастический кружок «Имя собственное во времени и пространстве». В лицее имени Кирилла и Мефодия города Смоленска уже десять лет действует ономастический семинар, проводимый совместно с преподавателями университета. Основные исследовательские работы по ономастике связаны с изучением русско-белорусского приграничья.

Комплексный характер информации, заключенной в именах собственных, позволяет считать их единицами языка, максимально идентифицирующими человека в окружающем его мире, обладающими национально-культурной спецификой определенного времени, определенного социума и определенной эпохи.

Основы ИС приграничной витебско-смоленской зоны сохраняют самую разноплановую информацию: историческую, географическую, этнографическую, культурологическую и, конечно же, лингвистическую. Это своеобразный свернутый лингвокультурный текст, который закодирован, а его исследование, состоящее в виде раскодирования свернутых разнообразных сведений, дает возможность многое узнать о своеобразии приграничных территорий и жизнедеятельности населения этого региона.

Ономастические разыскания в смоленско-витебском приграничье имеют большое значение как фактор популяризации социолингвокультурных реалий в рамках диалога культур – русской и белорусской. В процессе изучения национально-культурного наследия исследование различных разрядов ИС позволяет получить новые экспериментальные данные о роли русского и белорусского этносов в создании языковых и культурных ценностей региона.

Описание приграничной ономастической системы имеет определенную теоретическую значимость, так как позволит получить новые данные о формировании языкового билингвизма на приграничных территориях. Несомненен и серьезный практический потенциал сопоставительных исследований. Внедрение социокультурного компонента (в частности, результатов исследования ономастических единиц) в образовательную практику будет способствовать формированию у учащихся разных образовательных уровней знаний о взаимодействии родственных национальных языков и культур в условиях приграничья. Без всякого сомнения, привлечение внимания к ономастической системе приграничья – важный фактор для углубления и дальнейшего расширения русско-белорусских языковых и культурных контактов. Диалогу культур будут способствовать материалы, отражающие национально-культурную специфику приграничной территории, как нам представляется, показывающие и общность, и отличия в системе имен собственных, которая, как в зеркале, отражает многие языковые и культурные тенденции, дей-

ствующие в приграничном социуме. На наш взгляд, все исследования по предлагаемой тематике как с русской, так и с белорусской стороны еще раз подтвердят важность сохранения национально-культурного наследия молодым поколением для поступательного развития и русского, и белорусского социума в сегодняшние, не самые простые для наших государств, времена.

Представляем актуальные темы исследования ономастики смоленско-витебского приграничья, предложенные нами для учителей приграничья:

- ономастический аспект феномена приграничья;
- антропонимия жителей приграничья;
- топонимия жителей приграничья. Официальные и неофициальные названия. Современный город в именах собственных: названия внутригородских объектов;
- рекламное имя в приграничье;
- проблемы переименований в приграничной зоне;
- региональные ономастические словари приграничья;
- языковая личность жителя приграничья через призму имен собственных;
- лингвокультурология в ономастике;
- личное имя – социальный знак;
- проблемы перевода ИС (русский и белорусский языки);
- ономастика и культура речи;
- ИС в художественных текстах писателей приграничья.

Ономастические темы можно включать в программы проводимых недель родного языка, которые в приграничье особенно актуальны.

Итак, подводя итоги, мы можем констатировать следующее.

1. Приграничные регионы – это особые в социокультурном, историческом, коммуникативном и этнолингвистическом отношении пространства, изучение которых сегодня является актуальным для исследователей самого разного профиля, в том числе лингвистов. Особое внимание следует обращать на русско-белорусское приграничье, исторически общие территории для двух близкородственных народов – русского и белорусского. В эту зону традиционно входит Смоленская область, по территории которой проходит треть границ с Республикой Беларусь.

2. В Республике Беларусь билингвизм закреплён на государственном уровне, однако на приграничных с Россией территориях основной язык межкультурной коммуникации (как традиционно имеет место в Восточной Беларуси) – русский. Но нельзя забывать, что этнический состав населения, даже приграничья, в основном составляют белорусы. Поэтому немаловажную роль играет языковая политика, регламентирующая отношение к родному языку. В русском приграничье, естественно, основной этнос – русские, но сегодня с учетом и исторического фактора, и миграционных процессов население характеризуется полиэтничностью. Приграничные смоленские говоры отражают заметные фонетические и лексические белорусские черты, а так как приграничные районы в основном сельские, то влияние белорусского языка в говорах оче-

видно, что необходимо учитывать при организации межкультурной коммуникации.

3. В приграничных регионах действуют две тенденции: идет процесс глобализации и одновременно имеет место процесс локализации этнических сообществ с их языком и культурой, что определяет специфические особенности межкультурной коммуникации в приграничье. На примере Смоленской области, граничащей с Витебской и Могилевской областями РБ, можно хорошо проследить, как следование рекомендациям Стратегии государственной национальной политики РФ на территории смоленско-витебского приграничья организуется культура межнационального общения. Смоленская земля – регион, основным тезисом в политике которого являются слова: «Смоленск – город согласия и примирения людей разных национальностей». Деятельность органов местного самоуправления и различных общественных инициатив, в том числе молодежных, направлена на бесконфликтное общение, толерантное отношение к людям других национальностей в регионе приграничья. Особое внимание следует уделять культуре общения, корректировке роли русского языка в системе образовательных приграничных учебных заведений.

4. В целом языковая политика в образовательной сфере смоленско-витебского приграничья проводится в тесном сотрудничестве русских и белорусских учебных заведений. Центрами являются государственные университеты – Смоленский и Витебский, а конкретно – филологические факультеты этих заведений. Они сотрудничают не только друг с другом, но и со школами регионов. Разрабатываются направления научно-исследовательской деятельности и преподавателей, и учащихся, которые учитывают требования сохранения социокультурного феномена приграничья. Основным направлением работы является лингвокультурологическое, дающее возможность сформировать у обучающихся разного рода компетенции: коммуникативные, социокультурные, лингвокультурологические. Такая работа помогает не только обучать, но и воспитывать учащихся в духе дружеского сотрудничества и доброжелательного отношения к представителям разных этносов.

5. В образовательной сфере приграничья проводится большая внеучебная работа, позволяющая сформировать толерантные личностные качества молодежи: это недели родного языка, дни славянской письменности и культуры, разнообразные викторины, онлайн-путешествия, просмотры выставок и спектаклей с написанием рецензий и эссе, отражающих знания специфики приграничья, его национально-культурных и языковых особенностей. Имеет место совместная проектная деятельность, направленная на реализацию личностно ориентированного образовательного процесса. Значительное место занимает ономастическая работа.

6. В целом вся деятельность в образовательной сфере смоленско-витебского приграничья проводится в соответствии с рекомендациями, обозначенными реализацией государственной языковой политики обеих стран, РФ и РБ, и с учетом специфики языковой личности жителя приграничной территории.

Литература

- Барсукова, Мальцева 2019 – *Барсукова Н.Е., Мальцева А.А.* Русский язык на пространстве СНГ: современное состояние научных коммуникаций и подготовка кадров высшей квалификации // Вопросы этнополитики. 2019. № 3. С. 45–61.
- Демьянович 2014 – *Демьянович А.А.* Языковая ситуация в современной Белоруссии: русско-белорусское двуязычие // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М.: ИЯ РАН, 2014. С. 320–326.
- Королева 2016 – *Королева И.А.* Русско-белорусское приграничье: межкультурная коммуникация и ее роль в организации межнациональных отношений // Теория и практика интеграционных процессов в региональном развитии. Сб. научных трудов: В 2 т. Т. 1. Смоленск: РУК, Смоленский филиал; Белорусский торговый университет, 2016. С. 85–89.
- Королева 2018 – *Королева И.А.* Языковая ситуация в русско-белорусском приграничье // Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты: Сб. научных статей / Под общ. ред. И.П. Зайцевой. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2018. С. 37–40.
- Котлярова 2006 – *Котлярова Ж.* Духовный ресурс интеграции // Экономика Беларуси. 2006. № 4. С. 50–53.
- Максимчук 2017 – *Максимчук Н.А.* Лингвокультурологический подход в исследовании российско-белорусского приграничья // Русский язык в научно-образовательном пространстве российско-белорусского приграничья: Сб. научных статей / Под общ. ред. С.В. Николаенко и Ю.А. Галковской. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2017. С. 83–108.
- Маслова 2004 – *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2004. 208 с.
- Маслова 2015 – *Маслова В.А.* Диалог русского и белорусского языков в Республике Беларусь // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». 2015. № 5. С. 255–258.
- Маслова 2019 – *Маслова В.А.* Родной язык и его роль в образовании // Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты: Сб. научных статей / Под общ. ред. И.П. Зайцевой. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2019. С. 15–19.
- Николаенко 2015 – *Николаенко С.В.* Витебщина в социокультурном контексте: Пособие для учителей. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2015. 172 с.
- Николаенко 2018 – *Николаенко С.В.* Взаимодействие социокультурных сфер в условиях государственного двуязычия Республики Беларусь // Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты: Сб. научных статей / Под общ. ред. И.П. Зайцевой. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2018. С. 66–70.
- Николаенко 2019 – *Николаенко С.В.* Ценности русской и белорусской культуры приграничья и их передача средствами языка // Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты: Сб. научных статей / Под общ. ред. И.П. Зайцевой. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2019. С. 151–157.
- Ридевский 2011 – *Ридевский Г.В.* Русский язык в белорусских районах российско-белорусского приграничья // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации: Сб. научных статей. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2011. С. 272–275.

References

- Barsukova, Mal'tseva (2019), "Russkiy yazyk na prostranstve SNG: sovremennoye sostoyaniye nauchnykh kommunikatsiy i podgotovka kadrov vysshey kvalifikatsii" [Russian language in the CIS: the current state of scientific communications and training of highly qualified personnel], *Voprosy etnopolitiki*, no 3, pp. 45–61.
- Dem'yanovich, A.A. (2014), "Yazykovaya situatsiya v sovremennoy Belorussii: russko-belorusskoye dvuyazychiye" [The linguistic situation in modern Belarus: Russian-Belarusian bilingualism], *Yazykovaya politika i yazykovyye konflikty v sovremennoy mire* [Language policy and language conflicts in the modern world], IYA RAN, Moscow, pp. 320–326.
- Koroleva, I.A. (2016), "Russko-belorusskoye prigranich'ye: mezhkul'turnaya kommunikatsiya i yeye rol' v organizatsii mezhnatsional'nykh otnosheniy" [Russian-Belarusian borderlands: intercultural communication and its role in organizing interethnic relations], *Teoriya i praktika integratsionnykh protsessov v regional'nom razviti* [The phenomenon of the native language: communicative-linguistic, sociocultural, philosophical and psychological aspects], *Sbornik nauchnykh trudov*, V 2 t., vol. 1, RUK, Smolenskiy filial; Belorusskiy torgovyy universitet, Smolensk, pp. 85–89.
- Koroleva, I.A. (2018), "Yazykovaya situatsiya v russko-belorusskom prigranich'ye" [The language situation in the Russian-Belarusian borderland], *Fenomen rodnogo yazyka: kommunikativno-lingvisticheskiy, sotsiokul'turnyy, filosofskiy i psikhologicheskoy aspekt* [The phenomenon of the native language: communicative-linguistic, sociocultural, philosophical and psychological aspects], *Sbornik nauchnykh statey*, Pod obshchey redaktsiyey I.P. Zaytsevoy, VGU im. P.M. Masherova, Vitebsk, pp. 37–40.
- Kotlyarova, Z.H. (2006), "Dukhovnyy resurs integratsii" [Spiritual resource of integration], *Ekonomika Belarusi*, no 4, pp. 50–53.
- Maksimchuk, N.A. (2017), "Lingvokul'turologicheskoy podkhod v issledovanii rossiysko-belorusskogo prigranich'ya" [Linguocultural approach in the study of the Russian-Belarusian borderlands], *Russkiy yazyk v nauchno-obrazovatel'nom prostranstve rossiysko-belorusskogo prigranich'ya* [Russian language in the scientific and educational space of the Russian-Belarusian borderlands], *Sbornik nauchnykh statey*, Pod obshchey redaktsiyey S.V. Nikolayenko i YU. A. Galkovskoy, VGU im. P.M. Masherova, Vitebsk, pp. 83–108.
- Maslova, V.A. (2004), *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology], Akademiya, Moscow, 208 p.
- Maslova, V.A. (2015), "Dialog russkogo i belorusskogo yazykov v Respublike Belarus'" [Dialogue between Russian and Belarusian languages in the Republic of Belarus], *Vestnik RUDN, Seriya "Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'"*, no 5, pp. 255–258.
- Maslova, V.A. (2019), "Rodnoy yazyk i yego rol' v obrazovanii" [Mother tongue and its role in education], *Fenomen rodnogo yazyka: kommunikativno-lingvisticheskiy, sotsiokul'turnyy, filosofskiy i psikhologicheskoy aspekt* [The phenomenon of the native language: communicative-linguistic, sociocultural, philosophical and psychological aspects], *Sbornik nauchnykh statey*, Pod obshchey redaktsiyey I.P. Zaytsevoy, VGU im. P.M. Masherova, Vitebsk, pp. 15–19.
- Nikolayenko, S.V. (2015), *Vitebshchina v sotsiokul'turnom kontekste. Posobiye dlya uchiteley* [Vitebsk region in a socio-cultural context.], VGU im. P.M. Masherova, Vitebsk, 172 p.
- Nikolayenko, S.V. (2018), "Vzaimodeystviye sotsiokul'turnykh sfer v usloviyakh gosudarstvennogo dvuyazychiya Respubliki Belarus'" [Interaction of socio-cultural

- spheres in the conditions of state bilingualism of the Republic of Belarus], *Fenomen rodnogo yazyka: kommunikativno-lingvisticheskiy, sotsiokul'turnyy, filosofskiy i psikhologicheskiy aspekty. Sbornik nauchnykh statey* [The phenomenon of the native language: communicative-linguistic, sociocultural, philosophical and psychological aspects. Collection of scientific articles], Pod obshchey redaktsiyey I.P. Zaytsevoy, VGU im. P.M. Masherova, Vitebsk, pp. 66–70.
- Nikolayenko, S.V. (2019), “Tsennosti russkoy i belorusskoy kul'tury prigranich'ya i ikh peredacha sredstvami yazyka” [Values of Russian and Belarusian culture of borderlands and their transmission by means of language], *Fenomen rodnogo yazyka: kommunikativno-lingvisticheskiy, sotsiokul'turnyy, filosofskiy i psikhologicheskiy aspekty* [The phenomenon of the native language: communicative-linguistic, sociocultural, philosophical and psychological aspects], Sbornik nauchnykh statey, Pod obshchey redaktsiyey I.P. Zaytsevoy, VGU im. P.M. Masherova, Vitebsk, pp. 151–157.
- Ridevskiy G.V. (2011), “Russkiy yazyk v belorusskikh rayonakh rossiysko-belorusskogo prigranich'ya” [Russian language in the Belarusian regions of the Russian-Belarusian borderland], *Aktual'nyye problemy prigranichnykh rayonov Belarusi i Rossiyskoy Federatsii. Sbornik nauchnykh statey*, VGU im. P.M. Masherova, Vitebsk, pp. 272–275.

Информация об авторе

Инна А. Королева, доктор филологических наук, профессор, Смоленский государственный университет (СмолГУ), Смоленск, Россия; 214000, Россия, Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4; innakor@mail.ru

Information about the author

Inna A. Koroleva, Dr. of Sci (Philology), professor, Smolensk State University (SmolSU), Smolensk, Russia; bld. 4, Przhevalskogo Str., Smolensk, Russia, 214000; innakor@mail.ru

Язык опубликования нормативных актов:
проблемы двуязычия регионального законодательства
и пути их решения

Михаил А. Ревазов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, mikhail.revazov@yandex.ru*

Аннотация. Использование государственного языка Российской Федерации является обязательным при издании нормативных правовых актов как федерального, так и регионального уровня. Республики в составе РФ наряду с русским языком могут использовать собственные государственные языки при опубликовании НПА. В действующем законодательстве определен порядок использования русского языка в качестве государственного, но данный порядок далек от совершенства. Определенные требования должны предъявляться и при использовании региональных государственных языков. Одновременное использование двух и более языков при создании и опубликовании НПА порождает ряд сложностей, неизбежных при двуязычном или полиязычном законодательстве.

Ключевые слова: язык закона, официальное опубликование, требования к языку нормативных актов, государственный язык

Для цитирования: Ревазов М.А. Язык опубликования нормативных актов: проблемы двуязычия регионального законодательства и пути их решения // Вопросы этнополитики. 2020. № 2. С. 54–67. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-54-67

Language of publication of normative acts:
problems of bilingualism of regional legislation
and ways to solve them

Michael A. Revazov

*Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
mikhail.revazov@yandex.ru*

Abstract. The use of the state language of the Russian Federation is mandatory in the publication of regulatory legal acts of both Federal and regional levels. The republics of the Russian Federation, along with the Russian language, may use their own state languages in the publication of the legal acts. The current legislation defines the procedure for the use of the Russian language as a state language, but this procedure is far from perfect. Certain requirements should be made and the use of regional official languages. The simultaneous use of two or

more languages in the creation and publication of an legal acts creates a number of difficulties, inevitable in bilingual or multilingual legislation.

Keywords: language of the law, official publication, language requirements of legal acts, state language

For citation: Revazov, M.A. (2020), Language of publication of normative acts: problems of bilingualism of regional legislation and ways to solve them, *Issues of Ethnopolitics*, no 2, pp. 54–67, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-54-67

Россия является многонациональным государством, в котором функционируют несколько языков, обладающих особым статусом. Так, на всей территории Российской Федерации статусом государственного языка в соответствии со ст. 68 Конституции РФ обладает русский язык. Кроме того, республики, входящие в состав Российской Федерации, могут установить свои государственные языки. При этом стоит сразу отметить два момента: во-первых, таких государственных языков в одной республике может быть сразу несколько¹, во-вторых, нельзя забывать о том, что они не являются альтернативой русскому языку, а используются наряду с ним. Стоит также упомянуть, что статусом государственного языка наделены далеко не все языки, которые являются родными для народов, проживающих на территории России, поэтому законодательству известно и такое понятие, как язык народов.

В условиях существующего языкового многообразия одной из задач государства является создание условий для сохранения и развития существующих языков, в том числе для их использования в официальной сфере (в сфере государственной и общественной жизни), важнейшим условием которой является нормативная регламентация данного процесса.

Мы обратим свое внимание на использование языков при опубликовании нормативных актов как федерального, так и регионального уровня.

Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»² регулирует некоторые особенности использования русского языка как государственного языка Российской Федерации, в том числе определяет сферы, в которых его использование является обязательным. Так, в соответствии с п. 5 ст. 3 Закона № 53-ФЗ русский язык, как государственный язык, подлежит обязательному использованию при официальном опубликовании международных договоров Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов. При этом стоит помнить, что при использовании русского языка,

¹ Например, государственными языками в Карачаево-Черкесской Республике являются абазинский, карачаевский, ногайский, русский и черкесский.

² Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. Официальный сайт. URL: <https://rg.ru/2005/06/07/yazyk-dok.html> (дата обращения 20.12.2019).

как государственного, должен использоваться именно современный русский литературный язык. Для реализации данного требования необходимо установить перечень источников норм современного русского литературного языка. Данные источники должны обладать особым статусом – они должны быть утверждены государством в особом порядке. На сегодня обязанность по определению порядка утверждения норм современного русского литературного языка возложена на Правительство РФ. Во исполнение данной обязанности Правительство РФ установило следующий порядок: Министерство образования и науки РФ утверждает на основании рекомендаций Межведомственной комиссии по русскому языку список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации (по результатам экспертизы), а также правила русской орфографии и пунктуации³. В свою очередь, Минобрнауки РФ утвердило соответствующий список, в который вошло всего четыре источника: орфографический словарь, грамматический словарь, словарь ударений, фразеологический словарь⁴. Никакие другие источники, к которым часто обращаются специалисты, – лингвисты, юристы, государственные органы, и др. – не обладают указанным выше особым статусом, поскольку не утверждены в установленном порядке. Отсутствие этого статуса формально позволяет говорить о недопустимости ссылки на эти источники для установления норм современного русского литературного языка.

Анализ правоприменительной практики при этом показывает, что источники, вошедшие в список, правоприменителями практически не используются (из более чем 200 проанализированных судебных решений, связанных с нарушением норм современного русского литературного языка, данные источники были прямо применены лишь в двух случаях). Это не свидетельствует о том, что данный список не нужен сегодня. Наоборот, это сигнал о его крайней востребованности, но с необходимыми актуальными дополнениями. К примеру, анализ практики показал большую востребованность толковых словарей, а также активное применение «Правил русской орфографии

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 23.11.2006 № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-23112006-n-714/> (дата обращения 06.10.2019).

⁴ Приказ Минобрнауки Российской Федерации от 08.06.2009 № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rf-ot-08062009-n-195/> (дата обращения 11.11.2019).

и пунктуации»⁵. Утверждение в установленном порядке всех реально необходимых источников норм современного русского литературного языка позволит избежать разночтений при определении этих самых норм, устранить неоднородность судебной практики.

Таким образом, для нормативных актов федерального уровня описанная выше проблема является основной при решении вопроса, связанного с языком опубликования акта⁶. Вопрос о том, на каком языке публикуется акт, не возникает в силу того, что русский язык является единственным государственным языком в Российской Федерации.

Эта же проблема соответственно существует и при опубликовании актов регионального уровня на русском языке. Как уже указывалось, использование государственного языка РФ обязательно при опубликовании *законов и иных нормативных правовых актов*. Под этими понятиями подразумеваются как федеральные, так и региональные акты. Но основные проблемы при опубликовании региональных актов связаны с двуязычием, а иногда и с полиязычием [Васильева 2008] регионального законодательства. Далее мы будем говорить о двуязычии, подразумевая возможность использования в определенных случаях и большего числа языков.

Основа для существования двуязычного законодательства заложена в ч. 2 ст. 68 Конституции РФ. Республики получили право устанавливать свои собственные государственные языки. Данные субъекты создавались по национально-территориальному принципу, и, как правило, государственным языком республики является язык титульной нации региона. Иные субъекты Российской Федерации – края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа образовывались, в отличие от республик, по территориальному принципу. Но то, что Конституция РФ не предусматривает для этих регионов возможности установления государственного языка, не означает отсутствия в них проблемы двуязычия законодательства, что будет продемонстрировано далее.

Положения Конституции РФ были конкретизированы Законом «О языках народов Российской Федерации»⁷ (далее – Закон

⁵ Правила русской орфографии и пунктуации (утв. АН СССР, Минвузом СССР, Минпросом РСФСР 1956) [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/pravila-russkoi-ortografii-i-punktuatsii-utv-an/> (дата обращения 04.07.2019).

⁶ Существует еще ряд проблем, которые нуждаются в анализе и решении, в том числе проблема использования в нормативных актах отдельных слов и выражений, создающих ситуацию правовой неопределенности, нарушение ясности и понятности нормативных актов и т. д. Но эти проблемы «языка нормативных актов» затрагивают несколько другие аспекты, чем рассматривающиеся в данной статье.

⁷ Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <https://legalacts.ru/doc/zakon-rsfsr-ot-25101991-n-1807-1-o/> (дата обращения 12.10.2019).

№ 1807-1). Обратим внимание на статьи 12 и 13 данного Закона. В отношении федеральных актов устанавливается, что федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты палат Федерального Собрания Российской Федерации, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации официально публикуются на государственном языке Российской Федерации. А в республиках указанные правовые акты наряду с *официальным опубликованием* могут *публиковаться* на государственных языках республик.

Для региональных актов Закон № 1807-1 предусматривает, что законы и иные нормативные правовые акты республик наряду с *официальным опубликованием* на государственном языке Российской Федерации могут *официально публиковаться* на государственных языках республик. А законы и иные нормативные правовые акты краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов *официально публикуются* на государственном языке Российской Федерации. При этом в необходимых случаях указанные нормативные правовые акты наряду с *официальным опубликованием* могут *публиковаться* на языках народов Российской Федерации в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации.

В этих нормативных формулировках уже заложен целый ряд проблем, связанных с существованием двуязычного регионального законодательства.

1. Закон использует понятия «опубликование» и «официальное опубликование». Есть ли между ними разница, в чем она заключается и какие это влечет последствия? Мы считаем, что разница есть, и она принципиальная. Так, на государственном языке РФ *официально опубликовываются* федеральные акты на всей территории России. Также *официально опубликовываются* на государственном языке РФ нормативные акты всех субъектов РФ. Третий раз мы видим указание на *официальное опубликование* в случае с нормативными актами республик, которые официально публикуются уже на государственном языке республики наряду с опубликованием на русском языке.

В свою очередь термин *опубликование* законодатель использует в отношении федеральных актов при их опубликовании наряду с официальным опубликованием на русском языке и на государственном языке республики. Этот же термин используется при регламентации возможности регионов (кроме республик) публиковать региональные акты на языках народов РФ.

Если в большинстве случаев, когда речь идет об опубликовании или об официальном опубликовании нормативного акта уполномоченным государственным органом смыслового различия в формулировках не предполагается, то здесь в рамках одного Закона и даже одной статьи использование разных формулировок видится не случайным.

Так, под официальным опубликованием в Законе № 1807-1 подразумевается обязательный элемент нормотворческой деятельности, без которого акт не обретет юридическую силу и не сможет применяться. Под простым опубликованием подразумевается скорее информирова-

ние населения о содержании нормативных актов различного уровня на языке, который им понятен (кроме русского языка).

Такие выводы влекут за собой серьезные последствия, связанные с соотношением вариантов одного нормативного акта, опубликованного на разных языках. Уместно это различие рассматривать в отношении актов различного уровня.

Для актов федерального уровня момент вступления в силу связан с опубликованием на русском языке, которое происходит одновременно на всей территории России. Опубликование на государственном языке республики никак не влияет на юридическую силу данных актов, может быть существенно отдалено по времени, может носить обязательный или необязательный характер (в зависимости от регионального законодательства). Стоит также обратить внимание на то, что при буквальном толковании ст. 12–13 Закона № 1807-1 можно сделать вывод, что акты федерального уровня не публикуются на языках народов РФ.

Для актов республик складывается более сложная ситуация. Изначально стоит оговориться, что законодательство республики может устанавливать обязательное опубликование региональных актов на государственном языке республики наряду с государственным языком РФ, может устанавливать право на такое опубликование, а может и вовсе установить обязательность опубликования только на государственном языке РФ. В последнем случае мы получим ситуацию, схожую с федеральными актами. А в первой и второй ситуации мы сталкиваемся с определёнными трудностями. Если орган власти республики должен или решил опубликовать региональный акт на государственном языке республики, то как это делается? Очевидный ответ – в соответствии с законодательством республики. Именно такую формулировку содержит целый ряд конституций различных республик. А при обращении к специальному законодательству мы встретим подобные формулировки: «Официальным опубликованием нормативного правового акта Республики Марий Эл считается первая публикация его полного текста в официальных периодических печатных изданиях. Законы Республики Марий Эл публикуются на государственных языках Республики Марий Эл»⁸, «Законы и иные нормативные правовые акты, принятые высшими органами государственной власти Республики Хакасия, наряду с официальным опубликованием на государственном языке Российской Федерации могут официально

⁸ Закон Республики Марий Эл от 06.03.2008 № 5-З «О нормативных правовых актах Республики Марий Эл» [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802027537> (дата обращения 05.10.2019).

⁹ Закон Республики Хакасия от 20.10.1992 № 11 «О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Хакасия» [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/804956793> (дата обращения 15.10.2019).

публиковаться на хакасском языке»⁹ и т. д. Региональное законодательство очень поверхностно регулирует процедуру опубликования нормативных актов на двух языках.

На наш взгляд, подобная процедура опубликования нормативных актов на двух языках должна учитывать следующие особенности. Региональный акт в любом случае должен быть обязательно опубликован на государственном языке РФ, именно с этим моментом связаны юридические последствия. Если акт был изначально опубликован на государственном языке республики, то до опубликования на русском языке такой акт не считается официально опубликованным. В случаях когда в соответствии с региональным законодательством нормативный акт публикуется на двух языках, такое опубликование разумнее всего осуществлять одновременно (текст акта на двух языках в одном источнике, либо на разных языках в разных источниках, но в один день). Если же на государственном языке республики акт опубликован позднее, а обязанность его публикации на нескольких языках предусмотрена, то логичным было бы считать, что именно в момент опубликования на последнем из предусмотренных языков процедура опубликования акта считается выполненной. Такой подход гармонично бы соответствовал и ситуации, когда публикация на русском языке происходит позднее других. В противном случае мы будем вынуждены признать, что опубликование на государственном языке республики региональных актов носит такой же информационный характер, как и опубликование федеральных актов, так как наступление юридических последствий опубликования акта связывается исключительно с опубликованием на русском языке. В связи с этим возникает вопрос, как воспринимать распространенное в региональном законодательстве положение о том, что официальным опубликованием является первое опубликование текста акта.

Закон Республики Татарстан от 06.08.2003 № 27-ЗРТ «О порядке опубликования и вступления в силу Законов Республики Татарстан и других актов, принятых Государственным Советом Республики Татарстан и его Президиумом»:

Статья 3. Законы Республики Татарстан обнародуются Президентом Республики Татарстан путем их официального опубликования на татарском и русском языках.

Статья 4. Официальным опубликованием закона Республики Татарстан, акта Государственного Совета Республики Татарстан и его Президиума, имеющего нормативный характер, считается первая публикация его полного текста¹⁰.

¹⁰ Закон Республики Татарстан от 06.08.2003 № 27-ЗРТ «О порядке опубликования и вступления в силу Законов Республики Татарстан и других актов, принятых Государственным Советом Республики Татарстан и его Президиумом» [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/422403368> (дата обращения 07.07.2019).

На наш взгляд, под подобными нормами должно скрываться указание на первую комплексную публикацию текста акта, который (текст) представлен на всех обязательных языках:

Пункт 5, ст. 43 Закона Кабардино-Балкарской Республики от 03.08.2002 № 52-РЗ «О правовых актах в Кабардино-Балкарской Республике»: Обнародование подписанного закона Кабардино-Балкарской Республики осуществляется Главой Кабардино-Балкарской Республики путем *первого официального опубликования полного текста закона Кабардино-Балкарской Республики на государственных языках* Кабардино-Балкарской Республики не позднее двадцати четырех дней после его принятия¹¹.

Если толковать это положение иначе, то мы опять сделаем вывод об информационном характере публикации на государственном языке республики. В поддержку нашей точки зрения можно привести и тот факт, что региональное законодательство часто указывает на равнозначность в юридическом плане текста акта, опубликованного на разных языках:

Статья 12 Закона Республики Ингушетия от 16.08.1996 № 12-РЗ «О государственных языках Республики Ингушетия»: Тексты законов Республики Ингушетия и других правовых актов, принятых Народным Собранием Республики Ингушетия, Главой Республики Ингушетия, Правительством Республики Ингушетия, *публикуются на обоих государственных языках и имеют равную юридическую силу*¹².

Но к анализу этого положения мы вернемся чуть позднее.

Ситуация с региональными актами иных субъектов (не республик) при опубликовании не только на государственном языке РФ, но и на языках народов РФ схожа с опубликованием на языках республик федеральных актов. То есть опубликование на языках народов РФ носит информационный характер и не порождает никаких юридических последствий. На это, порой, прямо указывается в региональном законодательстве:

Статья 6 Закона ЯНАО от 05.04.2010 № 48-ЗАО «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненец-

¹¹ Закон Кабардино-Балкарской Республики от 03.08.2002 № 52-РЗ «О правовых актах в Кабардино-Балкарской Республике» [Электронный ресурс]. URL: https://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minfin/o_ministerstve/grazhdanskaja_sluzhba/normativnye_dokumenty/zakonodatelstva_i_podzakonnye_normativnye_aktu.php (дата обращения 10.10.2019).

¹² Закон Республики Ингушетия от 16.08.1996 № 12-РЗ «О государственных языках Республики Ингушетия» [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802045361> (дата обращения 15.11.2019).

кого автономного округа»: Органы государственной власти автономного округа *в целях повышения правовой грамотности коренных малочисленных народов Севера* осуществляют организацию перевода законов автономного округа и иных нормативных правовых актов автономного округа в области гарантий прав коренных малочисленных народов Севера *на родные языки* и их опубликование¹³.

Стоит также отметить, что исходя из формулировок статей Закона № 1807-1 в республиках на языках народов РФ акты не публикуются вовсе.

Но ограничиться буквальным толкованием в данном случае может быть недостаточно. Законодатель скорее умолчал о такой возможности для республик, сконцентрировав акценты на том, что именно республики могут на собственном государственном языке осуществлять официальное опубликование региональных актов. И обычно такого опубликования достаточно для выполнения функции по информированию населения. При этом не во всех республиках в составе РФ сегодня статусом государственного языка обладает несколько языков, к примеру, в Республике Карелия в соответствии с Конституцией государственным языком является русский, а также предусмотрено, что Республика Карелия вправе устанавливать другие государственные языки на основании прямого волеизъявления населения Республики Карелия, выраженного путем референдума. В свою очередь законодательство Республики устанавливает, что карельский, вепсский и финский языки составляют национальное достояние Республики Карелия и наряду с другими языками народов Республики Карелия находятся под ее защитой, и на этих языках возможно опубликование нормативных актов.

2. Наличие двуязычного законодательства неминуемо порождает вопрос об идентичности содержания текстов одного акта, опубликованного на разных языках.

Как мы уже выяснили, в случаях когда опубликование на втором языке (в дополнение к опубликованию на русском языке) носит информационный характер, тексты акта на разных языках подразумеваются идентичными, но все варианты, кроме опубликованного на русском языке, являются лишь переводом. При возникновении разночтений правоприменитель обязан обратиться к тексту акта на русском языке и применять только его.

Сложнее представляется ситуация с двуязычным региональным законодательством республик. Ни один из вариантов текста опубликованного акта не является переводом, т. е. региональный законодатель не принимает акт на русском языке с переводом на государственный язык республики, акт принимается именно на двух языках.

¹³ Закон Республики Марий Эл от 06.03.2008 № 5-З «О нормативных правовых актах Республики Марий Эл» [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802027537> (дата обращения 05.10.2019).

Практическая сложность состоит в том, что готовить один нормативный акт с идентичным содержанием на двух языках сразу представляется крайне затруднительным и практически невозможным. Следовательно, на этапе подготовки акта проект разрабатывается на одном языке, после чего он переводится на другие языки, затем акт принимается. Возможна и ситуация, когда акт принимается на одном языке, а публикуется уже на нескольких. Предпочтительнее выглядит первая ситуация, так как подразумевается, что текст акта на всех языках должен быть принят законодателем, ведь практически всегда указывается, что тексты на разных языках аутентичны по содержанию и имеют одинаковую юридическую силу.

Одно указание на презумпцию аутентичности содержания нормативного акта, опубликованного на разных языках, явно не достаточно для снятия всех проблемных вопросов в данной области. Можно даже поставить такой вопрос: могут ли два сложных объемных текста на разных языках быть абсолютно одинаковыми по содержанию? Даже обратившись к любому словарю-переводчику, мы увидим, что слово на одном языке в другом – соотносится сразу с несколькими словами разного смыслового оттенка. А после этого, взяв в руки толковый словарь и пытаясь понять уже переведенный текст, мы опять можем столкнуться с многозначностью интересующего нас слова. В разных языках сложные предложения могут строиться по разным правилам, по разным правилам может определяться время действия в тексте, да и элементарно – в одном из языков может не быть слова с аналогичным значением. Все это может повлечь различие в содержании актов, особенно в деталях правового регулирования, так как общая идея акта едва ли может быть искажена при добросовестном переводе.

А теперь представим теоретическую ситуацию, когда одно лицо, руководствуясь нормативным актом на «первом» языке, совершает определенные действия, а другое лицо, руководствуясь тем же актом на «втором» языке, указывает на противоправное поведение первого лица. Что в этой ситуации делать при разрешении спора с учетом того, что оба акта обладают равной юридической силой, а оба лица действуют строго в соответствии с требованиями нормативного акта на соответствующем языке. Ситуация представляется как тупиковой, так и неизбежной при двуязычном законодательстве.

Сегодня в теории и на практике мы можем наблюдать не попытки устранения этой проблемы, а лишь попытки создания определенных механизмов по ее преодолению при возникновении, либо по уменьшению вероятности ее возникновения. Среди этих механизмов можно отметить следующие: привлечение специалистов лингвистов на этапе разработки проекта акта на нескольких языках; создание специализированных служб по переводу нормативных актов, которые и будут ответственны за качество перевода; наделение одного из вариантов текста преимуществом при выявлении разночтений и т. д. К примеру, в литературе предлагается создание федеральной государственной службы переводов федеральных законов и иных нормативных правовых актов с государственного языка РФ на другие языки ее субъектов [Губаева, Малков 1999, с. 9]. Все эти варианты

неоднозначны, они не снимают саму проблему достижения аутентичности содержания двуязычного законодательства именно как равнозначного по юридической силе.

3. Вспомним о проблеме требований к языку нормативного акта, опубликованного на государственном языке РФ, – о проблеме выявления норм современного русского литературного языка. А теперь обратим свой взгляд на публикацию нормативных актов на других языках – к языку этих актов также должны быть применимы определенные требования. Региональное законодательство также может содержать требования о соответствии языка литературным нормам, а если даже такие требования отсутствуют, это не может означать полной свободы.

Пункт 5 Постановления Правительства Республики Марий Эл от 08.12.2010 № 329 «Об утверждении Положения об использовании языков при публикации общественно значимой информации на территории Республики Марий Эл»: При публикации общественно значимой информации государственные языки Республики Марий Эл и иные языки используются в соответствии с их литературными нормами¹⁴.

Нормативное регулирование данного вопроса на региональном уровне либо полностью отсутствует, либо ограничивается общими фразами о необходимости учета определенных языковых норм. С одной стороны, при двуязычии законодательства один из языков всегда государственный язык РФ, который используется в соответствии с нормами современного русского литературного языка, и акт на русском языке подразумевается идентичным акту на ином языке. С другой стороны, не ясно, как соотносятся между собой нормы русского литературного языка и, к примеру, нормы марийского (горного и лугового) литературного языка. Могут ли эти нормы вступить между собой в противоречие при создании двуязычного акта, как определить круг этих норм, какими нормами руководствоваться при отсутствии подобного регулирования в законодательстве субъекта?

Может возникнуть и практический вопрос, основанный на этом: мы имеем акт на двух языках, вариант на русском языке содержит нарушения норм современного русского литературного языка, и на этом основании перед судом ставится вопрос о признании недействующим этого акта в соответствующих частях. Что в этом случае должно произойти с вариантом этого акта на другом языке, который признаётся равным по юридической силе с вариантом на русском языке? Его положения нормы современного русского литературного языка нарушить не могут, так как он составлен на другом языке,

¹⁴Постановление Правительства Республики Марий Эл от 08.12.2010 № 329 «Об утверждении Положения об использовании языков при публикации общественно значимой информации на территории Республики Марий Эл» [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/469006735> (дата обращения 18.09.2019).

и даже предположим, что требования к этому языку нормативно установлены и акт полностью им соответствует. Оснований для корректировки не русскоязычного варианта текста в таком случае нет, он не является переводом с русского языка, а выступает как самостоятельный вариант текста. В итоге мы получим ситуацию, когда существует один акт, текст которого представлен на двух языках, оба варианта имеют равную юридическую силу, признаются идентичными по содержанию, но фактически различаются. Это повлечет серьезные проблемы, связанные с применением такого акта.

В завершении попытаемся подвести некоторые итоги и предложить свой путь решения проблемы двуязычного законодательства в Российской Федерации.

В рамках нашей страны, на территории которой активно используются разные языки, помимо русского, существование двуязычного законодательства, безусловно, должно положительно сказываться на развитии правовой грамотности, на развитии и поддержании разных языков, на упрощении доступа к правовой информации. Но все эти плюсы не должны негативно влиять на правовое регулирование и правоприменение. Как мы выяснили, на сегодня только в республиках региональное двуязычное законодательство носит полноценный характер, так как нормативные акты на разных языках признаются равнозначными и по содержанию, и по юридической силе, а процедура опубликования носит не только информационный характер, но и влечет юридические последствия. Во всех остальных случаях мы имеем дело с двуязычным законодательством только в той части, в которой текстуально нормативный акт может быть выполнен на нескольких языках, при этом варианты акта не на русском языке направлены лишь на информирование населения о содержании нормативного акта. Юридических последствий публикация таких актов не влечет, а единственным «официальным» вариантом текста нормативного акта является русскоязычный текст.

На конец февраля 2018 г. в СПС Консультант Регионы размещено более 40 тысяч региональных законов и более 750 тысяч актов, принятых различными региональными органами власти в 22 республиках Российской Федерации. Сложно представить, что при опубликовании этих актов на нескольких языках удастся избежать тех критических проблем, которые описаны в данной статье. Мы считаем, что уместно было бы отказаться от двуязычия регионального законодательства республик путем указания на приоритетность русскоязычного варианта нормативного акта. При этом возможно сохранение установленных прав (а в некоторых регионах и обязанностей) по публикации региональных актов на двух языках, но при этом официальным опубликованием будет опубликование именно русскоязычного текста, а все остальные варианты будут его переводом, не будут обладать юридической силой, и при этом будут носить информационный характер. Это позволит, фактически не сокращая сферы применения государственных языков республик, снять ряд серьезных юридических проблем, связанных с реализацией прав на использование таких языков.

В результате мы получим на территории всей России однотипное двуязычное законодательство, в котором текст акта на государственном языке Российской Федерации будет всегда в приоритете. А иные варианты текста будут иметь информационный характер.

Это решение не снимает полностью проблему соответствия содержания текстов на разных языках, но позволяет вывести ее в другое русло. Из юридической проблемы (которая снимается полностью) мы переходим к проблеме перевода нормативных актов для целей информирования населения. В рамках этой проблемы уже можно задуматься о создании центров перевода документов, подготовки специализированных кадров, способах распространения информации, корректировки перевода при изменении первоисточника. При этом те языковые проблемы соответствия двух вариантов одного акта друг другу останутся, но их будет легче решать, а главное – они не будут вызывать проблем применения этих актов. Тем не менее, задача максимального соответствия перевода первоисточнику не должна становиться менее значимой.

Нерешенной до конца остается проблема определения требований к языку нормативных правовых актов. Благодаря практике Конституционного Суда РФ в литературе активно обсуждается требование определенности текста акта, которое вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом. Конституционный принцип обязательности опубликования нормативных правовых актов содержит в себе требования понятности акта. Опубликование акта – это не просто техническая процедура, она имеет своей целью донести до адресатов смысл положений нового акта, значит он должен быть написан понятным для них языком. Остро стоит проблема определения и закрепления норм современного русского литературного языка. Представляется, что решение этой проблемы зависит от активного взаимодействия законодателя со специалистами в области юриспруденции и лингвистики, в результате которого необходимо выработать механизм нормативного закрепления норм современного русского литературного языка в достаточном объеме для его использования в тех сферах, где использование государственного языка РФ является обязательным. Аналогичное предложение можно обратить и к тем субъектам, в которых статусом государственного языка обладает несколько языков, для определения тех норм, которым должны соответствовать эти государственные языки при использовании в официальных и общественных сферах деятельности.

Литература

- Васильева 2008 – *Васильева Л.Н.* Двуязычие нормативных правовых актов в Российской Федерации: совершенствование правовой основы // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 24–32.
- Губаева, Малков 1999 – *Губаева Т.В., Малков В.П.* Государственный язык и его правовой статус // Государство и право. 1999. № 7. С. 5–13.

References

- Gubaeva, T.V., Malkov, V.P. (1999), “*Gosudarstvennyi yazyk i ego pravovoi status*” [State language and its legal status], *Gosudarstvo i pravo*, no. 7, pp. 5–13.
- Vasil'eva, L.N. (2008), “*Dvuyazychie normativnykh pravovykh aktov v Rossiiskoi Federatsii: sovershenstvovanie pravovoi osnovy*” [Bilingualism of regulatory legal acts in the Russian Federation: improving the legal framework], *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 8, pp. 24–32.

Информация об авторе

Михаил А. Ревазов, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9; mikhail.revazov@yandex.ru

Information about the author

Michael A. Revazov, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7-9, Universitetskaya Naberezhnaya, St. Petersburg, Russia, 199034; mikhail.revazov@yandex.ru

Языковая конкуренция и языковые конфликты в республиках РФ с финно-угорским населением

Юрий П. Шабаетв

*Институт языка, литературы и истории, ФИЦ Коми научный центр
УрО РАН; Институт гуманитарных наук Сыктывкарского
государственного университета им. Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия, yurshabaev@mail.ru*

Аннотация. В статье на основании анализа официальных документов, статистических материалов, данных социологических исследований оценивают процессы этнокультурного и этнополитического развития в республиках с финно-угорским населением. Базовую основу работы составляют данные опросов, проведенных в 2017–2019 гг. Целью статьи является анализ языковой политики в указанных республиках. Показано, что республиканские модели этнополитики не основываются на принципах права и общих интересах республиканских сообществ. Подобная практика неизбежно порождает конфликты, в том числе в языковой сфере. Между тем в республиканских сообществах сформировался запрос на политику гражданской интеграции и более эффективные практики образования.

Ключевые слова: этничность, этнополитика, гражданство, удмурты, язык, право, идеология, модели этнополитики

Для цитирования: Шабаетв Ю.П. Языковая конкуренция и языковые конфликты в национальных республиках РФ с финно-угорским населением // Вопросы этнополитики. 2020. № 2. С. 68–89. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-68-89

Language competition and language conflicts in the republics of the Russian Federation with the Finno-Ugric population

Yuri P. Shabaev

*Institute of Language, Literature and History FIC Komi Scientific Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Institute of Humanities
of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar,
Russia, yurshabaev@mail.ru*

Abstract. On the basis of the analysis of official documents, statistical materials, data from sociological studies, the article assesses the processes of ethnocultural and ethnopolitical development in republics with Finno-Ugric populations. The main source of information for the work has been series of surveys conducted in 2017–2019. The purpose of the article is the analysis of language policy in these republics. It is shown that republican models of ethno politics are not based on the principles of law and on the common interests of republican communities. Such

a practice inevitably generates conflicts, including these in the linguistic sphere. Meanwhile, need of a policy of civic integration and of more effective educational practices has been formed in the republican communities.

Keywords: ethnicity, ethnopolitics, citizenship, language, law, ideology, ethnopolitical models

For citation: Shabaev, Yu.P. (2020), "Language competition and language conflicts in the republics of the Russian Federation with the Finno-Ugric population", *Issues of Ethnopolitics*, no. 2, pp. 68–89, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-68-89

Введение

Языки разных народов не только очень существенно различаются по числу говорящих на них людей, особенностям грамматики, синтаксиса, внутренней структуры и социальным функциям. Каждый язык несет в себе исторический опыт народа и является носителем культуры, ибо фразеологизмы, пословицы и все устное народное творчество в целом могут отражать специфические особенности культурной традиции чаще всего на языке, которым исстари пользуется данная этническая группа. В этой связи, казалось бы, этническая традиция не может существовать без отдельного языка. Обоснованию этой идеи посвящена весьма обширная литература. Приведем одно из суждений, касающихся исключительной роли родного языка в передаче этнической информации: «Для фиксирования коллективно значимой информации и ее передачи от индивида к индивиду, из поколения в поколение внутри коллектива стихийно формировалась система звуковых знаков, понятных всем индивидам данного коллектива. Каждый индивид, член данного коллектива, осваивает эту систему знаков ("родной язык") путем обучения со дня своего рождения. "Естественный" язык людей – это всегда язык какого-то этноса» [Ешич 2006, с. 10].

Однако культурные и социальные антропологи давно доказали, что самостоятельный («естественный») язык не является не только главным, но даже обязательным условием функционирования этнических культур. Свидетельств тому достаточно. Отсутствие очевидной связи между языком и этничностью демонстрируют исследования африканских культур, на которые ссылается известный немецкий антрополог Гюнтер Шлее. По его мнению, в Африке, как и в мире в целом, «язык обычно (но не всегда) занимает высокое место в каталоге культурных критериев, используемых в качестве маркеров этнических границ. Совпадение языковых сообществ и этнических единиц/наций поддерживалось на межгосударственном уровне за счет проведения политических границ по языковым ареалам, а на внутригосударственном уровне – за счет расширения области применения языковой политики до новых границ...

В то время как в некоторых случаях наименования этнических и языковых границ совпадают, на другом полюсе обнаруживаются хорошо определяемые с помощью иных критериев этнические

единицы, которые не имеют ничего общего с языком» [Шлее 2004, с. 108–109].

Язык имеет, прежде всего, коммуникативные функции, но как только этническая группа начинает выступать не только как культурное сообщество, а приобретает черты государственного народа, функции языка расширяются, ибо он становится еще и инструментом политической интеграции и культурной гомогенизации политического сообщества, а также инструментом, с помощью которого осуществляется политическая сепарация.

Начальный этап языкового строительства у финно-угров России

После большевистского переворота в ноябре 1917 г. новая власть для укрепления своих политических позиций решила привлечь на свою сторону многочисленные этнические меньшинства бывшей империи. Именно большевики способствовали превращению этничности из сугубо культурного феномена в политический ресурс и довели политизацию этничности до огромных масштабов. Первое и самое главное, что было сделано большевиками, – это институционализация этничности и абсолютизация культурных границ между этническими группами, превращение этих границ из условных и символических в административные и политически значимые. Уже 8 ноября 1917 г. был создан Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), просуществовавший до 1923 г. Главной задачей Наркомнаца была реализация общих принципов национальной политики большевиков и так называемое *размежевание народов и язык в этом процессе имел важное значение.*

Идейной основой деятельности нового органа стала принятая на вооружение большевиками доктрина этнического национализма, суть которой сводилась к трем основным положениям: 1) каждая этническая группа должна обладать собственным государственным образованием; 2) в пределах данного государственного образования группа объявляется «коренной», а все остальное население – «некоренным»; 3) представители «коренной» группы получали политические и культурные преференции [Тишков 1993]. Ориентируясь на эту доктрину, большевики разрушили прежнее административное деление страны, и государство разделили на этнические анклавы, которые были переданы в символическую коллективную собственность только одному собственнику – «коренным народам», к которым русские не были отнесены.

В процессе социалистических преобразований в большевистской России происходила замена гражданских и республиканских идеалов и ценностей идеалами, ориентированными на местную солидарность и локальные культуры. Республиканские идеалы нацистроительства, рожденные в годы Великой французской революции, отвергавшие разделение граждан по сословным, этническим,

социальным границам, были отвергнуты. Общество строилось по принципу классовых и культурных иерархий: самым передовым классом, на который должны были ориентироваться все остальные страты советского общества, идеологи большевизма определили промышленных рабочих – пролетариат, а в этнических автономиях на вершине культурной пирамиды значился «коренной народ». Термин «национальность», который использовался во время переписи населения 1926 г., а официально был узаконен в 1932 г., когда был введен общегражданский паспорт с обязательной соответствующей графой, стал синонимом понятия «этническая принадлежность». В большинстве других стран под национальностью понимается не наличие языкового родства, а принадлежность к политическому сообществу, определяемое через категорию «гражданство». Но ленинская национальная политика фактически была нацелена на вытеснение из общественного сознания гражданских идеалов с помощью культивирования этнических различий.

Пришедшие к власти в этнических автономиях новобранцы партии большевиков в большинстве случаев не были профессиональными революционерами, глубоко освоившими и принявшими как руководство к действию республиканские идеалы, а являлись либо идейными, либо стихийными националистами.

Так, возглавивший созданную в 1920 г. Карельскую трудовую коммуну бывший доцент Гельсингфоргского (Хельсинкского) университета Эдвард Гюллинг («красный финн»), не только намеревался сделать Карелию республикой, имеющей самую широкую автономию и простирающейся от Онеги до Баренцева моря. В отличие от плохо образованных новобранцев партии большевиков, выступавших от имени «угнетенных народов», он понимал, в чем состоит суть политики большевиков в отношении меньшинств и прагматично использовал *этнический национализм* как идейную основу процесса нациестроительства в Карелии.

Финский исследователь М. Кангаспуру, иллюстрируя идейные позиции карельского лидера, сослался на заявление, которое Гюллинг сделал в 1921 г. на четвертом съезде КПФ, состоявшемся в Петрограде: «Тезис о национализме верен. Но сейчас вопрос заключается в том, что революция выигрывает от пробуждения национализма. Говорят, что черта следует изгнать с помощью Вельзевула. Другой здесь не справится. В любом случае в коммунизме проявляется известная доля национализма» [Кангаспуру 1997, с. 116].

Идея «крови и почвы», но не пролетарского интернационализма вдохновляла тех, кто был призван осуществлять национально-государственное строительство на окраинах бывшей империи. В политическом плане местные большевики не были заинтересованы в формировании в «своих» регионах интегрированных гражданских сообществ, поскольку в идеологическом плане этнический национализм противостоит сущности гражданского строительства. В этой связи осуществлявший сравнительное изучение процессов нациестроительства П. Кауппала заметил, что ни в Карелии, ни в Коми не была сформирована типичная для Финляндии интеграционная идея,

заклучавшаяся в том, что финны и шведы представляют собой единый двуязычный народ [Каушпала 2006, с. 14–22].

Поскольку творцы автономий были националистами, постольку они вели активную работу по «коренизации» автономий. Политика коренизации имела два аспекта – культурный и политический. Культурный был связан с формированием национальной школы, книгоиздания, созданием алфавита и литературной традиции, расширением сферы функционирования местных языков, созданием национальных сценических и художественных традиций. Политический аспект состоял в политизации этничности и закреплении политических позиций титульной этнической группы.

В Карелии, например, «в северных районах республики среди карел под влиянием финнизации появилась мода менять на финские свои старинные «русские» фамилии (Петров, Родионов и т. п.). Финнизация приводила к разделению населения по этническому признаку буквально во всех сферах повседневности и общественно-политической деятельности. «Финноязычные» карелы проводили отдельные от русских комсомольские собрания, а в школах карельские дети не хотели сидеть за одной партой с русскими сверстниками. Из 22 газет 10 были на финском языке, из 8 журналов – 5 финноязычные. До 1935 г. в Реболах и Ругозере не было русскоязычных книг, ни один из руководящих работников не говорил по-русски» [Сурво и др. 2009, с. 126].

Язык играл особое значение в процессе коренизации. Так, после того, как в 1920 г. была образована Удмуртская (Вотская) автономная область, началась так называемая удмуртизация государственного аппарата. «Постановлением V съезда Советов Вотской автономной области во всех учреждениях вводилось употребление удмуртского языка ... При этом процесс удмуртизации, как и в ряде других республик, нередко носил насильственный характер, очевидный приоритет при приеме на работу кадров управленцев отдавался удмуртам, но «качественные характеристики работников зачастую не брались во внимание» [Удмурты 1993, с. 46].

Но в 1930-е гг. политика коренизации была свернута, а языковые ориентации финно-угров стали быстро меняться в пользу русского языка. Особую роль в смене этнокультурных и особенно этноязыковых ориентаций, на наш взгляд, сыграли сложные социальные процессы, начавшиеся в 1950-х гг., – демографический переход, формирование нового облика территориальных сообществ, индустриализация и урбанизация.

Свою роль, конечно, сыграло и появление политической доктрины новой общности людей – советского народа, интернационального по своей природе сообщества.

На рубеже 1980–1990-х гг., а особенно после распада СССР, на политической сцене заняли прочное место этнонациональные движения финно-угров, которые взяли на вооружение несколько обновленную идеологию этнического национализма и попытались снова изменить языковую ситуацию в республиках. Уже на первых съездах этих движений языковая проблематика стала одной из ключевых тем

этнополитических дискуссий. Региональные власти были вынуждены откликаться на требования этнических организаций и в Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии языки титульных этнических групп были объявлены государственными, разрабатывались и принимались различные меры их поддержки, а в 2003 г. в Мордовии, в 2011 г. в Коми и в 2013 г. в Марий Эл коми, мордовские и марийские языки стали обязательными предметами для изучения всеми школьниками этих республик.

*Идеологическая база региональной языковой политики
и динамика языковых изменений в республиках
с финно-угорским населением*

В начале 1990-х гг. началось конструирование новых республиканских моделей этнополитики, представлявших из себя смесь из положений, унаследованных из большевистской доктрины этнического национализма (ленинской национальной политики), и идей, заимствованных из лозунгов этнонациональных движений.

Правовая и доктринальная основа региональной этнополитики была противоречива и крайне политизирована, а также мало соответствовала *общим интересам* республиканских сообществ.

Наиболее показательным является пример конституционных актов республик с финно-угорским населением, в которых закрепляется особая миссия титульных этнических групп, т. е. пусть и символически, но дезаурируется идея конституционного равенства граждан.

Так, в Основном законе Республики Карелия, принятом только в 2001 г., присутствует странная формулировка, не согласующаяся с культурными и историческими реалиями региона: «Исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории карелов»¹. Тем самым все остальные культурные группы фактически были лишены законодателями «права» на местную историю, а культурная специфика других этнических групп (национальностей), исторически связанных с территорией Карелии, не признавалась ими как культурная реальность, формирующая этнокультурный облик республики.

В Конституции Коми, принятой в 1994 г., в ст. 2 провозглашалось: «Носителем суверенитета и единственным источником государственной власти Республики Коми является ее многонациональный народ». Но уже следующая статья как бы опровергала гражданскую и поликультурную сущность местного территориального сообщества и символически выделяла титульную этническую группу в особую категорию граждан: «коми народ – источник государственности республики»². Указанное положение было не итогом поиска положений, обладающих повышенной нормативностью (что и должно фиксиро-

¹ Конституция Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_karel/ (дата обращения 20.07.2020).

² Конституция Республики Коми // Красное знамя. 1994. 10 марта.

ваться в Основном законе), а было лишь политическим лозунгом (чего не должно присутствовать в Конституции), дословно скопированным из резолюции первого съезда коми народа.

В Конституции Удмуртии территориальное сообщество делится на удмуртскую нацию и народ Удмуртии, которые как бы противопоставляются друг другу³, что свидетельствует о непонимании законодателями категории нации как нации-полиса, хотя именно так она трактуется в международном праве.

Современная Конституция Марий Эл формально гарантирует равенство прав всех граждан, но с начала 1990-х гг. марийское движение добивалось исключительных прав именно для представителей титульной этнической группы. Так, Декларация о государственном суверенитете Марий Эл и первая версия Конституции 1992 г. делили республиканское сообщество на «марийскую нацию» и «весь народ республики», а основой этой версии была идея этнического самоопределения, ибо в преамбуле было сказано: «Верховный Совет... реализуя неотъемлемое право марийской нации, всего народа республики на самоопределение, подтверждает государственный суверенитет Республики Марий Эл на всей ее территории...»⁴.

Логика конституцирования особой миссии титульной этнической группы неизбежно вела к формированию этноцентричных моделей этнополитики и абсолютизации роли языка этих групп в жизни республиканских сообществ.

И если оценивать практику реализации региональных моделей этнополитики в целом, то в них очень силен этнический фаворитизм, а этничность противопоставляется гражданству [Шабаев, Садохин 2014], этнокультурное просвещение сводится не к познанию культурного многообразия республик и страны в целом, а в основном к познанию культуры «коренного народа». Примером могут служить концепции этнокультурного образования Коми и Карелии, утвержденные совсем недавно (в 2015 и 2017 гг.) и краеведческие учебные программы из других республик.

С начала 1990-х гг. в РФ был предпринят целый комплекс различных мер, направленных на поддержку миноритарных языков: приняты республиканские законы о государственных языках, разработаны программы развития языков, активизировалась работа по их нормированию, существенно расширено представительство этнических языков в электронных СМИ и т. д. Все эти меры получали официальную поддержку, а литература на этнических языках до сих пор издается в республиках как социально значимая, т. е. за счет государственных средств. Тем не менее, заметных изменений в этноязыковой ситуации не произошло.

³ Конституция Удмуртской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://udmurt.ru/about/government/konstituz_o_pravit.php/ (дата обращения 20.07.2020).

⁴ Конституция (Основной закон) Республики Марий Эл // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 2: Национальные движения Марий Эл / Авт.-сост. С.М. Червонная. М.: ЦИМО, 1996. С. 16.

Однако сложности в языковом развитии не дают оснований говорить о том, что языки российских финно-угров находятся под угрозой исчезновения, хотя подобные утверждения нередко можно слышать из уст этнических активистов.

Коми, коми-пермяки, удмурты, марийцы, мордва остаются преимущественно аграрными этническими сообществами и на селе в своих регионах они обычно численно доминируют, а потому здесь роль финно-угорских языков остается ключевой.

Среди республик с финно-угорским населением самая сложная ситуация в Карелии, ибо там только в трех сельских районах доля карел относительно высока и можно говорить об их компактном расселении. По итогам переписи населения 2010 г., в Олонецком районе карелы составляют 52,2% населения, в Калевальском – 35,5%, в Пряжинском – 31,9%.

В Коми из 20 районов и городских округов в 5 доля коми составляет от 50 до 90%, а еще в 6 – от 25 до 46%, согласно данным переписи населения 2010 г. В Удмуртии в 15 районах доля удмуртов составляет от 50 до 80% (из 29 районов и городских округов), а в 5 – более трети. В Республике Марий Эл в 7 районах (из 17 районов и городов) доля марийцев составляет от 50 до 80%, а еще в пяти она приближается к половине жителей. В Мордовии в 11 районах доля мордвы составляет от 52 до 92%, а еще в 7 – от трети до почти половины жителей (всего районов и городских округов 23).

Иная ситуация в городах, где финно-угры находятся в меньшинстве, а русский язык доминирует во всех сферах коммуникации, в том числе в семейном общении. Но в столицах республик их доля обычно значительна: в Сыктывкаре, по данным переписи 2010 г., коми составляют 25,9% жителей, в Йошкар-Оле марийцы – 25,9%, в Саранске мордва – 27,5%, в Ижевске удмурты – 14,8%, в Петрозаводске карелы – 4%. При этом важно заметить, что финно-угры в составе городского населения составляют не просто меньшинство, но меньшинство, сформировавшееся из сельских мигрантов, представители которого стремятся интегрироваться в доминирующую культурную среду. Культурная интеграция, включая языковую, есть важный этап адаптации сельских мигрантов к городскому образу жизни.

Данные переписей и многочисленных социологических исследований свидетельствуют, что, несмотря на все усилия, тенденция на ослабление языковых компетенций является вполне устойчивой, ибо рост доли городского населения среди финно-угров и далее будет приводить к снижению уровня их языковых знаний.

Перепись 2010 г. вновь показала, что русский язык является не только средством межкультурной коммуникации, но и признается родным значительной частью российских финно-угров: этот язык назвали родным 37,1% коми, 43,9% – удмуртов, 20,2% – марийцев, проживающих в одноименных республиках.

Что же касается языковых практик, то здесь очевидной доминантой является все более широкое использование русского языка во всех сферах коммуникации, включая внутрисемейное общение, как показывают результаты многочисленных исследований. Так,

согласно итогам массового опроса 2015 г., только 0,4% марийцев, проживающих в городах, общались на родном языке с детьми дошкольного возраста и 1,1% – с детьми школьного возраста⁵.

Общие принципы и практика языковой политики в регионах проживания финно-угров

Среди законодательных актов, регулирующих языковую политику, в первую очередь необходимо назвать Закон «О языках народов РСФСР», принятый 25 октября 1991 г. Этот Закон несколько раз дополнялся и изменялся, но его суть оставалась неизменной и он лежит в основе современной российской языковой и образовательной политики (наравне с Законом «Об образовании в Российской Федерации» от 2012 г.). В статье 3 данного Закона подтверждаются равные права языков народов России, а статьи 4 и 5 обеспечивали гарантии защиты языков всех народов РФ. Статус государственного языка РФ закреплен за русским языком, который является «основным средством межнационального общения народов». Исходя из положений Конституции Российской Федерации, Закон наделил функцией гаранта сохранения родных языков народов России, наряду с республиками, и остальных субъектов. Стоит особо подчеркнуть, что в Законе главный акцент делается на проблеме равноправия языков России, что, однако, не означает их равенства, ибо языки, которые имеют более развитые литературные традиции, всегда будут иметь преимущество перед миноритарными языками, нормирование многих из которых еще не завершено.

В закон неоднократно вносились изменения, но наиболее существенные были сделаны в 2018 г.

Каковы были эти изменения? Главными были положения о русском языке как родном (причем не только для русских), свободном выборе языка обучения и государственных языков республик как предметов⁶.

Названные дополнения, носившие сугубо правовой характер, стали предметом острых этнополитических дискуссий в социальных сетях, но суть этих дискуссий не носила правового характера, а сводилась к откровенному морализаторству. При этом местные интеллектуалы из числа коми, удмуртов, марийцев и т. д. были искренне уверены, что действуют на благо своих культурных сородичей и даже не понимали, что, не принимая во внимание позиции значи-

⁵ Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл: Науч.-статистич. бюллетень / МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева; авт.-сост. В.И. Шабыков, О.В. Орлова, Г.С. Зеленеева, А.В. Гуляев. Йошкар-Ола, 2018. С. 88–90.

⁶ Федеральный закон № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201808030079/> (дата обращения 09.09.2019).

тельной части собственной этнической общности и доминантного большинства населения республик, они отрицают правовой подход к построению языковой политики. Фактически же они добивались не столько удовлетворения культурных интересов той этнической группы, к которой принадлежат сами, сколько пытались проповедовать допустимость диктата этнической группы над отдельной личностью, вольно или невольно стремились ограничить права каждого отдельного члена этнического сообщества на свободный выбор культурных ценностей. И по своей сути протесты были направлены на то, чтобы достаточно узкие группы лиц выступали не только как агенты влияния, но, скорее, как культуртрегеры и моральные цензоры республиканских сообществ.

Идеологи этнических движений и некоторые местные эксперты часто ссылаются на пример Финляндии, где финский и шведский языки являются государственными с 1919 г. и изучаются во всех школах в обязательном порядке, а также Каталонии, где на каталанском языке с конца XX в. осуществляется не только обучение в школах, но частично и в университетах.

Однако языковая ситуация и в Финляндии, и в Каталонии сегодня является противоречивой, поскольку в обоих случаях на нее оказывают влияние сложные социальные, культурные и политические процессы.

В Восточной Финляндии, где шведов нет и шведский язык воспринимается как иностранный, ученики в школах не мотивированы его изучать и потому их знание шведского языка нередко оказывается весьма поверхностным. С начала 2000-х гг. языковые дискуссии в Финляндии усилились, и общественные настроения стали меняться не в пользу шведского языка⁷.

Начиная с 1980-х гг. последовательно формируются принципы языковой политики Каталонии, которые активно поощрялись пришедшей в 1990-е гг. к власти в Испании Народной партией. Идея паритетного испано-каталанского двуязычия, как наиболее приемлемая, была отвергнута каталонскими политиками и был взят курс на позитивную дискриминацию в области языка, когда развитию каталанского языка уделялось приоритетное внимание.

Федеральные политики обвиняли власти Каталонии в том, что они в области языка ведут точно такую же политику, как и Франко (при котором каталанский язык был запрещен), только теперь преследуется не каталанский язык, а испанский, говорили о «тотальной каталонизации» провинции. Наоборот, каталонские радикалы, объединившиеся на базе «Платформы в защиту языка», требовали полного доминирования каталанского языка в Каталонии.

У каждой из сторон были свои аргументы в языковом споре, но в конце концов языковые споры вылились в споры о будущем Ка-

⁷ Ванхалакка Суви. Языковая политика Финляндии в области образования с точки зрения русского и шведского языков. "Case-study" в городе Коувола. Дипломная работа. Университет г. Ювяскюля [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/> (дата обращения 05.12.2019).

талонской Республики и привели к существенному усилению каталонского сепаратизма, закончившиеся проведением референдумов о независимости Каталонии (2014 г.) и острым конфликтом с федеральным правительством, на сторону которого встал Евросоюз. Эксперты по этому поводу писали, что языковой конфликт в Каталонии связан с серьезными недостатками испанской этнополитики в целом, вылившимися в националистическую эскалацию, «результаты которой могут быть только бедственными для всех. Вопрос сейчас в том, как выходить из тупика, в который привела граждан безответственная радикализация политиков» [Алос и Фонт 2018, с. 163].

Каталонский пример показывает, что непродуманные и слишком поспешные решения в области языковой политики порождают серьезные конфликты, результаты которых могут быть непредсказуемыми.

В современной практике языковой политики можно условно выделить два подхода. Первый опирается на идеи лингвистической экологии. Согласно ему, языки, особенно языки меньшинств, должны сохраняться любыми возможными способами, несмотря на любые издержки и даже невостребованность самими потребителями языка. Сторонники этого подхода оценивают язык исходя из натурфилософских воззрений, трактуя этот социальный феномен, рожденный в процессе исторической эволюции, как редкий вид растений или животных, который при утрате носителей надо вписывать в красные книги. Так, во введении к Красной книге языков России говорится, что «язык каждого народа является не только культурным, но и природным наследием...»⁸. Именно ориентируясь на этот подход, власти Мордовии, Коми, Марий Эл решили нарушить принцип конституционного равенства прав граждан и их право на культурную свободу и заставить детей доминантного большинства изучать финно-угорские языки в школах как предмет, что спровоцировало не только протесты со стороны родителей (которые были оставлены властями без внимания), но и породило языковой конфликт между крупнейшими этническими общинами названных республик [Устинкин, Морозова 2018, с. 239–243].

Второй подход опирается только на принципы права и базируется на двух ключевых культурных правах – праве на отличие и праве на культурную свободу. Первое право означает, что культурная отличительность есть неотъемлемое право каждого человека и никто не может лишить его возможностей отличаться от большинства, а вторая норма означает, что человек сам должен выбирать себе культурные ценности и навязать их ему нельзя, т. е. *наси́льно сохра́нять язы́к недопусти́мо, если он переста́ет бы́ть востре́бованным*.

Правовой подход, однако, очень непопулярен в республиках, в том числе среди образованных представителей финно-угорских народов и членов этнонациональных организаций. Не пользуется поддержкой и то непреложное условие, что вся языковая политика

⁸ Языки народов России. Красная книга: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002. С. 114.

должна строиться, ориентируясь на конечных потребителей, т. е. на носителей языков.

В этом плане показательна ситуация, которая имела место в райцентре Усть-Кулом в Республике Коми. В Усть-Куломском районе доля коми составляет 76,9%, а коми язык полноценно функционирует в большинстве поселений района. Но в сфере образования ситуация иная, ибо ни учителя, ни родители не хотят приобщения к тем языковым знаниям, которые директивно навязываются ученикам. 13 января 2017 г. в районном доме культуры был проведен круглый стол на тему «Коми язык в школе».

Спустя несколько дней после проведения круглого стола в адрес агентства «Комиинформ» поступило коллективное письмо родителей и представителей администрации района, в котором говорилось, что члены исполкома движения «Коми войтыр», приехавшие из столицы, пытались навязать свое мнение его участникам и не слушали оппонентов. А оппоненты этнических активистов справедливо считали, что «заставить родителей в условиях незаинтересованности с их стороны выбрать в качестве языка обучения коми язык невозможно»⁹.

Идея полного перевода школьного обучения в республиках на региональные языки решительно отвергается населением, в том числе самими носителями названных языков. Опрос студентов, проведенный в октябре 2019 г. в Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии, как и целый ряд предыдущих опросов, показал, что ни в одной этнической группе идея введения обучения на национальных языках не пользуется сколько-нибудь заметной поддержкой. Наивысшая доля поддержки этой идеи (по итогам опроса 2019 г.) имела место в Удмуртии, но там за такую форму организации учебного процесса высказались лишь 1,3% школьников, в Коми – 0,7%, в Марий Эл – 0,6%, в Мордовии – 0,0%, среди родителей школьников настроения были такими же. При этом в рассуждениях и местных этнических активистов, и филологов самой распространенной и постоянно тиражируемой претензией в адрес властей являются заявления о том, что изучению национальных языков уделяется мало часов в неделю в образовательных учреждениях. Но простое здравомыслие подсказывает, что даже кратное увеличение этих часов в ущерб приобретению других знаний не изменит ситуации, если язык не востребован, а мотивация к его изучению отсутствует.

С методической точки зрения для преподавания национальных языков создана необходимая база: учебники, пособия, учебные программы и т. д. Проблемы обучения языкам обсуждаются на специализированных конференциях преподавателей и филологов.

Но есть два важных аспекта, которые старательно замалчиваются педагогической общественностью и экспертами. Первый – это проблема мотивации учеников изучать языки предков. За пределами

⁹ Власти и общественность Усть-Кулома возмущены обвинениями со стороны «Коми войтыр» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komiinform.ru/news/143408/> (дата обращения 05.02.2020).

республик с финно-угорским населением проблема повышения мотивации детей анализируется и дискутируется как важная образовательная проблема [Романовская, Эйман 2008, с. 121–126], но в финно-угорских республиках, где она более чем очевидна и актуальна, на нее не обращают должного внимания.

Вторая проблема – это семейное воспитание и включение семьи в процессы двуязычного воспитания. Ведь сколько не увеличивай количество часов, отводимых на усвоение этнических языков в школах, они не будут должным образом изучаться, если семья не включена в процессы двуязычного образования посредством специальных методик и комплекса соответствующих мер, реализуемых под эгидой школы. И мировой опыт, и недавнее исследование, проведенное в Латвии, Эстонии и Финляндии, показывают, что только в тесном сотрудничестве школы и семьи удается сохранять язык предков и повышать его символическое значение [Джалалова и др. 2017]. В республиках с финно-угорским населением дискуссии о языковом образовании обходят стороной проблему *семейной языковой политики*, ибо апологеты этого образования почему-то полагают, что языковая политика должна быть только государственной.

При этом символическая востребованность финно-угорских языков в соответствующих республиках остается высокой, о чем говорит позиция, занятая коми, удмуртскими, марийскими и мордовскими респондентами во время опросов населения республик, проводимых с начала 2000-х гг., которая заметно расходится с позицией русских респондентов и представителей других этнических групп.

Так, опрос населения Удмуртии, проведенный в 2002 г., показал, что в этой республике 31,7% удмуртов безусловно согласны с тем, чтобы удмуртский язык преподавался во всех школах республики в качестве обязательного предмета (еще 35,8% «скорее согласны» с этим, среди русских респондентов «безусловно согласных» лишь 3,0% («скорее согласных» – 14,1%) [Смирнова 2002]. Сходные данные были получены и в Мордовии. Самая большая доля респондентов во всех случаях ратует за то, чтобы язык титульных групп изучался учащимися только по желанию (от половины до двух третей).

Показательно, что среди коми в РК доля тех, кто в начале 2000-х гг. считал необходимым, чтобы все дети в школах изучали коми язык, составляла 35,8%, а среди русских респондентов – только 13,3%. За свободный выбор высказались соответственно 48,4 и 59,8% опрошенных среди названных этнических групп. Примерно аналогичная ситуация была и в Коми округе, где, однако, доля выступающих за свободу выбора оказалась выше. Такая же ситуация имела место в Марий Эл: здесь во время опроса 2001 г. 19,4% русских выступали за необходимость обучения марийскому языку всех школьников республики и 62,1% марийцев высказывались за это же, а против обязательного изучения высказались соответственно 65,7 и 23,7% респондентов из данных этнических групп¹⁰.

Очевидным свидетельством усиливающегося культурного конфликта явились результаты опроса, который был проведен нами совместно с пермскими коллегами в 2012 г. в Коми и Коми-Пермяцком округе. За обязательное изучение коми языка в школах республики и округа всеми школьниками в обоих регионах тогда высказалось только 34% всех респондентов. Но при этом среди русских респондентов подобную практику поддерживали 17,9%, а среди коми – 47,7% (среди коми-пермяков – 41,8%). Расхождения в позициях представителей различных этнических общин по этому вопросу были и ранее (что фиксировалось данными опросов), но прежде эти расхождения не были такими радикальными. Но важно другое – различия в позициях по поводу преподавания языков так называемых «коренных народов» в республиках с финно-угорским населением и в последующем не исчезли или ослабли, а продолжали устойчиво тиражироваться, чему в немалой степени способствовала деятельность этнонациональных движений финно-угров и *практически полное отсутствие региональной интеграционной политики, гражданской по своему содержанию.*

Приведенные выше данные со всей очевидностью свидетельствуют о наличии конфликта интересов, а точнее сказать, конфликта этнокультурных (этноязыковых) позиций, занимаемых крупнейшими этническими общинами населения «финно-угорских республик» РФ. *Но здесь следует оговориться, что в ходе опросов часто оцениваются некие символические воззрения респондентов (как в данном конкретном случае) и их предпочтения, но не реальная практика культурного (языкового) поведения, которая вполне прагматична и ориентирована на идеи рациональности, а не на культурную символику.*

Данные недавних исследований, проведенных в апреле и мае 2017 г. в ряде регионов РФ (программа разработана Институтом этнологии и антропологии и РАН), в том числе в Республике Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии (в каждом регионе опрашивались эксперты, ученики 8–11-х классов в городских и сельских школах, родители школьников и студенты вузов), также показательны. Они, во-первых, свидетельствуют, что подавляющее большинство экспертов, родителей школьников, самих школьников и студентов признают значимость этнокультурного образования и выступают за то, чтобы такое образование получало дальнейшее развитие. Но это не касается языкового всеобуча, ибо большинство однозначно выступило против административного навязывания региональных языков населению республик [Шабаев и др. 2018, с. 62–74].

Однако, несмотря на то что политика в области языкового образования изменилась, этнокультурная и этноязыковая ситуация в республиках с финно-угорским населением остается сложной и языковой конфликт здесь полностью не преодолен.

¹⁰ Межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2001 г.) // Научно-статистический бюллетень / Сост. В.И. Шабыкова. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. С. 110.

Так, после того, как был обнародован приказ министра образования Республики Коми об отмене обязательного изучения коми языка в школах республики, столичная интеллигенция стала собирать подписи под петицией протеста (собрано более трех тысяч подписей). В результате глава республики заморозил до следующего учебного года действие приказа. В Удмуртии в октябре 2017 г. (т. е. после известного выступления В. Путина в Йошкар-Оле) Совет старейшин Удмуртской Республики (орган, созданный удмуртским движением) обратился к главе Удмуртии с наказами, в которых, в частности, говорилось о том, что удмуртский этнос занесен ЮНЕСКО в список исчезающих народов (*имеется в виду Всемирный атлас языков, находящихся в опасности, подготовленный данной организацией*¹¹). А поскольку удмурты «исчезают», постольку надо ввести обязательное изучение удмуртского языка во всех школах Удмуртии по примеру соседних республик.

Апогеем протестов стало самоожжение удмуртского активиста Альберта Разина перед зданием Госсовета республики 10 сентября 2019 г. Тема изучения родных языков была, пожалуй, самой дискутируемой из числа проблем этнокультурного развития, хотя интерес к ней то усиливался, то ослабевал. «В Удмуртии тема “сохранения родного языка” стала актуальной... когда в конце 2013 г. “Удмурт кенеш” – действующее с 1991 г. национально-культурное объединение удмуртов – вышло с инициативой введения обязательного изучения удмуртского языка во всех школах республики. “Обязаловку” предполагалось закрепить на уровне поправок в региональный закон... По их словам, удмуртский язык срочно нуждается в “спасении”. И спасти его намеревались за счет увеличения числа носителей, количество которых, в свою очередь, намеревались увеличить за счет жестких административных мер»¹².

В том же 2017 г. активист удмуртского движения, который, правда, вышел из состава руководства организации, Альберт Разин стал проводить традиционные моления удмуртов в поддержку национального языка, поскольку полагал, что именно языческое возрождение может сохранить культурную отличительность удмуртов. Когда его символы веры рухнули, Разин совершил акт самоожжения.

Опрос студенческой молодежи, проведенный в октябре 2019 г. в Коми, Марий Эл, Мордовии и Удмуртии (опрошено 1200 человек), показал, что почти 80% опрошенных заявили о том, что в этих республиках возможны межэтнические конфликты, а в числе их возможных причин в первую очередь назвали слабый уровень развития гражданского сознания и деятельность этнических радикалов. Более того, этот же опрос показал, что языковой конфликт в данных республиках отнюдь не исчерпан (см. табл. 1), ибо половина коми, удмуртов,

¹¹ Moseley, Christopher (Ed.). Atlas of the World's Languages in Danger. Paris: UNESCO, 2010. 218 p.

¹² Урок родного языка. Как преподавать родные языки – добровольно или в обязательном порядке? [Электронный ресурс]. URL: <https://udm-info.ru/article/tilda/01-10-2019/urok-rodного-yazyka/> (дата обращения 25.09.2019).

марийцев и мордвы высказалась за обязательность изучения их языков в школах. При этом от 50 до 80% русских и членов других этнических групп высказались против практики принудительного изучения региональных языков (в том числе для самих финно-угров).

Таблица 1

Доля представителей этнических групп,
признающих необходимость введения обязательного изучения
языка народа, именем которого названа республика, в %

Ответы представителей этнических групп	Русские	Титульная группа	Другие
Марий Эл			
Да, конечно	17,7	50,5	18,2
Да, но только для представителей народа, именем которого названа республика	12,0	11,7	4,5
Мордовия			
Да, конечно	17,2	33,4	9,1
Да, но только для представителей народа, именем которого названа республика	13,7	16,7	9,1
Коми			
Да, конечно	17,2	33,4	9,1
Да, но только для представителей народа, именем которого названа республика	13,7	16,7	9,1
Удмуртия			
Да, конечно	8,5	37,9	11,4
Да, но только для представителей народа, именем которого названа республика	3,7	12,1	7,1

Но при этом важно отметить, что результаты упоминавшихся выше опросов показали довольно высокий уровень толерантности, продемонстрированный респондентами в отношении культурных ценностей титульных групп и, в первую очередь, их языка. Сама идея преподавания языков финно-угров не вызывает неприятия у иноэтничных опрошиваемых (исключая директивное его навязывание).

Однако и опрос 2017 г., и особенно опрос октября 2019 г. показал одно очень важное обстоятельство, связанное с этноязыковыми ориентациями в республиках. В первые десятилетия 2000-х гг. стал постепенно нарастать языковой конфликт между титульными этническими группами в республиках и иноэтничным населением. Каза-

лось бы, решения, принятые в 2018 г., должны были положить конец этому конфликту, но результаты опроса 2019 г. показали, что он сохраняется. Этому способствует укоренившееся в массовых представлениях мнение о том, что республики есть некая символическая «собственность» титульных этнических групп, которые рассматриваются как привилегированные, а республиканские сообщества не воспринимаются как сообщества равноправных граждан. Поэтому не случайно более половины марийских студентов (50,5%) полагают, что все учащиеся в республике должны изучать марийский язык, в то время как среди русских аналогичное мнения высказали 17,7%, а среди представителей других этнических групп – 18,2%, т. е. явное меньшинство. Почти половина мордовских студентов солидарны с мнением удмуртских студентов (49%), а ниже всего этот показатель в Удмуртии (37,9%) и Коми (33,4%), хотя и здесь очевиден языковой конфликт.

Преодолеть этот и другие конфликты, которые возникают на этнической почве, можно и нужно за счет развития и укрепления гражданских идеалов и гражданского согласия в республиканских социумах, но эта работа все еще носит сугубо формальный характер в региональных стратегиях, да и самих социальных стратегий у руководства многих республик просто нет.

Заключение

В сфере формирования современных моделей региональной этнополитики в республиках с финно-угорским населением существуют серьезные упущения, которые региональные политические лидеры до сих пор не хотят замечать и исправлять. Именно недостатки политических практик в сфере государственной национальной политики привели к формированию этнолингвистического конфликта, наблюдающегося во всех республиках с финно-угорским населением. Имевшие место попытки сделать язык титульных групп обязательным предметом для изучения всеми учащимися вряд ли можно считать приемлемыми решениями. А тот факт, что местные руководители, конституционные суды, республиканские парламенты упорно отрицали, что права доминантных групп игнорируются, говорит, что эти институты игнорировали федеральное законодательство и права граждан. Языковая политика в республиках, в том числе в образовательной сфере, не была нацелена на интересы самих потребителей языка и республиканских сообществ в целом. Не учитывалось, что языковое образование – это проблема, которая вписана в широкий социальный и политический контекст.

Но в прагматическом плане сегодня наиболее актуальными являются не проблемы организации изучения языков, их правовая защита и методическая обеспеченность образовательного процесса. Эти проблемы в целом решены.

Неотложными проблемами являются как раз те, на которые в названных республиках внимания не обращают.

Во-первых, это проблема повышения престижа языков финно-угров, для чего необходимо ориентировать всю языковую политику, включая изучение языков в школах, на интересы потребителей языка.

Во-вторых, это проблема мотивации учащихся (и не только их), для решения которой удачной формой является воспитание наследием, т. е. повышение интереса учащихся к прошлому края, своей малой родины и своей семьи, представление языка предков как личного культурного достояния.

В-третьих, проблема сохранения и развития финно-угорских языков с помощью образовательных программ не может быть решена, если не будет налажена тесная кооперация школы и семьи, не будут найдены эффективные формы этого сотрудничества. *Семейная языковая политика должна стать важным предметом обсуждения в республиках с финно-угорским населением и обязательным элементом общереспубликанских моделей языкового образования.*

Исходя из всего вышесказанного очевидно, что нужна новая стратегия и практика языковой политики, которой пока нет.

Большим недостатком языкового строительства в республиках является и то, что ни в одной из них нет детально разработанных программ по формированию имиджа языков титульных этнических групп. Между тем в мировой практике языковой политики, особенно в сложносоставных сообществах, именно этому направлению уделяется особое внимание. В таких программах на первом месте стоит задача формирования общественного мнения о престижности языка [Coulmas 1991], но тесно увязана с ней и задача так называемого «языкового маркетинга» – методики, призванной изменить языковое поведение носителей местных языков. Указанная методика представляет язык как своеобразный продукт из сферы общественного потребления, в продуманной рекламе которого указываются преимущества и достоинства этого продукта¹³.

В результате последовательных маркетинговых усилий язык должен становиться привлекательным продуктом, в первую очередь на информационном рынке. Здесь стоит заметить, что отдельные энтузиасты пытаются создавать новые информационные ресурсы (продукты), связанные со сферой функционирования этнических языков, но эта работа до сих пор не приобрела системного характера. Разработчикам региональной языковой политики следует иметь в виду, что современные информационные продукты, нацеленные на пропаганду финно-угорских языков, не могут и не должны создаваться под патронажем региональных лингвистов, а тем более этнических активистов. Такие продукты должны готовить специалисты IT-индустрии и молодежные активисты, поскольку молодежь лучше понимает, что сегодня интересно их сверстникам. Примером такого рода деятельности служит разработка приложения к смартфонам «Мой тувинский язык», которая создана студентами Тувинского университета.

¹³ Baker C., Jones S.P. Encyclopedia of Bilingual and Bilingual Education. Clevedon, Avon, UK: Multilingual Matters, 1998. 712 p.

Можно и нужно активнее использовать зарубежный опыт, особенно прагматичные практики. Здесь интересен пример скандинавских саамов, который показывает, что язык можно успешно сохранять и развивать за счет его визуализации и коммодификации. Визуализация в первую очередь должна использоваться в интернет-ресурсах, на которые, как сказано выше, сегодня ориентирована молодежь [Жигарева 2011, с. 273–278]. Данные исследований показывают, что обучающиеся в средних образовательных учреждениях по всему миру легче усваивают информацию на примере графиков, схем, таблиц и ярких графических изображений и образов.

Коммодификация – это процесс, в ходе которого все большее число различных видов человеческой деятельности обретает денежную стоимость и фактически становится товарами, покупаемыми и продаваемыми на рынке [Burdick 2012]. Наиболее успешный пример использования этого метода для сохранения этнических культур и превращения их в привлекательный рыночный продукт – этнографический туризм [Shepherd 2002, p. 183–201]. Вовлекаемые в процесс коммодификации саамские языки превращаются в ресурс оригинальности и аутентичности. Язык получает дополнительные ресурсы для развития, поскольку выступает в качестве «визитной карточки» региона.

Поэтому сегодня главная задача тех, кто озабочен положением языков финно-угров, состоит в поиске новых ресурсов, которые помогут их сохранению и развитию.

Литература

- Алос и Фонт 2018 – Алос Эктор и Фонт. Языковая ситуация в Каталонии и националистический конфликт // Языковая политика, конфликты и согласие. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 133–176.
- Джалалова и др. 2017 – Джалалова А., Зорина Н., Костюкевич И., Протасова Е., Бурса А., Вишмаранта Х., Гаврилина М., Григуле Л. Семейная языковая политика и двуязычное образование // Многоязычие и среда / Под ред. Е. Протасовой. Berlin: Retorika, 2017. С. 8–45.
- Жигарева 2011 – Жигарева А.А. Концепции визуализации: становление, развитие, формы проявления // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 7. С. 273–278.
- Ешич 2006 – Ешич М.Б. «Естественный» язык людей как специфическая знаковая система и феномен культуры: Объективно-исторические причины языково-культурного (этнического) плюрализма человечества (некоторые тезисы) // Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. Кн. I. М., 2006. С. 9–37.
- Кангаспуру 1997 – Кангаспуру Маркку. Взлет и падение «красных финнов» // Север. 1997. № 11–12. С. 111–119.
- Кауппала 2006 – Кауппала Пекка Сравнительный анализ моделей национально-государственного строительства Коми и Карельской автономий в условиях НЭПа (в контексте опыта Великого княжества Финляндского) // История и современное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации: Материалы конференции. Сыктывкар, 2006. С. 14–22.

- Романовская, Эйдман 2008 – Романовская Н.В., Эйдман М.А. Язык меньшинства: его поддержание и развитие // Научный вестник МГТУ ГА. Серия «Международная деятельность вузов». 2008. № 128. С. 121–126.
- Смирнова 2002 – Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М.; Ижевск: ИЭА РАН, 2002. 560 с.
- Сурво и др. 2009 – Сурво В., Сурво А. «Центры» и «периферии» фин(лянд)ского семизиса // Геокультурное пространство европейского севера: Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 4. Архангельск, 2009. С. 174–190.
- Удмурты 1993 – Удмурты: историко-этнографические очерки / Ред. В.В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ, 1993. 392 с.
- Тишков 1993 – Тишков В.А. Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М.: Наука, 1993. С. 8–40.
- Устинкин, Морозова 2018 – Устинкин С.В., Морозова Н.М. Этнолингвистический конфликт в национальных регионах ПФО // Языковая политика и лингвистическая безопасность: Материалы Второго Международного научно-образовательного форума 25–26 сентября 2018 г. Нижний Новгород: НГЛУ, 2018. С. 239–243.
- Шабаев, Садохин 2014 – Шабаев Ю.П., Садохин А.П. Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. М.: Директ-Медиа, 2014. 409 с.
- Шабаев и др. 2018 – Шабаев Ю.П., Воронцов В.С., Мартыненко А.В., Орлова О.В., Миронова Н.П. Языковая политика и языковые ориентации населения в национальных республиках: конфликт интересов между группами или несовершенство культурных практик (на примере регионов с финно-угорским населением) // Вопросы филологии. 2018. № 1. С. 62–74.
- Шлее 2004 – Шлее Гюнтер Управление этническими конфликтами: теория и практика. М.: Программа сотрудничества ЕС и России (ТАСИС), 2004. 200 с.
- Burdick 2012 – Burdick, Christa. Mobility and Language in Place: A Linguistic Landscape of Language Commodification // CHES Student Research Reports. 2012. No. 7. pp. 1–43.
- Coulmas 1991 – Coulmas, Florian (Ed.). A Language Policy for the European Community: Protects and Quandaries. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. 311 p.
- Shepherd 2002 – Shepherd Robert J. Commodification, Culture and Tourism, *Tourist Studies*, 2002, no. 2(2), pp. 183–201.

References

- Alos Hector and Font (2018), “Yazykovaya situatsiya v Katalonii i natsionalisticheskii konflikt” [The language situation in Catalonia and the nationalist conflict], *Jazykovaja politika, konflikt i soglasie* [Language policy, conflicts and consent], IEA RAN, Moscow, pp. 133–176.
- Burdick, Christa (2012), “Mobility and Language in Place: A Linguistic Landscape of Language Commodification”, *CHES Student Research Reports*, no 7, pp. 1–43.
- Coulmas, Florian (Ed.), (1991), “A Language Policy for the European Community: Protects and Quandaries”, Mouton de Gruyter, Berlin; New York.
- Dzhalalova Anna, Zorina Natalya, Kostyukevich Igor, Protasova Ekaterina, Bursa Angelika, Viimaranta Hannes, Gavrulina Margarita, Grigule Ligita (2017), *Family language policy and bilingual education, Mnogojazychie i sreda* /pod red. Ekateriny Protasovoi, Retorika, Berlin, pp. 8–45.

- Kangaspuro, Markku (1997), "The Rise and Fall of the 'Red Finns'", *Sever*, no. 11–12, pp. 111–119.
- Kauppala, Pekka (2006), "Comparative analysis of the models of national-state construction of the Komi and Karelian autonomies in the conditions of the NEP (in the context of the experience of the Grand Duchy of Finland)", *Istorija i sovremennoe razvitie Respubliki Komi v sostave Rossijskoi Federatsii: Materialy konferentsii*, Komi Science Centre, Syktyvkar, pp. 14–22.
- Kim, Hye Jin, Shabaev, Yu.P., Istomin, K.V. (2015), "The local group in search of the Komi-Izhemtsy identity: the dynamics of cultural transformations", *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 85–92.
- Pimenov, M.M. (1993), *Udmurty: istoricheskie i etnographicheskie ocherki* [Udmurts: historical and ethnographic essays], UIIYAL, Izhevsk, 392 p.
- Romanovskaya, N.V., Eidman, M.A. (2008), "Minority language: its maintenance and development", *Nauchnyi Bulletin MGTU GA. Seriya mezhdunarodnaja dejatel'nost' vuzov*, no. 128, pp. 121–126.
- Schlee, Gunther (2004), *Upravlenie etnicheskimi konfliktami. Teoriya i praktika* [Ethnic Conflict Management: Theory and Practice], *EU-Russia Cooperation Program (TACIS)*, Moscow, 200 p.
- Shabaev, Yu.P., Sadokhin, A.P. (2014), "Regional'nyi natsionalizm: ekspertnyi analiz ideologii etnicheskikh dvizhenii Finno-Ugorskikh narodov Rossii" [Regional nationalism: an expert analysis of the ideology of ethnic movements of the Finno-Ugric peoples of Russia], *Direct-Media*, Moscow, 409 p.
- Shabaev, Yu.P., Vorontsov, V.S., Martynenko, A.V., Orlova, O.V. Mironova, N.P. (2018), "Yazykovaya politika i yazykovye orientatsii naseleniya v natsional'nykh respublikakh: konflikt interesov mezhdru gruppami ili nesovershenstvo kul'turnykh praktik (na primere regionov s finno-ugorskim naseleniem)" [Language policy and language orientations of the population in national republics: conflict of interests between groups or imperfection of cultural practices (on the example of regions with a Finno-Ugric population)], *Problemy Philologii*, no. 1, pp. 62–74.
- Shepherd, R.J. (2002), "Commodification, Culture and Tourism", *Tourist Studies*, no. 2(2), pp. 183–201.
- Smirnova, S.K. (2002), *Phenomen Udmurtii. Etnopoliticheskoe razvitie v kontekste post-sovetskikh transformatsii* [The phenomenon of Udmurtia. Ethnopolitical development in the context of post-Soviet transformations]. M.; Izhevsk, 2002, 560 p.
- Survo, V., Survo, A. (2009), "Centers' and 'periphery' of the Finn (land) sky semiosis", *Geoculturnoe prostranstvo evropejskogo severa. Pomorskie chtenija po semiotike kul'tury*, Vol. 4, Pomorskii Universtitet, Arkhangelsk, pp. 174–190.
- Tishkov, V.A. (1993), "Strategiya i mekhanizmy natsional'noi politiki" [Strategy and mechanisms of national policy], *Natsionalnaja politika v Rossijskoi Federatsii*, M.: Nauka, pp. 8–40.
- Ustinkin, S.V., Morozova, N.M. (2018), "Etnolingvisticheskii konflikt v natsional'nykh regionakh PFO" [Ethnolinguistic conflict in the national regions of the Volga Federal District], *Jazykovaja politika i jazykovaja bezopasnost': Materialy vtorogo mezhdunarodnogo nauchnogo i obrazovatel'nogo foruma, September 25-26, 2018*, NGLU, Nizhny Novgorod, pp. 239–243.
- Yeshich, M.B. (2006), "Natural' language of people as a specific sign system and a cultural phenomenon: Objective-historical causes of the linguistic-cultural (ethnic) pluralism of mankind (some theses)", *Globalizatsiya-ethnizatsiya: ethnoculturnye i etnolingvisticheskie processy*. Kniga I. M.: Nauka, pp. 9–37.

Zhigareva, A.A. (2011), "Kontseptsii vizualizatsii: stanovlenie, razvitie, formy proyavleniya" [Visualization concepts: formation, development, forms of manifestation], *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, no. 7. pp. 273–278.

Информация об авторе

Юрий П. Шабеев, доктор исторических наук, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр УрО РАН, Сыктывкар, Россия; 167982, Россия, Республика Коми, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24;

Институт гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия; 167001, Республика Коми, Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55; yurshabaev@mail.ru

Information about the author

Yuri P. Shabaev, Dr. of Sci (History), Institute of Language, Literature and History FIC Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia; bld. 24, Kommunisticheskaya Str., Syktyvkar, Komi Republic, Russia, 167982;

Institute of Humanities of Syktyvkar State University n. a. Pitirim Sorokin; bld. 55, Oktybrskiy Pros., Syktyvkar, Komi Republic, Russia, 167001; yurshabaev@mail.ru

Медиадискурс в многонациональном обществе

УДК 81:271.2-475

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-90-101

Особенности отражения политической проблематики в православном медиадискурсе

Александра С. Макарова

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;
Высшая школа печати и медиаиндустрии Московского
политехнического университета, Москва, Россия, aleste_63@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса о возможности обсуждения политической проблематики с точки зрения христианского вероучения и речевых стратегий автора в православном медиадискурсе. Для анализа выбраны два выпуска программы «Святая правда» телеканала Царьград. Религиозный и политический дискурсы строятся на внушении идей, первый объединяет людей на базе политических идеалов, второй – на единстве веры, их актуализация осуществляется прежде всего на лексико-фразеологическом уровне языка, а метод дискурс-анализа выявил православную коммуникативную специфику рассматриваемых медиаконтентов.

Ключевые слова: православный медиадискурс, медиаконтент, политическая проблематика, церковь, медиапроповедь

Для цитирования: Макарова А.С. Особенности отражения политической проблематики в православном медиадискурсе // Вопросы этнополитики. 2020. № 2. С. 90–101. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-90-101

Features of the reflection of political issues in the Orthodox media discourse

Alexandra S. Makarova

*St. Tikhon's Orthodox University; Graduate School of Press and Media Industry
of Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia; aleste_63@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the issue of the possibility of discussing political issues from the point of view of the Christian doctrine and speech strategies of the author in the Orthodox media discourse. Two episodes of the «Holy Truth» program of the Tsargrad TV channel were selected for analysis. Religious and political discourses are based on the suggestion of ideas, the first unites people on the basis of political ideals, the second – on the unity of faith, their actualization is carried out primarily at the lexical and phraseological level of the language, and the method of discourse analysis revealed the Orthodox communicative specificity of the media content under consideration.

Keywords: Orthodox media discourse, media content, political issues, church, media preaching.

© Макарова А.С., 2020

For citation: Makarova, A.S. (2020), "Features of the reflection of political issues in the Orthodox media discourse". *Issues of Ethnopolitics*, no. 2, pp. 90–101, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-90-101

Введение

Многие процессы, происходящие в языке, объясняются влиянием глобализационных процессов в мире, либерализацией разных сфер общественной жизни, развитием информационных средств коммуникации и т. д. Так, нельзя приуменьшать роль, которую играют современные массмедиа в формировании мировоззрения человека, его речетворческой деятельности и языковой ситуации в целом. В связи с обозначенными экстралингвистическими факторами лингвистический интерес к проблеме речетворчества в медиадискурсе неуклонно растет. Однако, несмотря на вышеперечисленные изменения, две главных характерных черты медиадискурса как дискурсивной практики константны: обязательное наличие участников коммуникации (адресант и адресат) и прагмалингвистическая составляющая коммуникативного события. «Медиатекст, с одной стороны, улавливает современные языковые тенденции, которые, впоследствии запечатлеваясь в Национальном корпусе русского языка, становятся иллюстративным материалом словарей, а с другой – способствует продуцированию новой фразеологии в целом и потенциальной крылатики в частности. Кроме того, возрастающее влияние медиа дает основание говорить о мыслеформирующей функции как доминанте этого типа дискурса» [Ломакина 2019, с. 261].

Вопросами медиадискурса занимаются многие ученые [Добросклонская 2016; Ерофеева 2009; Dijk van 2004; Itani, Bahous 2019 и др.], в поле зрения В.И. Карасика¹, Е.В. Бобыревой², И.В. Бугаевой³, Т.В. Ицкович⁴ и др. находится религиозный дискурс. Православный медиаконтент также не остается без внимания [см.: Бабакова 2018; Макарова 2018; Полонский 2012; Kunyгина, Lomakina, Makarova 2019 и др.].

Современная дискурсология занимается изучением системы дискурсов, т. е. их типологией, при этом процесс терминотворчества, который сопровождает становление и развитие любой науки, способствует

¹ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: Монография. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

² Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности и жанры // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. 2008. № 1. С. 162–167.

³ Бугаева И.В. О лингвистическом статусе языка православных верующих // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2 «Языкознание». 2008. № 2 (8). С. 13–19.

⁴ Ицкович Т.В. Прототекстуальность как конструктивный принцип религиозного стиля // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2 «Языкознание». 2018. Т. 17. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.1>

введению в научный язык новых терминов. Сегодня ученые оперируют понятием *субдискурс*, появление которого можно объяснить отсутствием каких-либо строгих границ между типами дискурса, или размыванием этих границ, а также фактом обнаружения черт «взаимного пересечения в пределах одного текста» [Чурилина 2009, с. 378], потому «логичным кажется выделение православного, католического, протестантского и т. п. типов дискурса, а точнее – субдискурсов, в рамках религиозного христианского дискурса» [Макарова 2018, с. 369].

Если в языке вербализуются разные картины мира индивида, то в дискурсе особое использование языка способствует объективации различных мировоззрений и идеологий. Соответственно, объектом дискурсивного изучения является фронт текстов, «способ структурирования которых обладает значимостью для определенного коллектива, т. е. анализируются тексты, которые содержат разделяемые убеждения, вызываемые или усиливаемые ими <...> тексты, которые предполагают позицию в дискурсном поле» [Серио 2001, с. 551], таким образом, «к постулатам современных дискурсивных исследований следует причислить отношение к языку как средству формирования системы значений: существует не язык как одна целостная система значений, но ряд подвижных, взаимодополняющих систем – дискурсов» [Чурилина 2009, с. 377].

Постановка проблемы и методология

Мысль, что постсекулярное общество нуждается в религии и что, как следствие, религия сильно влияет на жизнь общества, не имеет подтверждений в реальности. Фактически, «православие становится востребованным в политической жизни отнюдь не потому, что идет стремительное воцерковление избирателей <...>. Но складывается общее представление о том, что большинство современных социальных проблем – коррупция, криминализация общества, резкое имущественное расслоение, беспризорность и наркомания – имеют сугубо нравственную природу и могут быть решены не столько усилиями демократической власти, которая неоднократно дискредитировала себя непопулярными среди народа мерами регуляции социальной справедливости, сколько возвышением авторитета Русской православной церкви»⁵.

Статистика подтверждает представленный факт: «<...> по данным МВД, в 2017 г. в пасхальных богослужениях приняли участие 4,3 млн человек. Население России – 143,5 млн человек, и легко вычислить, что до храмов дошли в пасхальную ночь 3% населения <...>. Для реального влияния религии на состояние общества имеют значение не те, кто пассивно соглашается с причислением себя к какой-то конфессии, а те, кто слушает проповеди, активно участвует в

⁵ Овчарова А.И. Православная политика или политическое православие [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnaya-politika-ili-politicheskoe-pravoslavie> (дата обращения 31.01.2020).

приходской жизни и уж тем более не пропускает важные для своей конфессии праздники»⁶.

Русская православная церковь отделена от государства, к тому же, для священнослужителей и исповедующих православие – это «организм богочеловеческий, небесного происхождения, утверждённый Христом и имеющий мистический смысл»⁷. Однако церковь состоит из граждан России, поэтому может и должна реагировать и откликаться на острые политические вопросы, касающиеся жизни страны и народа. «Церковь всегда должна говорить с народом современным языком о проблемах и ситуациях, которые волнуют людей, но в первую очередь она говорит о вечном: о спасении, правде и Священном Писании», – говорит священник Александр Абрамов. – При этом церковь, – добавляет священник, – как и любой общественный институт, имеет право высказываться по важнейшим узловым вопросам общественного бытия»⁸.

В качестве эмпирического материала выступили авторские программы о. Андрея Ткачева на телеканале Царьград. «Много законов и кругом полицейские» от 23.06.2020 г., в котором священник рассуждает о необходимости голосования за поправки в Конституцию даже из-за единственного пункта, включающего упоминание веры в Бога, и «Стерилизация нищих» от 02.07.2020 г., в котором о. Андрей комментирует предложение украинского депутата Галины Третьяковой стерилизовать нищих, призыв «госпожи по кличке Боня» из «Дома-2» не оказывать государственную помощь «нищевородам» и называет подобные высказывания проявлением либерального фашизма и социального расизма.

При исследовании православного медиаконтента нами применялся когнитивно-прагматический подход. Использование дискурсивного анализа предполагает рассмотрение всех конститутивных (канал связи, коммуниканты, языковые характеристики, медийный компонент и т. д.) признаков медиадискурса, который представляет собой коммуникативное событие.

Анализ эмпирического материала

Православный медиадискурс является интегральной частью религиозного медиадискурса с собственной системой жанров, которая расширяется за счет возникновения новых жанров, напрямую связанных с медиасферой. По нашему мнению, во главе жанров медиадискурса стоит жанр медиапроповеди или интернет-проповеди. «Сегодня жанр проповеди вызывает научный интерес, потому что

⁶ Крашенинников Ф. Зачем власти Церковь? URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/04/19/686321-zachem-tserkov> (дата обращения 31.01.2020).

⁷ Сидоров Д. Богу богово [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2017/08/03/rpc_power/ (дата обращения 31.07.2020).

⁸ Там же.

гомилетика имеет целью духовное преображение человека, изменение его поведения, мыслей, образа жизни, а тексты проповедей являются «текстами в тексте» и обладают особыми интертекстуальностью и прецедентностью, восходящими к текстам Священного Писания» [Макарова 2019, с. 49]. Жанр проповеди разнообразен, она может быть проповедью священнослужителей с церковного амвона; огласительной беседой; катехизическими лекциями; миссионерскими проповедями и общественными апологетическими лекциями; рассказами непрофессиональных проповедников о вере в частных беседах; душеназидательными беседами или письмами и др. [Малафеев 2013, с. 38]. Многообразие православной проповеди диктует речевую стратегию проповедника и, соответственно, выбор языковых средств.

Наше исследование посвящено медиапроповеди, т. е. проповеди, переданной через массмедийные каналы связи (радио, телевидение, интернет), а не произнесенной с амвона в стенах института церкви. Предмет данного анализа – медиапроповедь, записанная в телестудии, недолгая по времени (от 5 до 10 минут), так как представляет собой телепродукт, время которого всегда фиксировано, выложенная затем в интернет (до недавнего времени на канале YouTube), где проповедник касается разных тем: от толкования Священного Писания до социально-политических вопросов. Само речетворчество проповедника, форма и содержание проповеди зависят от уровня его образованности, эмоциональности, личного опыта и, конечно, речевой компетенции, что подтверждает мысль о наличии у православного медиадискурса не только признаков элитарного, но и персонального дискурса.

Вначале обозначим главную отличительную черту исследуемых медиаконтентов – это наличие большого количества терминов, относящихся к законодательной и политической сферам. Так, в медиатексте «Много законов и кругом полицейские» мы встречаем: *«Таким людям не нужен ни Уголовный кодекс, ни Гражданский кодекс, ни Кодекс об административных правонарушениях»; пакетное голосование; Основной закон Российской Федерации; Конституция;* в медиатексте «Стерилизация нищих»: *общественно-политические вопросы; гражданское общество; гитлеровские прокламации; леволиберальная идеология; фашизм; политика; комитет Верховной Рады по социальной политике; блок Зеленского «Слуга народа»; указ Гитлера; рейхсканцлер Германии.* В рассматриваемых православных медиатекстах тематика диктует выбор лексики, чем объясняется использование представленной терминологии.

Дальнейший анализ языковых особенностей медиапроповедей выявил черты, свойственные православной проповеди в целом как жанру.

1. Традиционность обращения, то есть употребление апеллятивов, характерных для православной проповеди, – *Братья и сестры*, а также одно из традиционных завершений – *Будьте Богом хранимы.*

2. Наименование Бога, Его ипостасей и использование субститутов: *Бог, Господь Бог, Господь, Дух Божий, Святой Дух, Он, Его* и т. д.

3. Употребление прецедентных имен собственных, восходящих к текстам Священного Писания или имен христианских проповедников: *апостол Павел, пророк Иеремия, Августин Блаженный, Патриарх Сербский Павел*.

4. Ссылки на священные тексты: *Священное Писание* (имеется в обоих медиатекстах), *Послание к Галатам, Евангелие, Послание к Римлянам*.

5. Религиозная и книжная лексика: *писанный закон, умножение беззакония, долготерпение, благодать, плод духовный, несть закона*.

«**Писанный закон** происходит только по мере **умножения беззакония**. И это тоже мысль **Священного Писания**: водимые **Духом Божиим** в законах не нуждаются. Так говорит **апостол Павел**. У них есть **плод духовный**: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание. В **Послании к Галатам** он перечисляет девять признаков действия **Святого Духа** в таком человеке. И дальше говорит: на таковых **несть закона**».

Частое употребление библейских антропонимов и цитат из священных текстов в проповеднических медиатекстах связано с аллюзивностью религиозного дискурса. «Аллюзивные антропонимы служат для емкого указания на целую ситуацию или контекст и, в основном, имеют библейское происхождение. <...> другой разряд антропонимов, как библейских, так и более поздних, широко используется при цитации, для ссылки на источник. Использование антропонимов в этой роли служит для подкрепления мысли проповедника <...> авторитетным мнением святых, апостолов или самого Христа» [Малафеев 2013, с. 41].

Анализ лексико-фразеологического уровня медиаконтента «Много законов и кругом полицейские» выявил присутствие жаргонизмов сообщества автомобилистов: «...на **“зебре” газ не “притопят”** и **“двойную сплошную”** пересекать не будут»; просторечно-разговорного вербального словосочетания: «<...> **поскольку мы все еще с большим трудом вытолзаем из атеистического прошлого** <...>»; фразеологизма разговорно-просторечной окраски и авторского эпитета в одном контексте: «И поверьте, **Августин Блаженный совершенно прав, когда говорил, что все встанет на свои места, если Бог, Господь становится на первое место. А если Бога нет в сознании человека, и, по словам апостола Павла в его Послании к Римлянам, люди не потрудились иметь Бога в разуме, тогда Господь предаёт их постыдным страстям, и все меняется. Собственно, там описывается то безобразие, которое происходит в обезбоженном человечестве**»; авторского эпитета в сочетании с лексемой иноязычного (французского) происхождения и разговорно-просторечного местоименного прилагательного, что характерно для современной публицистики: «<...> **меня не вполне удовлетворяет и радует форма упоминания Господа, которая должна появиться в обновленной Конституции. Она какая-то смазанная, такие экивоки** <...>».

Нами также обнаружено употребление потенциальной фразеологии (термин О.В. Ломакиной) разговорно-просторечного характера и двух видов градации – нисходящей (имена существительные) и вос-

ходящей (наречия) – в следующем контексте: «...за каждую поправку дерутся до крови; можно **“протащить контрабасом”** какие-то вещи, которые мне не по душе, но таковы условия игры, нам навязали игру, в которой мы принимаем пакетное голосование; нужно, чтобы Бог вернулся в сознание людей. Объективно Он есть, а субъективно в головах людей и в сердцах их Его нет. Именно отсюда и происходят все сложности, непонятности и корявости нашей с вами жизни, которую мы **проживаем совокупно, вместе, коллективно, соборно**»⁹.

Языковые особенности медиапроповеди «Стерилизация нищих» характеризуются наличием цитаты из текстов Ветхого Завета и отсылки к сакральным текстам: «Мне всегда хотелось бы говорить о **Евангелии** и вообще о текстах Священного Писания, извлекать, как говорил пророк Иеремия, великое из небольшого» и трансформированной цитаты с именованием христианского проповедника «Как говорил **Патриарх Сербский Павел**, нам всегда и всем на Земле места хватит <...>. **Только бы мы были люди, а не нелюди**»¹⁰. Такое употребление придает авторитетность словам священника, при этом в одном контексте транслируются ветхозаветные и новозаветные идеи, подчеркивая таким образом их неразрывную связь.

В этом медиаконтенте также наблюдается использование метафоры, образного сравнения, авторских эпитетов, а также потенциальных фразеологизмов и жаргонизмов: «Но **рамки наших бесед** – это часто общественно-политические вопросы, и мы должны оценивать происходящее в нашей стране и мире. У нас, верующих людей, есть право оценивать все, что происходит: насколько мы приближаемся к **апокалиптическим временам**, насколько остаемся **христианским или полухристианским гражданским обществом**, народом. Все это нужно для себя **составлять, как пазлы**»; «...пошло очень серьезное обсуждение по поводу **фашистской евгеники**. «<...> как идеология (фашизм. – А. М.) – не уничтожен и имеет много последователей. И эти последователи могут **занимать разные высокие кабинеты**; «... о всяких, по ее мнению (В. Боня. – А. М.), людях, недостойных **получать какую-то копейку от государства**; «<...> можно **упасть ниже точки невозврата, “ниже плинтуса”, преодолеть красную черту** <...>»¹¹. Говоря о таких медийных персонах, как В. Боня, священник прибегает к жаргонизму рекламного стиля, взятому из языка массмедиа – **распиарен при помощи СМИ**.

Следующий контекст содержит математические термины (**геометрическая** и **арифметическая прогрессии**), которые часто используются в статистических документах, фразеологизмы (**рож-**

⁹ «Святая правда»: «Много законов и кругом полицейские». 2020 – Царьград ТВ. URL: https://tsargrad.tv/shows/mnogo-zakonov-i-krugom-policejskietec-andrej-tkachev-skazal-neudobnuju-pravdu-o-konstitucii_262219 (дата обращения 23.06.2020).

¹⁰ Там же.

¹¹ «Святая правда»: «Стерилизация нищих». 2020 – Царьград ТВ. URL: https://tsargrad.tv/articles/sterilizacija-nishhih-otec-andrej-tkachjov-oblichil-fashistov-v-vysokih-kabinetah_264145 (дата обращения 01.07.2020).

даются какие-то дикие идеи взлететь до Рая и опуститься до Ада), просторечную лексику (впарить под), авторские эпитеты (нафталиновые шкафы, чистый фашизм в новой упаковке): «<...> богатый город – это и есть тот микромир, в котором можно взлететь до Рая и опуститься до Ада несколько раз в течение одних суток. Дескать, население плодится в геометрической прогрессии, а пищевые ресурсы умножаются, в лучшем случае, в арифметической. <...> нелюдям вечно чего-то не хватает, у них всегда рождаются какие-то дикие идеи. Они достают из нафталиновых шкафов гитлеровские прокламации и пытаются их нам впарить сегодня под леволлиберальную идеологию. И это чистый фашизм в новой упаковке»¹².

Завершение медиапроповеди традиционно – это, как правило, призыв, который реализуется через употребление глаголов в императивной форме (*наблюдайте, знайте, будьте*): «Так что **наблюдайте** за окружающей жизнью, **братья и сестры, и знайте**, что политикой мы можем прямо не заниматься, но оценивать происходящее вокруг и делать свои суждения и выводы о происходящем – не просто можем, а даже обязаны. Раз мы живем в этом обществе и никуда из него не уходим. **Будьте Богом хранимы**»¹³.

Общение прихожан и служителей церкви преследует много целей: толкование, разъяснение сакральных текстов и смыслов, нравоучение, помощь в сложных жизненных ситуациях, наставление и др. Однако мы видим, что в настоящее время многие проповедники и религиозные деятели обращаются в своих выступлениях к социально-политическим темам и проблемам и делают это, в основном, через СМИ. По словам О.В. Шкуран, «если во времена древнего мира члены языкового общества полагались на тексты богодухновенных книг или на собственные традиции, передающиеся из поколения в поколение, то современный информационный мир отражается и реконструируется с помощью медиатекстов, воспроизводящих мир в своем противоречии, многообразии и ставит человека в ситуации выбора семантики языковой ментальной единицы <...>» [Шкуран 2020, с. 71].

Это подтверждает мысль о важности изучения религиозного медиадискурса, тем более что от исхода борьбы за сохранение религиозных и национальных традиций, зависит, каким будет мир в ближайшем будущем.

Выводы

Как показал анализ, тематика диктует говорящему речевую стратегию и выбор языковых средств, поэтому в обоих выпусках в речи священника появляются авторские эпитеты (*чистый фашизм*

¹² «Святая правда»: «Стерилизация нищих». 2020 – Царьград ТВ. URL: https://tsargrad.tv/articles/sterilizacija-nishhih-otec-andrej-tkachjov-oblichil-fashistov-v-vysokih-kabinetah_264145 (дата обращения 01.07.2020).

¹³ Там же.

в новой упаковке, обезбоженное человечество, смазанная Конституция), образные сравнения (*идеи в глобальном мире летают быстрее самолетов*), политическая и юридическая лексика (*Уголовный кодекс, Гражданский кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, пакетное голосование, Основной закон Российской Федерации, Конституция*), потенциальные фразеологизмы разговорно-просторечной окраски (*занимать высокие кабинеты, копаться в их смыслах, упасть ниже точки невозврата, «ниже плинтуса», «протащить контрабасом»*). Вместе с тем присутствуют языковые особенности, свойственные православному медиадискурсу: отсылки к Священному Писанию (*Евангелие, Послание к Римлянам*), ссылки на христианских авторов (*апостол Павел, Блаженный Августин*), цитация сакральных текстов (*извлекать великое из немногого, как говорил Иеремия*).

Язык медиапроповедника должен быть доступен широким массам (не только «своим», но и «чужим»), так как выбранная речевая стратегия заставляет прислушаться к сказанному и даже изменить свои взгляды на обсуждаемые политические проблемы. «Православная медиаперсона стоит перед очень сложной, а порой невыполнимой задачей – быть современным, <...> прогрессивным и в то же время популяризировать традиционные ценности» [Макарова 2020, с. 105]. Вместе с тем, данные медиапроповеди не лишены употребления религиозной лексики, наименования Бога и отсылок к библейским текстам, что свойственно православному дискурсу в целом, так как «религиозность современной русской языковой личности формировалась под влиянием сложных и неоднозначных исторических процессов, среди которых можно выделить особую духовность русского человека, родившуюся из тесной связи с христианством, в основе которого лежит идея о высших ценностях» [Макарова 2020, с. 101].

Главной чертой рассмотренных медиапроповедей является использование проповедником особой, продиктованной тематикой, терминологии, которая выступает в роли лексических маркеров медиаконтента. Политические смыслы вербализуются через политическую и юридическую лексику, и такое употребление демонстрирует соединение элементов политического и религиозного дискурса, что объясняется речевой стратегией говорящего, позволяет ему быть более убедительным, а также отражает его активную гражданскую позицию. Образные сравнения, лексические градации, использование фразеологизмов и жаргонизмов наполняют медиатексты авторской экспрессией, которая является неотъемлемым компонентом религиозного дискурса, свидетельствует о равнодушии к затрагиваемым социально-политическим проблемам и эмоциональности проповедника и которая имеет особое значение, так как выполняет контакто-устанавливающую функцию, что служит дополнительным средством достижения авторской интенции.

Литература

- Бабакова 2018 – *Бабакова Ю.А.* Особенности публикаций православной тематики региональных СМИ (на примере Астраханской области) // *Медиаисследования 2018* / Под ред. Т.А. Семилет, И.В. Фотиевой. Барнаул: ИП Колмогоров И.А, 2018. С. 92–98.
- Добросклонская 2016 – *Добросклонская Т.Г.* Методы анализа видеовербальных текстов // *Медиалингвистика*. 2016. № 2. С. 13–25.
- Ерофеева 2009 – *Ерофеева И.В.* Аксиология медиатекста в российской культуре (ценностная рефлексия журналистики начала XXI века). Забайкальский гос. гум. пед. ун-т. Чита, 2009. 297 с.
- Ломакина 2019 – *Ломакина О.В.* К вопросу об определении концентра современной крылатики // *IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: Материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции*. Москва, 22–23 октября 2019 г. / Под ред. А.С. Борисовой, А.В. Игнатенко, Т.В. Лариной, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2019. С. 259–265.
- Макарова 2018 – *Макарова А.С.* Православный публицистический дискурс: общая характеристика и основные направления развития // *Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: Материалы III Международной научно-практической конференции (18–19 октября 2018 г., г. Орел)*. Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2018. С. 366–370.
- Макарова 2019 – *Макарова А.С.* Языковые особенности православной интернет-проповеди // *Славянские лингвокультуры в пространстве и временном континууме: Сб. научных статей / Ред. Е.В. Ничипорчик (гл. ред.) [и др.]. Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. Гомель: ГТУ им. Ф. Скорины, 2019. С. 48–62.*
- Макарова 2020 – *Макарова А.С.* Особенности речетворчества в православных медиатекстах // *Языковая политика в России и мире: Материалы Международной научно-практической конференции (6 декабря 2019 г.)* / Отв. ред. М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2020. С. 100–106.
- Малафеев 2013 – *Малафеев А.Ю.* Современная православная проповедь и общественная лекция: лексика и прагматика // *Вестник Сургутского гос. пед. ун-та*, 2013. № 5 (26). С. 37–42.
- Полонский 2012 – *Полонский А.В.* Православное слово: уроки стилистики современных массмедиа // *Стилистика завтрашнего дня: Сб. статей к 80-летию профессора Григория Яковлевича Солганика*. М.: МедиаМир, 2012. С. 183–200.
- Серио 2001 – *Серио П.* Анализ дискурса во французской школе (Дискурс и интердискурс) // *Семиотика: антология* / Сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2001. С. 549–562.
- Чурилина 2009 – *Чурилина Л.Н.* Современный православный дискурс: проблемы лексикографического представления // *Проблемы истории, филологии, культуры*. № 24. М.; Магнитогорск; Новосибирск: Флинта-Наука, 2009. С. 377–383.
- Шкуран 2020 – *Шкуран О.В.* Сакральная жертва как крылатая языковая единица в лексико-фразеологическом пространстве «русскости» // *Научно-теоретический журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Серия «Культурно-языковая личность»*. Хабаровск, 2020. Т. 5. № 65. С. 60–71.
- Dijk van 2004 – *Dijk van T.* Critical discourse analysis. The handbook of discourse analysis. Blackwell, Oxford, 2004, pp. 352–371.

- Itani, Bahous 2019 – *Itani L.Y., Bahous R. Media Discourse Analysis of News Reports in Lebanese Newspapers* [Электронный ресурс] // *Global Media Journal*. 2019. URL: <http://www.globalmediajournal.com/open-access/media-discourse-analysis-of-news-reports-in-lebanese-newspapers.php?aid=87597> (дата обращения 20.05.2020).
- Kunygina, Lomakina, Makarova 2019 – *Kunygina Olga Vladimirovna, Lomakina Olga Valentinovna, Makarova Alexandra Stefanovna, Orthodoxy and the World Website as an Example of Modern Religious Discourse* // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences* (EpSBS, ISSN: 2357-1330). No: 59. Pages: 507–514. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.08.02.41>.

References

- Babakova, Yu.A. (2018), “Osobennosti publikatsii pravoslavnoi tematiki regional'nykh SMI (na primere Astrakhanskoi oblasti)” [Features of Publications on Orthodox Thematics in Regional Mass Media (on the Example of Astrakhan Area)], *Mediaissledovaniya* [Media research], Pod red. T.A. Semilet, I.V. Fotievoi, I.P. Kolmogorov I.A. Barnaul, pp. 92–98.
- Churilina, L.N. (2009), “Sovremennyyi pravoslavnyi diskurs: problemy leksikograficheskogo predstavleniya” [Modern Pravoslavny Discourse (Lexicographic Representation Issues)], *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], Flinta-Nauka, Moscow, Magnitogorsk, Novosibirsk, no 24, pp. 377–383.
- Dijk van (2004), *Critical discourse analysis. The handbook of discourse analysis*, Blackwell, Oxford, pp. 352–371.
- Dobrosklonskaya, T.G. (2016), “Metody analiza video-verbal'nykh tekstov” [Methods of Analyzing Video-Verbal Texts], *Media Linguistics*, no 2, pp. 13–25.
- Itani, L.Y. and Bahous, R. (2019), *Media Discourse Analysis of News Reports in Lebanese Newspaper*, *Global Media Journal*, [Online], URL: <http://www.globalmediajournal.com/open-access/media-discourse-analysis-of-news-reports-in-lebanese-newspapers.php?aid=87597> (accessed 20 May 2020).
- Kunygina, O.V., Lomakina, O.V., Makarova, A.S. (2019), *Orthodoxy and the World Website as an Example of Modern Religious Discourse*, *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences* (EpSBS, ISSN: 2357-1330), no 59, pp. 507–514, DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.08.02.41>.
- Lomakina, O.V. (2019), “K voprosu ob opredelenii kontsentra sovremennoi krylatiki” [On the question of determining the concentration of modern krylatika], in Borisova, A.S., Ignatenko, A.V., Larina, T.V., Lomakina, O.V. (ed.), *Firsovskiyecheniya. Yazyk v sovremennykh diskursivnykh praktikakh: materialy dokladov i soobshcheniy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva, 22–23 oktyabrya 2019 g.* [IV Firsovskie readings. Language in modern discourse practices: materials of reports and messages of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, 22-23 October 2019], RUDN, Moscow, pp. 25–265.
- Makarova, A.S. (2018), “Pravoslavnyi publitsisticheskii diskurs: obshchaya kharakteristika i osnovnye napravleniya razvitiya” [Orthodox Publicistic Discourse: General Characteristics and Main Directions of Development], *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: izucheniye i obucheniye. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Language. Culture. Communication: Learning and Teaching. Materials of the III International Scientific and Practical Conference], Oryol, OSU named after I.S. Turgenev, pp. 366–370.

- Makarova, A.S. (2019), "Pravoslavnyi publitsisticheskii diskurs: obshchaya kharakteristika i osnovnye napravleniya razvitiya" [Linguistic Features of the Orthodox Internet Sermon], in Nichiporchik, E.V. (ed.), *Slavyanskiye lingvokul'tury v prostranstve i vremennom kontinuumе: sbornik nauchnykh statey* [Slavic linguocultures in space and time continuum: collection of scientific articles], GTU im. F. Skaryna, Gomel, pp. 48–62.
- Makarova, A.S. (2020), "Osobennosti rechetvorchestva v pravoslavnykh mediatekstakh" [Features of Speech Creation in Orthodox Media Texts], in Omarov, M.A. (ed.), *Yazykovaya politika v Rossii i mire: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Language policy in Russia and the world: materials of the International scientific and practical], Moscow, RGGU, pp. 100–106.
- Malafeev, A.Yu. (2013), "Sovremennaya pravoslavnaya propoved' i obshchestvennaya leksiya: leksika i pragmatika" [A Modern Orthodox Sermon and a Public Lecture: Lexis and Pragmatics], *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, no 5 (26), pp. 37–42.
- Polonsky, A.V. (2012), "Pravoslavnoe slovo: uroki stilistiki sovremennykh massmedia" [Orthodox word: lessons of stylistics of modern mass media], *Stilistika zavtrashnego dnya. Sbornik statey k 80-letiyu professora Grigoriya Yakovlevicha Solganika* [Stylistics of tomorrow. Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of Professor Grigory Yakovlevich Solganik], Moscow, MediaMir, pp. 183–200.
- Serio, P. (2001), "Analiz diskursa vo frantsuzskoi shkole (Diskurs i interdiskurs)" [Discourse Analysis in the French School (Discourse and Interdiscourse)], in Stepanov, Yu.S. (ed.), *Semiotics: an anthology*, Akademicheskii yproyekt; Yekaterinburg: Delovaya kn., Moscow, pp. 549–562.
- Shkuran, O.V. (2020), "Sakral'naya zhertva" as a Winged Language Unit in the Lexicphraseological Space "Russians", *Nauchno-teoreticheskiiy zhurnal "Social and Humanitarian Sciences in the Far East". Seriya "Kul'turno-yazykovaya lichnost'"*, vol. 5, no 65, Khabarovsk, Russia, pp. 60–71.
- Yerofeyeva, I.V. (2009), *Aksiologiya mediateksta v rossiiskoi kul'ture (tsennostnaya refleksiya zhurnalistiki nachala XXI veka)* [Axiology of media text in Russian culture (value reflection of journalism at the beginning of the XXI century)], Transbaikalsk State University, 297 p.

Информация об авторе

Александра С. Макарова, кандидат филологических наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ), Москва, Россия; 127051, Россия, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1;

Высшая Школа печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета, Москва, Россия; 125008, Россия, Москва, ул. Прянишникова, д. 2А; aleste_63@mail.ru

Information about the author

Alexandra S. Makarova, Cand. of Sci (Philology), Associate Professor of the Foreign Languages Department, St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia; 1, bld. 6, Likhov per., Moscow, Russia, 126051;

Graduate School of Press and Media Industry of Moscow Polytechnic University; bld. 2A, Pryanishnikova Str., Moscow, Russia, 125008; aleste_63@mail.ru

Медиадискурс современного Таджикистана в условиях трансформации языковой политики

Тахмина Г. Хасанова

Филиал Московского государственного университета

имени М.В. Ломоносова в г. Душанбе,

Душанбе, Республика Таджикистан, azamat99996@mail.ru

Аннотация. В центре исследования находится вопрос языковой политики в рамках трансформационных процессов на территории Республики Таджикистан, который находит свое отражение в медиадискурсе страны. Автор обращает внимание на то, что таджикские СМИ, считавшиеся наиболее профессиональными и свободными в Средней Азии, в период кардинальной смены исторических вех отличились поразительной тенденциозностью, превратившись в бездумную машину по выполнению директив. В статье представлено авторское разделение истории СМИ независимого Таджикистана на три основных этапа, дается их лаконичное описание. Обосновывается статус субъектности языковой политики.

Особо отмечается многовекторность, рационализм и сбалансированность языковой политики в Республике Таджикистан. Автор проводит сравнительный анализ опыта некоторых бывших стран социалистического лагеря относительно социально-языковых целей, связанных с пропагандой государственного языка и присвоением особого правового статуса русскому языку.

Представлены официальные статистические данные о количественном распределении населения республики по полу, национальностям и родному языку, в соответствии с которыми анализируется медийный дискурс в контексте языковой политики.

В заключение перечисляется ряд ключевых критериев проводимой таджикскими властями языковой политики, в соответствии с которыми последняя получает высокую оценку экспертов.

Ключевые слова: медиадискурс, языковая политика, трансформация, государственный язык, этнический состав, СМИ, гражданская война, журналист, правовой статус

Для цитирования: Хасанова Т.Г. Медиадискурс современного Таджикистана в условиях трансформации языковой политики // Вопросы этнополитики. 2020. № 2. С. 102–113. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-102-113

Modern Tajikistan media discourse in the conditions of language policy transformation

Takhmina G. Khasanova

*Lomonosov Moscow State University in Dushanbe, Dushanbe,
the Republic of Tajikistan, azamat99996@mail.ru*

Abstract. At the epicentre of this research is the issue of language policy in the framework of transformation processes in the Republic of Tajikistan, which is reflected in the country's media discourse. Initially, the author draws attention to the fact that the Tajik media, considered the most professional and free in Central Asia, during the period of the cardinal change of historical milestones were distinguished by tendentiousness, turning into a thoughtless machine for directives implementation. The article presents the author's independent Tajikistan media main stages classification and gives a succinct description of each of them. The author substantiates the status of language policy subjectivity.

The multi-vector, rationalism and balance of language policy in the Republic of Tajikistan is particularly noted. The author carries out a comparative analysis of some former socialist camp countries experience due to socio-linguistic goals related to the state language promotion and the special legal status assignment to the Russian language.

Official statistics are presented on the quantitative distribution of the republic's population by gender, nationality and mother tongue, in accordance with which the media discourse in the context of language policy is analyzed.

In conclusion, a number of main criteria for the language policy pursued by the Tajik authorities are listed, in accordance with which the Tajik language policy is highly praised by experts.

Keywords: media discourse, language policy, transformation, state language, ethnic composition, media, civil war, journalist, legal status

For citation: Khasanova, T.G. (2020), "Modern Tajikistan media discourse in the conditions of language policy transformation", *Issues of Ethnopolitics*, no. 2, pp. 102–113, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-102-113

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. характеризуется как время кардинальных изменений в общественно-политической, экономической, культурной сферах жизни многих стран. В каждом отдельном государстве это объясняется целым рядом разнообразных факторов, в частности «зашкаливающей» степенью пропаганды, отсутствием всякой свободы (слова, в частности), высоким уровнем безработицы, поствоенной свободой (в отдельных государствах) и индивидуализмом, закрытостью экономических рынков и пр. Это далеко неполный список причин, повлекших за собой полосу беспрецедентных исторических перемен в западных и европейских странах, а затем и в республиках бывшего СССР.

В научной литературе эти перемены получили название «трансформация», при этом анализ содержания понятия «трансформация» в большинстве специальных источников отсутствует, а его терминологическое определение отличается размытостью, неточностью.

Безусловно одно – трансформация непосредственно связана с процессом глобализации, который затрагивает все большее количество государств с различными политическими, экономическими, социальными и культурными системами и требует их адаптации к универсальным стандартам взаимодействия, формирующимся на новом витке мирового исторического развития.

Мы намеренно опустим уточнение понятийного аппарата, поскольку в эпицентре настоящего изыскания находится вопрос языковой политики в рамках трансформационных процессов на территории Республики Таджикистан, который находит свое отражение в медиадискурсе страны. Изначально считаем необходимым обратить внимание на то, что таджикские СМИ, считавшиеся наиболее профессиональными и свободными в Средней Азии, в период кардинальной смены исторических вех отличились поразительной тенденциозностью, превратившись в бездумную машину по выполнению директив. Понадобилось немало времени, чтобы отечественные СМИ, оставшиеся без классической школы журналистики в свете известных трагических событий, предприняли попытку возвращения к прежним высотам.

Становление СМИ независимого Таджикистана условно можно разделить на три основных этапа: 1) медиа гражданской войны (1990–1996 гг.); 2) медиа национального примирения (1996–2000 гг. (прекращение деятельности Комиссии по национальному примирению (КНП)) и 3) медиа национальных интересов.

Первый период (медиа гражданской войны (1990–1996 гг.)) характеризуется деятельностью СМИ в условиях «информационной войны». Субъективизм (в частности, в интерпретации и оценке военно-политической обстановки), тенденциозность, явная приверженность конкретному политическому лагерю, «едкие» газетные заголовки, провокация, спекуляция на страхе людей, несоблюдение профессиональной этики считаются главной особенностью медиадискурса начала 90-х – времени деградации понятия «национальный интерес», тенденциозного, одностороннего освещения событий, местнического и националистического «угара».

Медиа национального примирения (1996–2000 гг. (прекращение деятельности Комиссии по национальному примирению (КНП)) – это бескомпромиссная поддержка законодательных и миротворческих инициатив руководства страны.

Медиа национальных интересов – этап, который продолжается и по сей день. СМИ и, соответственно, медиадискурс являются ретранслятором флагманских проектов президентской площадки; благодаря СМИ власть прислушивается к запросам общества; материалы выходят за рамки сухих цифр и прогнозов; наблюдается отхождение от хрестоматийных стереотипов; отсутствуют «истерички» в информационном поле; активизировалась работа над общественной моралью; беспрецедентный уровень пропаганды национальной идентичности и самопознания.

Успех и эффективность национальной политики любой страны, находящей свою реализацию посредством медиадискурса, не пред-

ставляется возможным без планирования и реализации его языковой политики, основополагающим компонентом которой является государственный язык, что считается вполне объективным в рамках возрождения национальной культуры в условиях трансформации, то есть новой парадигме гуманистических ценностей наступившего столетия. В этой связи языковая политика, по мнению экспертов, приобретает статус субъектности ввиду наличия нескольких ключевых факторов. Так, субъектами языковой политики являются:

- государство (все государственные институты), осуществляющее государственную поддержку национального языка в соответствии со стратегическими интересами страны;
- интеллектуальная элита – писатели, деятели культуры и искусства, языковеды, переводчики, журналисты, литературоведы и т. п., вплотную занимающиеся осуществлением языкового планирования;
- представители проживающих в стране различных диаспор, приоритетной задачей которых, в свою очередь, является сохранение собственных языков и языковых прав [Нозимов 2010, с. 5].

Особый исследовательский интерес для нас представляет второй субъект языковой политики, в частности журналисты, реализующие медийный дискурс государства.

Позволим небольшое отступление, вызванное необходимостью идентификации термина «дискурс». Ввиду постоянного нахождения речевой деятельности в фокусе интересов филологии и смежных с нею других областей знания, понятие «дискурс» не отличается однозначностью трактовок. Уникальные и вместе с тем универсальные особенности термина «дискурс» позволяют ученым обсуждать, интерпретировать его как отдельную категорию коммуникации [Кулявина 2015, с. 1158]. Несмотря на то что в научной литературе до сих пор нет единого понимания этого термина, в силу своей простоты и емкости он (термин «дискурс») нашел широкое распространение в теории и практике целого ряда наук. В связи с ограничениями по объему и специфичностью заявленной тематики настоящей статьи не представляется возможным рассмотреть весь спектр дефиниций данного термина, предлагаемых учеными; отметим лишь одну позицию.

Так, весьма убедителен в своих суждениях исследователь А.В. Олянич, который видит прямую связь между человеческими потребностями и типами дискурса: «Как подчас переплетаются потребности человека, как они трансформируются и переходят с низкого на более высокий уровень, так же трансформируется и его речь, разные типы дискурсов взаимопроникают друг в друга» [Олянич 2004, с. 51–52]. В своей монографии ученый представляет классификацию по типологизации дискурсов, в которых реализуются различные виды потребностей: бытовой альковно-интимный дискурс (потребности в продолжении рода); деловой дискурс (деятельность по получению легальных доходов); воровской дискурс (деятельность по получению нетрудовых доходов); политический дискурс (потребности во власти); информа-

ционный или массово-информационный (медийный) дискурс и др. [Олянич 2004, с. 51–52].

Понятно, что для нас особую значимость приобретает именно информационный или массово-информационный дискурс, подразумевающий потребности в информированности. По мнению разработчика представленной выше классификации, «в условиях глобальной коммуникации данный тип становится массовым и приобретает свои специфические черты, отличающие его от всех остальных типов общения прежде всего по своей всеохватности и многоуровневости передаваемой информации» [Олянич 2003, с. 70–71].

Вопрос медиадискурса в рамках новой языковой политики РТ занимает одну из приоритетных позиций. В частности, профессор Х.О. Хушгадамова отмечает, что Республика Таджикистан переживает трудный путь возрождения языкового и культурного кода, соответственно, таджикский язык подвергается трансформации, обусловленной объективными и субъективными культурно-историческими причинами. В частности, с одной стороны, ускоряющиеся темпы жизни способствуют появлению новой лексики, которую необходимо оперативно и при этом компетентно интегрировать в современный словарный запас нации. С другой стороны, важно сохранить литературно-историческую основу родного языка предков: классический персидский язык и богатство разговорной речи, которые порой недостаточно грамотно употребляются в современных средствах массовой коммуникации. Процесс языковой адаптации должен опираться на взаимодействие официальных структур и гражданского общества таким образом, чтобы все нововведения были обоснованны, понятны и удобны для использования всеми слоями общества [Хушгадамова 2018, с. 120].

В связи с этим следует констатировать, что языковая политика в РТ характеризуется своей многовекторностью, которая проявляется в: расширении и укреплении социально-коммуникативных функций государственного (таджикского) языка, его стандартизации, нормализации и унификации терминологии; создании благоприятных условий для процессов языковой нормализации, что подразумевает «здоровые» отношения между государственным (таджикским) и другими (узбекским, грузинским, азербайджанским, туркменским, киргизским и пр.) функционирующими в республике языками; сохранении общекультурных функций русского языка (ввиду его конституционального статуса и многолетнего стратегического партнерства двух стран); развитии других языков народов Таджикистана. Подчеркнем, что статус государственного языка таджиков ни в коей мере не ущемляет права других языков.

Отметим, что срез языковой политики государства, призванный удовлетворить естественную или социальную потребность современных таджикстанцев в таджикско-русско-английском многоязычии, проявляется в Указе Президента Республики Таджикистан «О совершенствовании преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан» (4 апреля 2003 г.). Данная государственная Программа была продлена на период до 2030 г. (Прило-

жение 1 к Постановлению Правительства Республики Таджикистан от 30 августа 2019 г., № 438).

Однако наряду с консолидирующими государственными инициативами в этом направлении, вопрос медиадискурса республики продолжает сохранять свой дискуссионный статус и эта сфера не является свободной от проблем. Прежде чем сфокусировать внимание на этом сегменте, отметим, что формирование национальной государственности и, как следствие, языковой политики является основным результатом постсоветских трансформаций. Трансформационный процесс направлен на преодоление существенных элементов старого порядка, выработку новых целей и формирование специфических способов их достижения, и по своей сути он нацелен на новое качество явления или системы. Основополагающим, однако не имеющим однозначного ответа в этом процессе является вопрос о том, стоит ли разрушать до основания все достигнутое до трансформаций, или ограничиться реформированием отдельных элементов старого порядка. Так, в рассматриваемом ракурсе с уверенностью можно констатировать рационализм положений нынешней языковой политики Республики Таджикистан, в рамках которой не предпринимаются попытки переписать или «забыть» советское прошлое – правовой статус русского языка закреплён на конституционном уровне.

Не следует игнорировать тот факт, что понятие «государственный язык» являлось «новым» понятием для постсоветской действительности, особенно в условиях Таджикистана, на долю которого после распада СССР выпали все тяготы гражданской войны и который, несмотря на политический и социально-экономический кризис, начал формировать собственную языковую политику, в реализации которой ключевая роль отводилась, естественно, СМИ.

В качестве примера для сравнения приведем позицию Туркмении относительно русского языка, где он (русский язык) считается не более чем одним из артефактов советской эпохи. После получения независимости правительство взяло курс на тотальную «туркменизацию» и русский лишился статуса официального языка Туркменистана. «Туркменский парадокс: русского языка де-юре нет, де-факто он необходим»¹, – так лаконично описывают ситуацию аналитики.

Русский язык не имеет официального статуса и в Азербайджане, хотя продолжает активно использоваться в повседневной жизни граждан страны, особенно в ее столице. В декабре 2018 г. в парламенте Азербайджана даже предложили отменить школьное образование на русском языке², что вызвало шквал недовольства среди населения.

¹ Туркменский парадокс: русского языка де-юре нет, де-факто он необходим [Электронный ресурс]. URL: <https://cabar.asia/ru/turkmenskij-paradoks-russkogo-yazyka-de-yure-net-de-fakto-on-neobhodim/> (дата обращения 13.07.2020).

² Почему в Азербайджане хотят бороться с русским языком [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/society/2018/12/6/953945.html> (дата обращения 12.07.2019).

В Армении русский является первым и обязательным для изучения иностранным языком. В Грузии по причине продолжительного дипломатического, экономического и информационного противостояния с Россией говорить об официальном статусе русского языка и не приходится, хотя Грузия ратифицировала рамочную Конвенцию о защите национальных меньшинств, а русский язык как раз и является языком русского национального меньшинства.

Правовой статус русского языка претерпевал неоднократные изменения на территории Республики Узбекистан то теряя, то приобретая право называться языком межнационального общения.

Безусловно, Туркменистан, Азербайджан, Армения и другие бывшие республики Советского Союза, включая Таджикистан, ведут национализацию госсектора, в рамках которой языковой политике отводится особая, знаковая роль. Однако таджикское руководство в этом вопросе соблюдает максимальный баланс, в результате чего таджикский язык, как государственный, получает полновесное звучание во всех сферах и институтах, а русский, в качестве конституционного языка межнационального общения, выступает платформой многопланового стратегического развития и показателем лучших гуманистических характеристик таджикского народа.

По данным переписи населения на 2010 г. (беспрецедентная активизация трансформационных процессов, по мнению многих экспертов), можно констатировать факт многонациональности состава населения Таджикистана и отметить, что подавляющее большинство (не считая, естественно, этнических таджиков) владеет таджикским и русским языками.

Таблица 1

Распределение населения республики по полу,
национальностям и родному языку³

Национальность	Всего, человек	В том числе считают родным языком			
		язык своей национальности	язык другой национальности		
			таджикский	русский	другие языки
Таджики	6 373 834	6 357 071	–	3182	13 581
Узбеки	926 344	903 211	21 999	866	268
Русские	34 838	32 747	819	–	1272
Татары	6495	3996	470	1704	325

³ Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан. Т. 3: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2012. С. 12–58.

Окончание табл. 1

Национальность	Всего, человек	В том числе считают родным языком			
		язык своей нацио- нальности	язык другой национальности		
			таджик- ский	русский	другие языки
Киргизы	60 715	59 437	897	53	328
Украинцы	1090	451	41	588	10
Немцы	446	222	33	177	14
Казахи	595	396	47	78	74
Евреи	34	13	2	14	5
Осетины	396	198	32	160	6
Белорусы	104	31	11	58	4
Азербайджанцы	371	252	44	61	14
Афганцы	3675	2320	763	12	580
Грузины	92	58	7	19	8
Поляки	23	6	2	13	2
Греки	28	16	2	10	–
Китайцы	801	786	5	8	2
Персы (иранцы)	473	395	26	20	32

Согласно статистическому бюллетеню, на территории Таджикистана проживают представители более 90 национальностей⁴, и в условиях такого мультилингвализма СМИ республики осуществляли и продолжают осуществлять свою деятельность на трех основных языках: таджикском (государственном), русском (по Конституции – язык межнационального общения), узбекском (в силу географических, исторических, культурных, родственных связей таджиков и узбеков). Следует, однако, отметить, что на сегодняшний день сетку вещания дополняют передачи (как правило, новостные) на английском и арабском языках. Информационное сопровождение важнейших государственных мероприятий в прямом эфире также проходит на трех языках (таджикском, русском, английском). Но основным языком вещания и печати остается таджикский, что соответствует статье 4 Закона Республики Таджикистан о периодической печати и других средствах массовой информации, согласно которой СМИ в Республике Таджикистан осуществляют свою деятельность на государственном и других языках в порядке, установленном законодательством Республики Таджикистан.

⁴ Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан. Т. 3: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2012. С. 12–58.

В стране в настоящее время издается более 300 наименований печатных СМИ (газет и журналов), из которых на русском языке и на двух языках (русском, таджикском) выходит около 50 наименований. В их число входят такие известные в республике газеты, как «Народная газета», «Вечерний Душанбе»; журналы «Памир», научные издания АН РТ по сериям: философия и право-ведение, экономическая, серия отделения физико-математических наук, отделения наук о Земле, серия экономики и политологии и др., журнал Министерства образования АН РТ «Русский язык и литература в школах Таджикистана», самая популярная русскоязычная газета «Азия – plus», научные журналы практически всех высших учебных заведений и научных учреждений издаются на русском языке.

В республике популярны русскоязычные средства массовой информации, местные газеты, онлайн-платформы и радиостанции, а также российские телеканалы. Реклама в основном на двух языках – русском и таджикском. Информационные сайты Asia Plus, news.tj, pknewspapers.com/tajikistan/russian/tojikiston.html, news.taj.su, tajikistantimes.com, ru.sputnik-tj.com, plainnews.ru/tag/tadzhikistan, tajikistan.mynews.club, tajikistannews.net и др. регулярно публикуют новости на разных языках [Шамбезода 2019, с. 167].

Анализ данных табл. 1 показал, что, несмотря на миграцию населения (особенно русскоязычного) в свете трагических событий начала 90-х гг. в стране, этнический состав населения республики продолжает оставаться достаточно плотным и разнообразным и русский язык по-прежнему является вторым родным языком для представителей более 80 различных национальностей, проживающих на территории республики. Невозможно не заметить и плоды активной языковой политики относительно государственного языка. Так, еще в 2012 г. уже около 40% населения страны, которое не является таджиками по национальности, считают вторым родным языком именно таджикский.

В соответствии с доступными официальными статистическими данными (возможно, существует и обновленная статистика, но поиск этих источников не увенчался успехом), бюллетени о национальном составе населения Республики Таджикистан выходят с промежутком в десять лет, соответственно, рассмотреть нынешнее состояние населения республики по национальностям и родному языку на данном этапе не представляется возможным, хотя мы убеждены, что изменения не являются столь значительными, чтобы оказать существенное влияние на курс языковой политики страны. Государственный медиадискурс, без отказа от проверенных временем традиций, не изменит заданных руководством страны координат в языковой политике, основополагающими из которых являются Закон о языке, «Концепция языковой политики Республики Таджикистан» (4 ноября 1996 г.), «Государственная программа функционирования и развития языков» (5 октября 1998 г.) и другие нормативно-правовые акты. Следовательно, по состоянию на 2020 г. отметка в 40% имеет все шансы увеличиться на порядок.

Целесообразным считаем отметить следующий факт, который сегодня стал общепринятой положительной практикой в таджикских СМИ. До недавнего времени в передачах на таджикском языке русская речь обязательно сопровождалась таджикским переводом. С одной стороны, это – первостепенная задача всех медийных сегментов в контексте реализации языковой политики. Однако, на наш субъективный взгляд, подобная модель презентации материала не может считаться корректной, поскольку позволяет аудитории идентифицировать погрешности, несовершенство перевода – его лексическую и смысловую неточность, что в условиях естественного билингвализма, корни которого уходят в советское прошлое ныне независимой республики, не представляет никаких сложностей даже для рядового слушателя/зрителя/читателя. Сегодня таджикские журналисты отказались от этой практики и делают акцент на автономность, самостоятельность восприятия материала аудиторией. В отечественных СМИ стали также применять «двуязычное интервью» (условно обозначим его этой коллокацией), т. е. журналист задает вопрос на таджикском языке, при этом ответ респондента может быть представлен на русском. Возможная причина данных тенденций видится нам в успешной реализации языковой политики, что работает не только на пропаганду сохранения экологии государственного языка, но и способствует явному стремлению изучать русский в параллели с несколькими мировыми языками.

Резюмируя основные положения данного изыскания, отметим, что проводимая в Таджикистане языковая политика получает, по мнению экспертов, положительную оценку по нескольким ключевым критериям:

- централизованность (поскольку проводится государством и предусматривает систему общеобязательных мероприятий);
- перспективность (поскольку направлена на изменение существующей языковой ситуации);
- демократичность (поскольку учитывает интересы широких масс);
- интернациональность (поскольку основными стратегическими направлениями избраны, в первую очередь, развитие таджикского языка, а также русского языка и языков всех других этнических групп);
- конструктивность (поскольку направлена на расширение функций и развитие государственного языка, сфер его применения, повышение социально-коммуникативной роли, поддержание функционирования русского языка, а также всех других языков страны) [Нозимов 2010, с. 5].

В заключение отметим, что представленное выше описание медиадискурса современного Таджикистана в условиях трансформации языковой политики не претендует на точное, всеобъемлющее исследование, скорее его следует рассматривать как отдельные штрихи к массово-информационному дискурсу.

Литература

- Кулявина 2015 – *Кулявина А.П.* Соотношение понятий «текст» и «дискурс» как методологическая проблема // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. № 1 (5). 2015. С. 1157–1159.
- Нозимов 2010 – *Нозимов А.А.* Языковая ситуация в современном Таджикистане: состояние, особенности и перспективы развития: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Душанбе, 2010. 47 с.
- Олянич 2003 – *Олянич А.В.* Роль массово-информационного дискурса в формировании лингво-культурной среды // Эколингвистика: теория, проблемы, методы: Межвуз. сб. научных трудов. Саратов: Научная книга, 2003. С. 70–74.
- Олянич 2004 – *Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса: Монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
- Плотникова 2014 – *Плотникова А.* Новые тенденции в русском лексикографическом дискурсе // Вестник НГПУ. 2014. № 3 (19). С. 22–30.
- Хушқадамова 2018 – *Хушқадамова Х.О.* Языковая ситуация в таджикском социуме [Электронный ресурс] // Филологические науки в МГИМО. 2018. С. 120–130 URL: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2018-4-16-120-130> (дата обращения 12.09.2020).
- Шамбезода 2019 – *Шамбезода Х.Д.* Многоязычное образование в многонациональном социуме (на примере Республики Таджикистан) // Slavica Helsingiensia 52. Ahti Nikunlassi. Ekaterina Protassova (eds.). Russian language in the multilingual world. Helsinki: University of Helsinki, 2019. С. 166–175 [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.helsinki.fi/slavica-helsingiensia/files/2019/11/sh52-13.pdf> (дата обращения 14.09.2019).

References

- Khushkadamova, Kh.O. (2018), “Yazykovaya situatsiya v tadjzhiskom sotsiume” [The language situation in Tajik society], *Filologicheskie nauki v MGIMO*, pp. 120-130 [Online]. URL: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2018-4-16-120-130> (Accessed 12.09.2020).
- Kulyavina, A.P. (2015), “Sootnoshenie ponyatii "tekst" i "diskurs" kak metodologicheskaya problema” [Correlation of the concepts “text” and “discourse” as a methodological problem], *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 17, no 1 (5), pp. 1157–1159.
- Nozimov, A.A. (2010), *Yazykovaya situatsiya v sovremennom Tadjzhikistane: sostoyanie, osobennosti i perspektivy razvitiya* [The language situation in modern Tajikistan: state, features and development prospects], Avtoref. dis. ... Dr. of Sci., Dushanbe, 47 p.
- Olyanich, A.V. (2003), “Rol’ massovo-informatsionnogo diskursa v formirovaniy lingvo-kul’turnoi sredy” [The role of mass information discourse in the formation of the linguistic and cultural environment], *Ehkolingvistika: teoriya, problemy, metody: Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Eco-linguistics: theory, problems, methods: Interuniversity collection of scientific papers], Nauchnaya kniga, Saratov, pp. 70–74.
- Olyanich, A.V. (2004), *Prezentatsionnaya teoriya diskursa: monografiya* [Presentation discourse theory], Paradigma, Volgograd, 507 s.

- Plotnikova, A. (2014), "Novye tendentsii v russkom leksikograficheskom diskurse" [New trends in Russian lexicographic discourse], *Vestnik NGPU*, no 3 (19), pp. 22–30.
- Shambezoda, Kh.D. (2019), "Mnogoyazychnoe obrazovanie v mnogonatsional'nom sotsi-ume (na primere Respubliki Tadjikistan)" [Multilingual education in a multinational society (on the example of the Republic of Tajikistan)], *Slavica Helsingiensia* 52, Ahti Nikunlassi. Ekaterina Protassova (eds.), Russian language in the multilingual world, University of Helsinki, Helsinki, pp. 166-175, [Online], URL: <https://blogs.helsinki.fi/slavica-helsingiensia/files/2019/11/sh52-13.pdf> (Accessed 14.09.2019).

Информация об авторе

Тахмина Г. Хасанова, кандидат филологических наук, филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе, Душанбе, Республика Таджикистан; 734003, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Бохтар, д. 35/1; azamat99996@mail.ru

Information about the author

Takhmina G. Khasanova, Cand. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University in Dushanbe, Dushanbe, the Republic of Tajikistan; bld. 35/1, Bokhtar Str., Dushanbe, the Republic of Tajikistan, 734003; azamat99996@mail.ru

Город в пространстве языка и язык в пространстве города

УДК 81(470.41-25)

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-114-130

Особенности репрезентации образа Казани (на материале русскоязычных и англоязычных источников корпуса Google Books)

Марина И. Солнышкина, Ольга Г. Палутина,
Эльзара В. Гафиятова, Амина Ф. Мерзлякова
*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия, mesoln@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен межъязыковой диахронический анализ образа Казани, зафиксированный в русскоязычных и англоязычных текстах корпуса Google Books в период 1800–2019 гг. Материал исследования представлен 6236 текстами в русском подкорпусе и 9858 текстами в англоязычном подкорпусе. Для онима Казань наибольшая плотность использования наблюдается в начале XIX и XX в., для онима Kazan – в конце XX в. Выявленная типология лексических контекстов с изучаемым онимом в обоих дискурсах демонстрирует широкий диапазон моделей с преимущественно нейтральной и в редких случаях – с отрицательной коннотацией вплоть до конца XX в, в текстах начала XXI в. преобладает положительная коннотация. В обоих подкорпусах наиболее высокая частотность зафиксирована для лексем тематических групп «Город», «Историческая личность», «Ландшафт», «Религия», а также глаголов, обозначающих приобщение объекта, и прилагательных с семантикой времени. Диахронический обзор диапазона типичных семантических ролей онимов Казань и Kazan в изучаемый период выявил тенденцию к расширению: от локатива и пациенса в текстах XIX в. до агенса, посессора, экспериенсера в XX и XXI вв. Последнее объясняется изменением роли Казани в стране и, как следствие, значительным увеличением в современном дискурсе контекстов изучаемого онима в сочетании с глаголами деятельности, вербального поведения, физических действий и борьбы. В статье также показаны некоторые ограничения используемого корпуса как источника исследования.

Ключевые слова: Казань, Google Books Ngram Viewer, диахронический анализ, контекст, семантические роли

Для цитирования: Солнышкина М.И., Палутина О.Г., Гафиятова Э.В., Мерзлякова А.Ф. Особенности репрезентации образа Казани (на материале русскоязычных и англоязычных источников корпуса Google Books) // Вопросы этнополитики. 2020. № 2. С. 114–130. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-114-130

© Солнышкина М.И., Палутина О.Г., Гафиятова Э.В., Мерзлякова А.Ф., 2020

The Image of the City of Kazan in Russian and English Discourse: the case of Google Books Corpus

Marina I. Solnyshkina, Olga G. Palutina,
Elsara V. Gafiyatova, Amina F. Merzlyakova,
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia,
mesoln@yandex.ru

Abstract. The article presents a cross-lingual diachronic analysis of the linguistic image of Kazan recorded in Russian and English Corpora of Google Books within the period between years 1800 and 2019. The material of the research comprises 6236 texts in the Russian subcorpus and 9858 texts in the English subcorpus compiled for the study. The frequency of onym 'Казань' was the highest in early 19th and 20th centuries, while that of 'Kazan' – in late 20th century. The range of lexical patterns of both Russian and English contexts of the studied words is wide with predominantly neutral and, in rare cases, negative connotations in the past, while modern contexts are most notably positive and neutral. In both languages subcorpora, the highest context frequency is registered for the words belonging to the following thematic groups: "City", "Historical personality", "Landscape", "Religion", as well as verbs denoting acquisition of an object and adjectives denoting time. The range of typical semantic roles of the onyms 'Казань' and 'Kazan' during the period studied, 1800–2019, widens from Locative and Patient in the texts of the 19th century to Agent, Possessor, Experiencer in the 20th and 21st centuries. The latter is caused by changes in the national and global arena and the role of Kazan in the country and the world. The research shows that, in the modern discourse, the word collocates with the verbs denoting activity, verbal behavior, physical action, and struggle. The article also provides the authors' insights into the limitations of the corpus used as the source of research.

Keywords: Kazan, Google Books, Ngram Viewer, diachronic analysis, context, semantic roles

For citation: Solnyshkina, M.I., Palutina, O.G., Gafiyatova, E.V., Merzlyakova, A.F. (2020), "The Image of the City of Kazan in Russian and English Discourse: the case of Google Books Corpus", *Issues of ethnopoltics*, no. 2, pp. 114-130, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-114-130

Введение

Казань¹, город с тысячелетней историей, один из историко-культурных центров нашей страны, во все времена играл особую роль в истории государства. Об особой значимости города для России в 1842 г. писал А.И. Герцен: «Значение Казани велико: это место встречи и свидания двух миров. И потому в ней два начала:

¹ Казань – столица Республики Татарстан, площадь 425,3 кв. км, расположен на левом берегу р. Волги, основан в 1005 г. (<https://www.kzn.ru/o-kazani/>).

западное и восточное, и вы их встретите на каждом перекрестке»². Казань XXI в. характеризуют как «символическое зеркало сбалансированной политики идентичности», как «место, где татарская и русская, мусульманская и православная, восточная и западная и/или азиатская и европейская культуры веками существовали бок о бок»³ [Gdaniec 2010; Graney 2007]. «В 2006 г. Казань уже не провинциальный советский город, у города новый дух, космополитизм и энергия <...>. Старые обычаи уступили место современным тенденциям в плане стиля и самовыражения. Хотя молодежь свободно говорила по-русски, «заметный татарский речевой жанр» отражал их самоидентификацию как татарского»⁴.

Казань явилась объектом исследований историков [Тагиров 2005; Graney 2007; Васильев, Васильев 2014], политологов [Derrick 2010; Мухарямов 2018; Большаков 2018], культурологов [Kazan officially 2009], социологов [Smith-Peter 2016], лингвистов [Солнышкина, Исмагилова 2015]. Лингвистический образ города в диахронии, представленный в общем русскоязычном и англоязычном дискурсах, до настоящего времени оставался исследовательской нишей. Значимость такого рода лингвистических портретов для межкультурной коммуникации не раз подчеркивалась отечественными и зарубежными учеными [Тагиров 2005; Graney 2007; Gdaniec 2010; Васильев, Васильев 2014].

В представленном исследовании поставлена цель синтезировать и сопоставить образы Казани, зафиксированные в различные переломные моменты истории города в период с 1800 по 2019 гг. Опираясь на частоту употребления имен собственных Казань и Kazan, а также n-граммы с данными словами, авторы представляют лингвистическую картину города в указанный период.

Современная «корпусная» эра языкознания предлагает ряд новых источников и инструментов, обеспечивающих возможность создания объективного лингвистического портрета референта на основе систематически собранных корпусов. Использование диахронических корпусов, таких как Google books, дает возможность определить наиболее типичные контексты слова, а также выявить факты и закономерности не только лингвистического, но также историко- и социокультурного значения [Захаров, Масевич 2016]. Последние в особой степени влияют на динамику «жизненного цикла слова». В рамках культурометрии, науки, изучающей культурные тенденции посредством количественного анализа диахронических корпусов оцифрованных текстов [Cohen 2010; Hayes 2011], самостоятельную значимость обретает синтезирова-

² Герцен А. Письма в будущее [Электронный ресурс] // Классическая коллекция. URL: <http://emsu.ru/lm/cc/herzen.htm> (дата обращения 03.08.2020).

³ Перевод здесь и далее выполнен авторами статьи.

⁴ Faller H. Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement [Electronic resource]. Central European University Press, 2011. URL: www.jstor.org/stable/10.7829/j.ctt1282hg (date of application 02.08.2020).

ние исторического образа города на материале зафиксированных в корпусе контекстов n-грамм, последовательностей от одной до пяти словоформ.

Корпус Гугл букс (Google Books Corpus) и онлайн-сервис Ngram Viewer, предоставляющие доступ к базе данных объемом более 6 млн изданий (преимущественно научных текстов), открывают новые возможности во многих научных областях⁵. Важно отметить, что тексты публицистических жанров в корпус не включались, что весьма значимо для нашего исследования, поскольку в книгах отражение любого исторического события фиксируется значительно позднее, чем в средствах массовой коммуникации. Кроме построения графиков частотности употребления отдельной n-граммы (см. рис. 4, 5), сервер предоставляет доступ к текстам, содержащим данные n-граммы, на основании которых и был синтезирован образ города. Отличием корпуса Google Books⁴ от других корпусов текстов является не только его размер, но, в первую очередь, функция отслеживания употребления каждого слова. Именно поэтому как корпус, так и сервис хорошо зарекомендовали себя в ряде социокультурных и социолингвистических исследований [Zięba 2018; Соловьев 2016]. Графики колебания частоты использования слов, создаваемые на основе корпуса при помощи сервиса Ngram Viewer, не только предоставляют обширные данные, но фиксируют перемены в динамике функционирования слова. А тексты, на основе которых строятся графики, являются источниками для контекстологического анализа изучаемых слов. Последнее особо значимо при анализе исторических и культурных референтов, для фиксации социальных изменений и их последствий.

Сервис Ngram Viewer описан в ряде научных публикаций [Бочкарев, Лернер, Шевлякова 2013; Michel, Shen, Aiden, Veres 2011] и с момента своего появления в 2010 г. широко используется в социальных и естественных науках. Э. Руттен рассматривает его как инструмент для преодоления «некоторой хронологической дистанции или временных разрывов между книгами и их темами в исследованиях памяти» [Руттен 2013, с. 40]. Б. Михальски [Michalski, Krishnamoorthy, LauTsz-Yam 2014, p. 1] и предлагает использовать Ngram Viewer «в качестве быстрого метода создания прототипов для изучения свойств референтов, основанных на времени, на богатой выборке литературной прозы» [Michalski, Krishnamoorthy, LauTsz-Yam 2014, p. 1]. Как отмечает П. Гринфилд, поскольку Google books Ngram Viewer работает на корпусе, включающем более 360 млрд слов на английском языке, абсолютный процент любого отдельного слова, естественно, невелик [Greenfield 2013]. При ис-

⁵ *Pechenick E.A., Danforth C.M., Dodds P.S.* Characterizing the Google Books Corpus: Strong Limits to Inferences of Socio-Cultural and Linguistic Evolution. PLoS One. 2015. Vol. 10 (10). Art. number: e0137041. Doi: 10.1371/journal.pone.0137041.

⁶ Google Books [Electronic resource]. URL: <https://books.google.com/ngrams> (date of the application 01.06.2020).

пользовании данного инструмента приоритет отдается изучению не абсолютных данных, но изменений в частотности п-грамм, поскольку корпус Google Books, в силу своей репрезентативности, наилучшим образом фиксирует общие тенденции динамики использования слова.

Материалы и методы. Синтез образов Казани в русскоязычном и англоязычном корпусах и последующее сопоставление осуществлялись последовательно для каждого из следующих временных отрезков: 1) 1800–1850 гг.; 2) 1851–1900 гг.; 3) 1901–1950 гг.; 4) 1951–2000 гг.; 5) 2001–2019 гг. Задача исследования состояла в том, чтобы выявить, с одной стороны, тенденции изменения частот выбранных слов, Казань и Kazan, в каждый из вышеуказанных периодов, а с другой стороны, определить и тематически классифицировать наиболее частотные п-граммы. Анализ завершают перечни семантических ролей изучаемых онимов, созданные на основе теории Ч. Филлмора [Fillmore 1982]. Периоды времени выбраны независимо от изменений частотности слова в русскоязычном и англоязычном дискурсах, что позволяет сравнивать тенденции в каждый конкретный период. В случаях когда изменения за изучаемый период не превышали 30%, они квалифицировались как незначительные.

Материал исследования представлен двумя подкорпусами, специально подготовленными авторами статьи для исследования: 1) русским подкорпусом, содержащим 6236 контекстов со словом Казань; 2) англоязычным подкорпусом, содержащим 9858 контекстов со словом Kazan. При сравнении контекстов были использованы дополнительные функции англоязычного подкорпуса – список наиболее частотных п-грамм по каждому десятилетию (рис. 1).

	WORD(S)	TOTAL	1810	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	
1	Astrakhan	1398			2		3	1	14	67	38	111	88	35	68	173	86	222	119	106	139	126	
2	Cathedral	996								6	8	19	80	46	42	47	44	170	122	86	148	178	
3	University	914								4	8	19	30	8	21	34	32	188	120	138	190	122	
4	Kazan	422			2							10	2	8	1	1		4	13	42	178	65	96
5	Moscow	163					3		4	5	4	8	14	6	10	12	5	27	18	11	18	18	
6	Ivan	151							2	5	4	13	9	8	1	24	20	17	8	17	9	14	
7	Schulberg	126															1		16	33	20	56	
8	Samara	119											1	18	11	9	11	14	20	11	10	7	7
9	Whitehead	103																47	21	22	5	8	
10	Simbirsk	98			4		3		2		6	10		5	15	2	4	17	15	2	8	5	
11	Univ	90								2			1	2	18	9	8	16	12	4	9	8	1
12	Theological	71												1		4	7	8	8	7	5	31	
13	Elia	64															2		10	17	18	17	
14	Station	59													1	1	2	5	11	8	16	11	4
15	Kharkov	58							1				2		1	3	16	9	12	4	6	4	
16	Saratov	56								1				9	5	9	4	13	5	3	5	2	
17	Square	56											7	17		3	1	3	10	4	3	2	6
18	Tatars	54															23	10	9	3	8	1	
19	Orenburg	53							1	7	6	2		5		3	2	6	8	8	2	3	
20	Astrakhan	51	1		10		1	7		3	5	4	1	8				2		4	5		
21	Siberia	50								1	2	2	2	6	6	6	4	8	5		5	3	
22	starrig	44																6	7	1	13	17	

Рис. 1. Наиболее частотные п-граммы со словом Kazan

Сбор данных, всех п-грамм со словом Kazan, потребовал дополнительной проверки контекстов, поскольку была выявлена омонимия изучаемого онима: в англоязычном дискурсе зафиксировано 234 п-граммы, связанные с именем Elia Kazan, американского режиссера, продюсера, писателя и актера (см. рис. 1, в списке колокаций –

позиции 7, 13, 22), а также 327 n-грамм, имеющих соотношенность с еще двумя именами: животного и человека, героями художественных произведений. Сервер позволяет вычлениить омонимичные контексты и исключить их из исследования исключительно вручную.

Отличие англоязычных подкорпусов, как британского, так и американского от русского, состоит также в том, что они представляют не только относительные, но и абсолютные данные по объему подкорпуса: в строке “decade” на рис. 2 и 3 указан период публикации источника, десятилетние, строка “size” указывает объем (размер) подкорпуса данного периода, строка “tokens” представляет количество словоупотреблений изучаемого слова в указанное десятилетие, а в строке “per mil” дано количество словоупотреблений на 1 млн словоупотреблений.

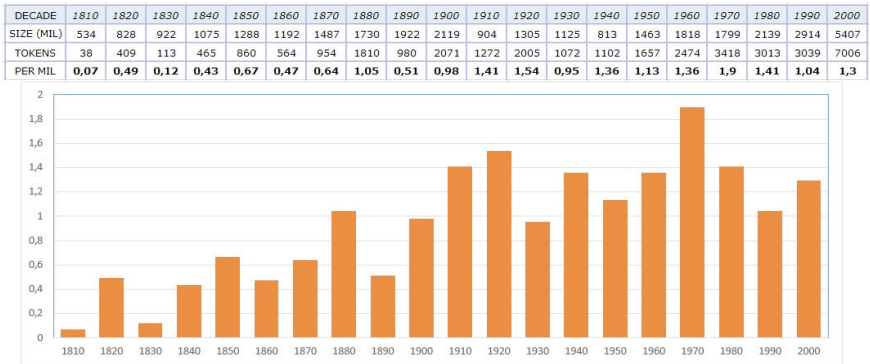


Рис. 2. N-граммы со словом Kazan в британском подкорпусе

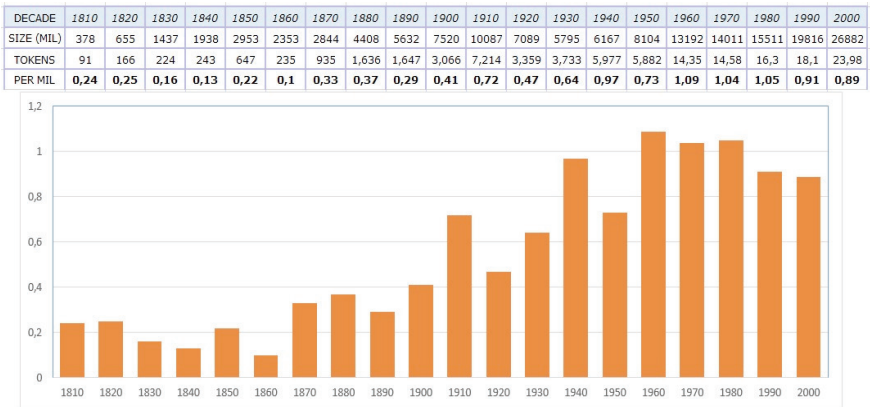


Рис. 3. N-граммы со словом Kazan в американском корпусе

Оба подкорпуса позволяют также осуществлять анализ окружения изучаемого слова по n-граммам, используемым в изучаемый период.

Результаты. Для сравнения частотности использования онимов Казань и Kazan при помощи Ngram Viewer были созданы два графика (см. рис. 4 и 5). На оси ординат представлены относительные показатели использования данного слова во всех книгах корпуса, опубликованных в определенный год. Важно подчеркнуть, что частоты использования слова нормализованы в зависимости от количества книг, а минимальным порогом является 40-кратное вхождение в корпусе, т. е. включенными являются только n-граммы, частотность которых выше, чем 40 по всему корпусу [Michel, Shen, Aiden, Veres 2011]. Графики свидетельствуют о том, что динамика и частотность использования онима Казань в русскоязычном дискурсе и Kazan в англоязычном дискурсе отличаются в значительной степени.

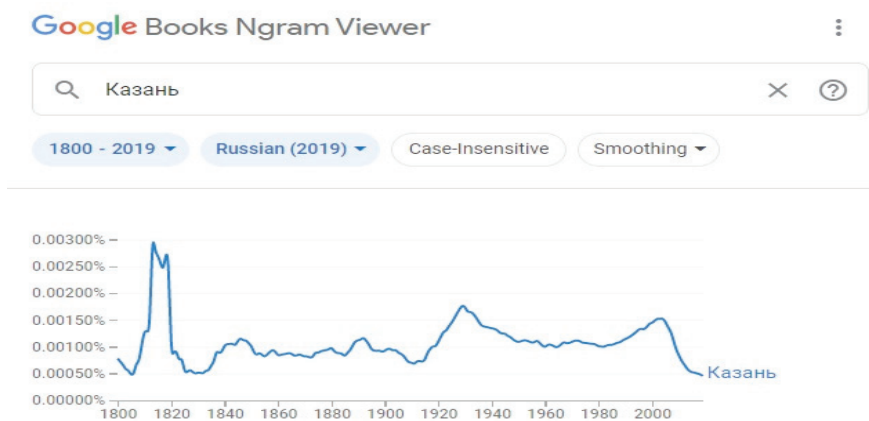


Рис. 4. Динамика использования онима Казань в русскоязычном дискурсе

Процент упоминаний Казани в корпусе Google за период с 1807 по 1810 гг. вырос в семь раз. Непродолжительный интерес к Казани наблюдается в течение короткого периода с 1817 по 1820 гг., за которым последовало резкое падение частоты использования онима. В течение почти 120 лет частотность использования онима удерживалась на уровне 0,00100%, после которого наблюдается некоторый подъем до 0,0200%. В 20-е годы XX в. частота использования резко выросла и удерживалась вплоть до 2000 г. на довольно высоком уровне – не ниже 0,0012%. Показательным является и рост частотности слова в конце XX – начале XXI в. в период с 1982 по 2002 гг. частотность выросла в 1,5 раза. В последующие 17 лет (2002–2019) он снижается в три раза, причины которого, очевидно, следует увязывать с недостаточным количеством оцифрованных изданий на данный период.

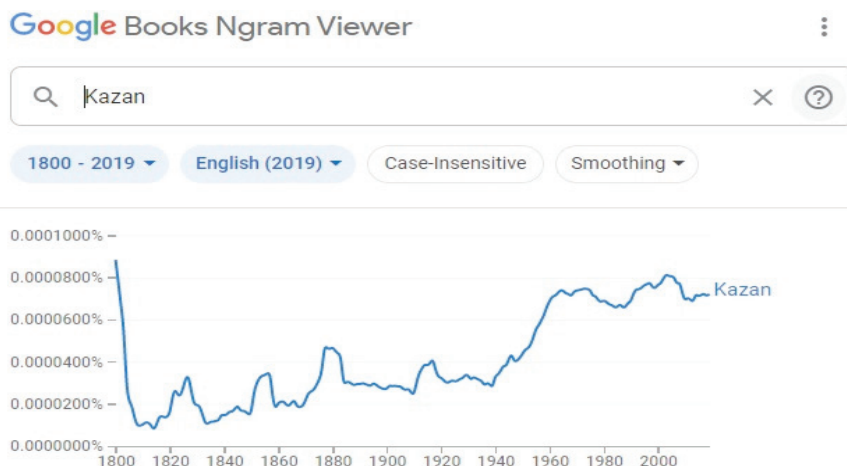


Рис. 5. Динамика использования онима *Kazan* в англоязычном дискурсе

На представленном графике (см. рис. 5) показана динамика интереса к изучению Казани в англоязычных документах, изданных в 1800–2019 гг. Преимущественное большинство англоязычных источников, фиксирующих имя собственное *Kazan*, это исторические и культурологические тексты, и только в начале XXI в. начинают появляться тексты политологического дискурса. В источниках, относимых к 1800 г., оним *Kazan* имеет высокую плотность использования, которая к 1808 г. снижается на 90%, а затем вновь поднимается в 1826 г. более чем на 37%. Очевидно, что это снижение вызвано падением интереса к городу, а последующие пики популярности связаны с рядом исторических событий, происходивших в городе. Тридцатилетний период высокого интереса к городу, наблюдаемый в изданиях за период с 1964 по 2003 гг., сменился незначительным (на 12%) снижением интереса к городу. За последнее десятилетие, с 2009 по 2019 г., наблюдается некоторое повышение частотности упоминания названия города в англоязычных источниках, которое все же остается на уровне в среднем на 20% ниже, чем максимальный уровень, зафиксированный для 1800 г.

Рассмотрим окружение и семантические роли изучаемых онимов в каждый из пяти выделенных периодов.

Период 1800–1850 гг. характеризуется преимущественным использованием обоих онимов в контекстах списков с другими городами или отдельно, где Казань выполняет семантическую роль локатива. Например, «В городъ Оренбургъ, чрезъ Владимир, Нижний-Новгородъ, *Казань* и Бугульму⁷»; “...in Russia, which included the existing governments of Perm, Viatka, *Kazan*, Orenberg”; “*KAZAN*, a city of Russia”.

⁷ Во всех случаях сохранена орфография и пунктуация первоисточника.

Выявлены единичные контексты, содержащие этнонимы “*Kazan, Trukmen, and Bucharian Tartars*”; “The Tartars at Tobolsk, like those of *Kazan*, are Mahometans”, “amongst the Tartars of *Kazan*”; указания на расположение города: «на Волгѣ древнѣйшій городѣ Болгары, а потомѣ Казань», “*Kazan on the Volga*”; “to *Kazan*, a town on the river Volga”, а также контексты религиозного, в большей степени христианского, содержания: «К ѱиконѣ сей не только православные Христіане, но и всѣ народы обитающіе вѣ *Казань*»; “Church of the Lady of *Kazan*”; “Present Archbishop of *Kazan*”. Выявлены многочисленные контексты, в которых оним выполняет семантическую роль пациенса: «При немѣ взяла *Казань* и Астрахань»; «Посемѣ великій Князь завоевалъ *Казань*, и славиль Царей по своей волѣ»; «Казань была осаждена врагомъ»; «Смущу *Казань*! смущу! Адъ будешь ликовать»; “In 1552 John took the city of *Kazan*, a dreadful slaughter”; “When the kingdom of *Kazan* became the conquest of Russia”; “A few days after the capture of *Kazan*”. В роли пациенса оним в обоих языках использован преимущественно с глаголами приобщения: «взять *Казань*, и простирать бы далѣе свои варварства и злости»; «Царь Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи взя градъ *Казань*»; “gained possession of the Tartarian kingdom of *Kazan*, and reduced its sovereign”; “to have gained *Kazan*”.

Пики частотности в англоязычном дискурсе связаны с выходом нескольких англоязычных изданий по истории России, в частности, “View of the Russian Empire During the Reign of Catharine” У. Тука (1799)⁸ жизнеописание императрицы Екатерины Великой “The Life of Catharine II: Empress of Russia – Том 1”, а также географический словарь “The new universal gazetteer; or, Geographical dictionary” К. Клатвелла (1800), ряд научных журналов, в которых зафиксированы многочисленные вхождения онима.

Пики частотности слова в русскоязычном дискурсе этого периода приходится на 1812 и 1819 гг. Первый связан с выходом книг «Опыт російской библіографіи: или Полный словарь сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на славенскомъ и російскомъ языкахъ от начала заведенія типографій» и «Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ Петра Великаго», а также публикациями журнала «Исторический, статистический журнал, или Современная история света». Второй – со следующими публикациями: «Собрания государственныхъ грамот и договоров, хранящихся в Коллегии», «Исслѣдованія: служащія к объясненію древней Русской исторіи» и др.

Роль Казани как агенса и экспериенсера выявлена исключительно в русскоязычном корпусе: «Защитникамъ своимъ отважнымъ Крымцамъвъ дань, Оружья огненны устроила *Казань*, И злобу въ ихъ сердца противъ Москвы вливала. Сей хитростью *Казань* унывши уповала, Російской храбрости пареніепресѣчь»; «*Казань*, <...>, снова воскипѣль войною, измѣною и мщеніемъ»; «между тѣмъ *Казань* промѣнивала Ташарамъ: сѣдла, посуду...»; «Всѣмъ извѣстно

⁸ Tooke W. View of the Russian Empire During the Reign of Catharine the Second, and to the Close of the Present Century. London, 1799. Vol. 1.

нѣщастіе, посшигшее древнюю *Казань*»; «*Казань*, негодуя на Москву за впущеніе въ нее Лишовцевъ, присягаешъ самозванцу».

В период с 1851 по 1900 гг. динамики частотности русского и английского онимов во многом совпадают: изменения несущественные с сохранением одного уровня в течение всего периода для русского онима и незначительным повышением уровня частотности для английского онима. Казань переживает один пик частотности – в 1891 г., когда выходят «Св. равноапостольный кн. Владимир и крещение России», а также «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Список книг, вышедших в России» и «Историческое обозрение источников права православной церкви» Н. Заозерского. Для англоязычного дискурса зафиксированы два пика частоты: в 1856 и 1879 гг. Первый связан с выходом популярной книги «Сцены домашней жизни в России. Письма», “Domestic scenes in Russia, letters”, каталога “A Catalogue of the Books Belonging to the Library Company of Philadelphia”, книги “Life in the Trenches before Sebastopol”, альбома “Kazan Province, Russian Empire”. Пик 1878 г. детерминирован выходом истории России на английском языке “The History of Russia from the Earliest Times to 1877”, а также публикациями научных журналов Королевского географического общества в Лондоне, “Journal of the Royal Geographical Society of London” и Королевского Азиатского общества “Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society”. Во всех перечисленных изданиях оним *Kazan* упоминается многократно.

Семантические роли распределились следующим образом: локатив: «я оставляю *Казань* – дѣлайте, что угодно», «Городничіе въ *Казань* послалъ было», «писали вторично въ *Казань* о вспоможеніи Москвѣ», «Двукратный походъ на *Казань*»; «во градъ *Казань* на Царство посла служилаго своего Царя Шигалѣя Касимовскаго», «сосланъ былъ въ *Казань*»; “the Tartar kingdoms of *Kazan* and Astrachan”; “Ivan’s march to *Kazan* in 1552”, “the Imperial University of *Kazan*”; пациенс: «*Казань*, въ 1399 году опустошенная Россіянами», «Самъ Іоаннъ отправился осаждать *Казань*», «*Казань*, со времени покореніяея подъ державу Россійскую», «*Казань* была осаждена врагомъ», «силою оружія принудилъ *Казань* къ новой покорности»; “the defeat of the *Kazan* battalions”; бенефактив: “the Upper and Lower *Kaban* supply the city of *Kazan* with water”. Список контекстов, в которых *Казань* выполняет роль агенса и контрагента, немногочислен: «те мнѣ полную власть, независимость *Казани*», «Тайныя сношенія съ *Казанью* заставили Касима подумать, что *Казань* готова отдаться ему», «*Казань* <...> до нашествія Пугачева или отъ 1552 по 1774 годъ, въ расположеніи своихъ улицъ измѣнялась неоднократно и притомъ частію отъ разширеній по причинѣ многолюдства»; “Singing birds, *Kazan* work, and Siberian diamonds are its most attractive features”.

Контексты сохраняют, как и в первый период (1800–1850 гг.), преимущественно нейтральную коннотацию и тематически связаны с историческими событиями: «умѣлъ завоевать *Казань*, Астрахань, Ливонію, Полоцкъ», «еще подъ знаменемъ Московскимъ вблизи Лавра, Коломна, Переславль-Рязанскій, вдали Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ***, *Казань*, города Сибирскіе»; “At *Kazan*, which is

considered by Russia as the initial point from whence the Russian Pacific telegraph shall be extended”; этническими группами: «Описывая татарскую *Казань* и ея Кремль», «Губернскій городъ *Казань*, бывший столицею царства Татарскаго»; “that of the Tartars of *Kazan*”; государственным устройством: «*Казань* посѣтитъ Императоръ Павелъ II», «Отъ Царя и Великого Князя Бориса Ѳеодоровича всеа Русіи, въ нашу отчину въ *Казань*»; “Government of *Kazan*”; названиями населенных пунктов и географическим положением города: «Грамота (въ списѣ) изъ Ярославля въ *Казань*»; “The province of *Kazan* is situated in the centre of the Volga basin”. В качестве модификатора названия города зафиксированы прилагательные с темпоральной семантикой: «Когда я розорялъ вашу стару *Казань*», “*KAZAN*, the ancient capital of the Tatar monarchs”. Показательно, что в данный период не зафиксированы п-граммы с религиозным контекстом.

В период с 1901 по 1950 гг. корпус фиксирует следующие семантические роли онима *Kazan* (по убыванию): локатив: “We have statistics from *Kazan* and Saratov”; “a campaign to *Kazan*!”; “*Kazan* Expedition of Ivan III”, “Returned from *Kazan*”; “in all the 198 miles of its course through *Kazan*, as well as the Kama (120 miles)”; пациенс: “The conquest of *Kazan* and Astrakhan”; “*KAZAN* <...>. In the sixteenth century, Ivan the Terrible captured the city from the Khan of the Golden Horde and annexed it”; “during the seige and in the storm of *Kazan*”; “With *Kazan* Tsar Ivan conquered the whole Khanate of Tatar”; агенс и контрагент: “The geographical position of *Kazan* assisted very considerable its development into an important trading and industrial centre, and a point of exchange of goods between the East”, “campaigns against *Kazan* were of yearly occurrence”; “which used to be constantly devastated by *Kazan* Tatar raids prior to 1552”; экспериенсер: “to strike a blow at *Kazan*”.

Показательно, что все зафиксированные англоязычные п-граммы данного периода в качестве источников имеют тексты, описывающие события захвата Казани Иваном Грозным. Оним *Казань*, в отличие от *Kazan*, использован в текстах, воспроизводящих значительно более широкий исторический пласт, в следующих семантических ролях: локатив: «Епископъ Анастасій (Александровъ) (*Казань*)», «В *Казань* не доедет»; «Матвѣва переводять въ *Казань*»; «В 1816 г. возведен в сан архиепископа и перемещен в *Казань*»; пациенс: «освобождал *Казань*, потом участвовал в героическом походе на Колчака»; «красные части снялись без боя и обнажили *Казань*»; «и *Казань* была взята»; «*Казань* была отбита красными»; «под его командованием была взята *Казань*»; агенс: «Лобачевского знала вся *Казань*, – писал он из Сибири сыновьям, – вся *Казань* единодушно говорила, что он круглый дурак»; «накануне пала *Казань*». Модификаторы к ониму *Казань* в этот период фиксируют отрицательную коннотацию: «Я приехал в *Казань*, опустошенную и погорелую».

Кроме уже указанных в предыдущих периодах, окружение онима тематически связано с рядом новых лексических групп: «География»: “*Kazan* Lake”; “*KAZAN* (called by the Cheremisses *Ozon*), the chief town of the Tatar Autonomous Socialist Soviet Republic, situated on the *Kazanka* river”; “*Kazan* (pop. 179,000) capital of the Tatar ASSR”; «Госы-

дарственные органы»: “Tatar Executive Committee *Kazan*”; “Meanwhile in 1518 Muhammed Amin of *Kazan* died”; «История»: “History of the *Kazan*”; «Этническая принадлежность»: «Описывая татарскую *Казань* и ея Кремль, Курбский сообщает»; «Татарская – *Казань*. 3. Дальневосточная – Хабаровск. 18. Туркменская – Ашхабад». Впервые в окружении она появляется в существительных тематических групп «Учебные заведения»: “*Kazan* university”; «*Казань*. Тип. университетская»; «Изгнание из медресе Закишакарда, *Казань*»; «СМИ»: “The *Kazan* messenger”; названия объектов культуры: «КАЗАНЬ, Т.А.С.С.Р. Татарский Академический театр».

В период с 1951 по 2000 гг. корпус фиксирует следующие семантические роли изучаемых онимов (по убыванию): локатив: «во время путешествия в *Казань*», «я уезжал в *Казань*»; «Эйхвальд вернулся в *Казань*»; “Lenin allowed to return to *Kazan*”; “There was a large Russian trading colony in *Kazan* at that time”; “they should all be removed to *Kazan*”; “was captured and taken to *Kazan*”; пациент: “a ballad about the storming of the city of *Kazan*”; “Ivan attacked *Kazan*”; “he promises to set *Kazan* free”; “With *Kazan* Tsar Ivan conquered the whole Khanate of Tatar”; агент, посessor и контрагент: «*Казань* занимала ответственное место в борьбе за социалистическую революцию», “*Kazan* confronts the first of the Oghuz heroes”; “*Kazan* also falls into this camp, although *Kazan*’s enhanced access to resources provides a fairly clear explanation for its favorable outcomes”; “after the fall of *Kazan* in 1552”; “*Kazan*, for example, mastered T’oegye’s Ch’on myongtosol (Diagrammatic Treatise on Heaven’s Imperative) and his annotation of Chu His’s...”.

Контексты сохраняют преимущественно нейтральную и отрицательную коннотацию. Тематически контексты изучаемых онимов связаны с историческими событиями: «Великие Булгары, *Казань*, Свияжск», «*Казань* и Казанский край глазами польских ссыльных: XVII–XIX вв.»; «Археология Волжской Булгарии»; “Ginzburg gives a vivid description of the metamorphosis of the *Kazan* party leader”; названиями этнических групп: “large groups of Muslims, especially *Kazan* Tatars”; “but also with other Turks in the Russian Empire, notably the *Kazan* and Crimean Tatars”; “*Kazan*. Tatar”; государственным устройством: “government of *Kazan*”, «Татарская АССР, г. *Казань*»; “handled by the *Kazan* Chancellery”; названиями населенных пунктов и географическим положением города: «*Казань*. Самара. Пермь»; «Среднего Поволжья. *Казань*»; “The *Kazan* fair <...> was held on an island in the Volga opposite to the town. *Kazan* was a centre of Mohammedan culture in pre-1914 times”; “Yaroslavl and *Kazan*”; архитектурой города: «*Казань*, главы церквей и мечетей»; “icons are at *Kazan* Cathedral”; “*Kazan*, the capital of Tatarstan, with its Kremlin, mosques, Russian churches”; учебными заведениями и научными школами: «*Казань*, Университет»; «Геол. ин-та, *Казань*»; “the *Kazan*’ Physico-Mathematical Society”; “*Kazan* school of linguists”; “*Kazan* University”; “Aviation Institute in *Kazan*”; “later became *Kazan* Medical Institute”; “KAZAN RCA Laboratories”; “*Kazan* Society of Natural Scientists”; промышленными предприятиями: “The *Kazan* fair was formerly a great centre for trade between western Russia and Persia and Turkestan”; “The workers, for instance, in

the woollen industry in *Kazan*»; «*Казань*, Таткнигоиздат»; выдающимися личностями: «Драматург Таджики Гиззат. *Казань*»; «Kruszewski's career in *Kazan*»; «*Kazan group, headed by J. Baudouin de Courtenay and M. Kruszewski*»; «V.S. Merlin in *Kazan*».

Пятый период, 2001–2019 гг., короче предыдущих на 30 лет и, очевидно, что не все книги, вышедшие в эти годы, оцифрованы, однако основные тенденции наблюдаемы уже на данном этапе. Контексты обоих онимов в значительной степени отличны от контекстов предыдущих периодов и несут ярко выраженную коннотативную, преимущественно мелиоративную, нагрузку. Тексты с пейоративной коннотацией немногочисленны. Например, «тысячелетний город *Казань* без его собственного живого сердца – Казанского Кремля»; «*Казань* – любимейший из моих «университетов»; «*Kazan has long been celebrated for its educational establishments*»; «*Kazan is a lovely place*»; «*Kazan has become a 'legendary' city*» – ср. «*Kazan <...> God for saken and hellish*».

Доля исторических контекстов о взятии Казани Иваном Грозным невелика, им на смену пришли контексты более широких исторических планов: «Самодержавие и татары. *Казань*»; «Кто мы, болгары или татары?»; «Кончак, Батый и Чингис – хан! *Казань*, Шаймиев, Татарстан»; «*Казань пала в день Покрова Богоматери*»; «*Казань построена в болотистой низменности*»; «...which Ulug-Moukhammad took *Kazan* in 1438»; «*Ermak captures Kazan*». Семантическая роль локатива в изучаемых n-граммах по-прежнему весома, однако изменились коннотации и модификаторы онимов. Ср.: «взятие *Казани* царь «посвятил» ей, своей царице. Анастасия благословила супруга в поход на *Казань*»; «г-жа Гербер вместе с мужем была послана в *Казань*, где последний получил хорошее место при университете»; «Московский университет сперва послал в *Казань* одного из учителей своей гимназии в качестве разведчика и устроителя». Семантическая роль пациенса также имеет мелиоративно нагруженный контекст: «*Kazan has always been celebrated for the Oriental languages*». Список глаголов, с которыми сочетаются онимы в роли агенса, значительно расширился и включает глаголы обладания, приобщения, вербального поведения, физических действий, борьбы: «*Казань* еще в начале XIX в. сохраняла свое значение главного наблюдательного пункта Российской империи»; «предложив местом его проведения избрать *Казань*, подчеркнув при этом, что город обрел новый хороший концертный зал»; «*Kazan swears to do so*»; «*Kazan confronts*»; «*Kazan has developed and introduced a short-term bond for the Republic of Tatarstan*»; «According to Shaimiev, *Kazan has not abandoned* its dream of obtaining full self-determination as a result of this agreement»; «*Kazan, has installed a new fleet of city buses*». Зафиксированы контексты, в которых оним использован в функции экспериенсера: «Since the Millennium the spirit of *Kazan has changed*» и посещеора: «Yet *Kazan has advantages* which few other inland towns possess»; «*Kazan has some striking churches and mosques*». Расширился спектр тематических групп единиц в окружении изучаемых онимов: к уже зафиксированным в прежние периоды добавились «Научные и публицистические издания»; «Спортивные команды»; «Промышленные предприятия».

Выводы

Понимание контекста имени города как репрезентанта исторической эпохи позволило синтезировать образ Казани, отражающий прошлое и настоящее города. Методологический инструментарий современной «корпусной» эры лингвистики выявил основные трансформации города, произошедшие в течение более чем двухсотлетнего периода времени. Результатом наложения друг на друга текстов различных периодов о Казани явился диахроничный портрет города, в котором явственно ощущается смена отношения авторов текстов к городу: от восприятия его как далекой провинции к экономическому, образовательному и культурному центру с особой историей. Анализ семантических ролей каждого из изучаемых онимов и их динамики в определенные периоды позволяет сделать ряд выводов: 1) роль онимов Казань и Kazan как локатива сохраняется в качестве ведущей на протяжении всего изучаемого периода; 2) различие в репрезентации города состоит в более мозаичном русскоязычном образе по сравнению с англоязычным: в последнем преобладают апелляции к историческим событиям, в то время как русскоязычный дискурс тяготеет к фиксации настоящего; изменения Казани особо четко и ярко проявляются в русскоязычном дискурсе; 3) сходство русскоязычного и англоязычного портретов Казани состоит в выявленной тенденции к использованию онимов в роли агенса, что косвенно указывает на активную позицию города в стране, регионе, мире. Вступая в XXI век, Казань становится центром многочисленных трансформаций социального пространства и облика; 4) смена семантической роли онимов в дискурсе начала XXI в. повлекла за собой изменения в коннотативной составляющей передаваемых смыслов, в семантике имени собственного наметилась тенденция к появлению мелиоративных сем. В обоих дискурсах портрет современной Казани, как знакового конструкта истории и культуры России, имеет индивидуальное лицо и характер с сильной «временной осью».

Перспектива исследования видится в более детальном контекстологическом анализе онимов Казань и Kazan в каждом из исторических периодов в диапазоне 1800–2019 гг., а также в сравнительном анализе других онимов в данные периоды.

Литература

- Большаков 2018 – *Большаков А.Г.* Языковая проблема в Татарстане: напряженность без конфликта // Вопросы этнополитики. 2018. № 1. С. 78–86.
- Бочкарев, Лернер, Шевлякова 2013 – *Бочкарев В.В., Лернер Э.Ю., Шевлякова А.В.* Проверка закона Хипса по данным корпуса Google Books Ngram // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Физ.-мат. науки». 2013. Т. 155. Вып. 4. С. 16–23.
- Васильев, Васильев 2014 – *Васильев К.К., Васильев Ю.К.* Роль Казанского университета в становлении медицинского факультета Новороссийского университета // Казанский медицинский журнал. 2014. № 2. С. 169–174.

- Зазаров, Масевич 2016 – *Захаров В.П., Масевич А.Ц.* Методы корпусной лингвистики в исторических и культурологических исследованиях // Интернет и современное общество IMS-2016: Сб. науч. статей XIX Объединенной конференции. СПб., 2016. С. 24–43.
- Мухарямов 2018 – *Мухарямов Н.М.* Языковая политика и нациестроительство в меняющихся контекстах // Вопросы этнополитики. 2018. № 1. С. 86–93.
- Руттен 2013 –
- Солнышкина, Исмагилова 2015 – *Солнышкина М.И., Исмагилова А.Р.* Вестернизация и глокализация лингвистического ландшафта г. Казани, Республика Татарстан // *XLinguae European Scientific Language Journal*. 2015. Vol. 8. Iss. 2. P. 36–53.
- Соловьев 2016 – *Соловьев В.Д.* Лексический подход к оценке динамики уровня благополучия в обществе // Труды Международной конференции по компьютерной и когнитивной лингвистике. Сер. «Интеллект. Язык. Компьютер». Казань: Казан. ун-т, 2016. С. 146–149.
- Тагиров 2005 – *Тагиров И.Р.* На изломе истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.
- Cohen 2010 – *Cohen P.* In 500 Billion Words, New Window on Culture. *New York Times*. 2010. 16 Dec.
- Derrick 2010 – *Derrick M.* Kazan: The Religiously Undivided Frontier City // *Caucasian Review of International Affairs*. Caucasian. 2010. № 4 (1). P. 82–86.
- Fillmore 1982 – *Fillmore Ch.J.* Frame semantics, Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981, Hanship, Seoul, 1982. P. 111–137.
- Gdaniec 2010 –
- Greenfield 2013 – *Greenfield P.M.* The Changing Psychology of Culture From 1800 Through 2000 // *Psychological Science*. 2013. Vol. 24. Iss. 9. P. 1722–1731. Doi: 10.1177/0956797613479387.
- Graney 2007 – *Graney K.* Making Russia Multicultural Kazan at Its Millennium and Beyond // *Problems of Post-Communism*. 2007. Vol. 54. Iss. 6. P. 17–27. Doi: 10.2753/ppc1075-82165406026.
- Hayes 2011 – *Hayes B.* Bit Lit. *American Scientist*. 2011. Vol. 99 (3). P. 190–194. Doi: 10.1511/2011.90.190.
- Kazan officially becomes Russia's Third Capital 2009 – *Kazan officially becomes Russia's Third Capital*. *Pravda*. 2009. 3 April.
- Michalski, Krishnamoorthy, LauTsz-Yam 2014 – *Michalski B., Krishnamoorthy M., LauTsz-Yam.* Temporal Analysis of Literary and Programming Prose [Electronic resource] / Cornell University Library, 2014. URL: <http://arxiv.org/pdf/1202.2131.pdf> (date of application 02.06.2020).
- Michel, Shen, Aiden, Veres 2011 – *Michel J.B., Shen Y.K., Aiden A.P., Veres A.* Quantitative analysis of culture using millions of digitized books // *Science*. 2011. Vol. 331. P. 176–182.
- Smith-Peter 2016 – *Smith-Peter S.* Enlightenment from the East: Early Nineteenth Century Russian Views of the East from Kazan University // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2016. № 1. P. 318–338.
- Zięba 2018 – *Zięba A.* Google Books Ngram Viewer in Socio-Cultural Research // *Research in Language*. 2018. Vol. 16. Iss. 3. P. 357–375. Doi: 10.2478/rela-2018-0015.

References

- Bochkarev, V.V., Lerner, E.Y., Shevlyakova, A.V. (2013), "Proverka zakona Hipsa po dan-nym korpusa Google Books Ngram" [The language problem in Tatarstan: tension without conflict], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. Ser. Fiz.-mat. Nauki, vol. 155, vyp. 4, pp. 16–23.
- Bol'shakov, A.G. (2018), "Yazykovaya problema v Tatarstane: napryazhennost' bez konflikta" [Verification of Heaps' Law according to Google Books Ngram], *Voprosy Etnopolitiki*, no 1, pp. 78–86.
- Cohen, P. (2010), "In 500 Billion Words, New Window on Culture" *New York Times*, 16 Dec.
- Derrick, M. (2010), "Kazan: The Religiously Undivided Frontier City", *Caucasian Review of International Affairs, Caucasian*, no 4 (1), pp. 82–86.
- Fillmore, Ch. J. (1982), *Frame semantics, Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981*, Hanship, Seoul, pp. 111–137.
- Gdaniec (2010),
- Graney, K. (2007), "Making Russia Multicultural Kazan at Its Millennium and Beyond", *Problems of Post-Communism*, vol. 54, Iss. 6, pp. 17–27.
- Greenfield, P.M. (2013), "The Changing Psychology of Culture From 1800 Through 2000", *Psychological Science*, vol. 24, iss. 9, pp. 1722–1731.
- Hayes, B. (2011), *Bit Lit, American Scientist*, vol. 99 (3), pp. 190–194.
- Michalski, B., Krishnamoorthy, M., LauTsz-Yam (2014), "Temporal Analysis of Literary and Programming Prose", [Online], Cornell University Library, URL: <http://arxiv.org/pdf/1202.2131.pdf> (Accessed 02.06.2020).
- Michel, J.B., Shen, Y.K., Aiden, A.P., Veres, A. (2011), "Quantitative analysis of culture using millions of digitized books", *Science*, vol. 331, pp. 176–182.
- Muharyamov, N.M. (2018), "Yazykovaya politika i naciestroitel'stvo v menyayushchihsya kontekstah" [Language politics and nation-building in changing contexts], *Voprosy etnopolitiki*, no 1, pp. 86–93.
- Rutten (2013),
- Smith-Peter, S. (2016), "Enlightenment from the East: Early Nineteenth Century Russian Views of the East from Kazan University", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no 1, pp. 318–338.
- Solnyshkina, M.I., Ismagilova, A.R. (2015), "Vesternizaciya i globalizaciya lingvisticheskogo landshafta g. Kazani" [Westernization and glocalization of the linguistic landscape of Kazan, Republic of Tatarstan], *Respublika Tatarstan, XLinguae European Scientific Language Journal*, vol. 8, iss. 2, pp. 36–53.
- Solov'ev, V.D. (2016), "Leksicheskij podhod k ocenke dinamiki urovnya blagopoluchiya v obshchestve" [Lexical approach to assessing the dynamics of the level of well-being in society], *Trudy Mezhdunar. konf. po komp'yuternoj i kognitivnoj lingvistike*, Ser. Intellect. Yazyk. Komp'yuter, Kazan. un-t, Kazan', pp. 146–149.
- Tagirov, I.R. (2005), *Na izlome istorii* [At the turn of history], Kazan': Tatar. kn. izd-vo.
- Vasil'ev, K.K., Vasil'ev, Y.K. (2014), "Rol' Kazanskogo universiteta v stanovlenii medicinskogo fakul'teta Novorossijskogo universiteta" [The role of Kazan University in the formation of the medical faculty of Novorossiysk University], *Kazanskij medicinskij zhurnal*, no 2, pp. 169–174.
- Zaharov, V.P., Masevich, A.C. (2016), "Metody korpusnoj lingvistiki v istoricheskikh i kul'turologicheskikh issledovaniyah" [Methods of corpus linguistics in historical and cultural studies], *Internet i sovremennoe obshchestvo IMS-2016, Sb. nauch. statej XIX Ob'edinennoj konferencii*. SPb., pp. 24–43.

Zięba, A. (2018), "Google Books Ngram Viewer in Socio-Cultural Research", *Research in Language*, vol. 16, iss. 3, pp. 357–375.

Информация об авторах

Марина И. Солнышкина, доктор филологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казань, Россия; 420021, Россия, Казань, ул. Татарстан, д. 2; mesoln@yandex.ru

Ольга Г. Палутина, кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казань, Россия; 420021, Россия, Казань, ул. Татарстан, д. 2; opalutina@mail.ru

Эльзара В. Гафиятова, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казань, Россия; 420021, Россия, Казань, ул. Татарстан, д. 2; rg-777@yandex.ru

Амина Ф. Мерзлякова, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казань, Россия; 420021, Россия, Казань, ул. Татарстан, д. 2; amirus1985@mail.ru

Information about the authors:

Marina I. Solnyshkina, Doctor of Philology, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University (KFU), Kazan, Russia; bld. 2, Tatarstan Str., Kazan, Russia, 420021; mesoln@yandex.ru

Olga G. Palutina, Candidate of Philological Sciences, Associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University (KFU), Kazan, Russia; bld. 2, Tatarstan Str., Kazan, Russia, 420021; opalutina@mail.ru

Elsara V. Gafiyatova, Doctor of Philology, Associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University (KFU), Kazan, Russia; bld. 2, Tatarstan Str., Kazan, Russia, 420021; rg-777@yandex.ru

Amina F. Merzlyakova, аспирант, Kazan (Volga Region) Federal University (KFU), Kazan, Russia; bld. 2, Tatarstan Str., Kazan, Russia, 420021; amirus1985@mail.ru

Лингвоаксиологический портрет современного Луганска (по данным ассоциативного эксперимента)

Оксана В. Шкуран

*Луганский государственный педагогический университет, Луганск,
Луганская Народная Республика, oksana.shkuran@mail.ru*

Аннотация. Аксиологический подход в изучении лингвистического портрета отражает ценностный потенциал языковой личности жителя Луганска в рамках одной культуры. В данной статье путем взаимосвязи духовных и материальных потребностей представлены результаты лингвистического ассоциативного эксперимента. Для определения центрального понятия оценочности выбраны языковые единицы, основывающиеся на речемыслительной операции респондента в условиях бинарности (ценность – антиценность). Результаты связаны со сложившимися этнополитическими представлениями о ценности объекта и социально-исторической обусловленностью. Коммуникативная оценочность как фактор этнокультурного поведения русскоговорящего луганчанина иллюстрирует сферу «важно» – «неважно», «истинно» – «ложно», «сакрально» – «десакрально». Смоделированная система ценностей образует микрополе, основанное на ассоциативных связях. Сложившаяся аксиологическая иерархия после обобщения результатов ассоциативного эксперимента показала вертикаль с субъективной природой ценностей, строящуюся на духовных и материальных потребностях человека (верность, душа, милосердие, мудрость, честь, труд, супруги, подвиг и др.); реакции респондентов отражены через призму национально-языковой системы. Околоядерная и периферийная зоны языковой единицы складываются из чувственно-образного отражения объекта, а разнооценочность содержит как положительную, так и отрицательную характеристику. Данное исследование позволяет достаточно надежно представить сформированный лингвоаксиологический портрет русскоговорящего жителя Луганска с личной когнитивной базой и индивидуальным характером оценки или эмоции в акте речи в контексте русской языковой картины мира.

Ключевые слова: аксиология, ценностный компонент, аксиологема, ассоциат, ассоциативный эксперимент, респондент, языковая единица, сакральность, русский этнос

Для цитирования: Шкуран О.В. Лингвоаксиологический портрет современного Луганска (по данным ассоциативного эксперимента) // Вопросы этнополитики. 2020. № 2. С. 131–151. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-131-151

Linguo-axiological portrait of modern Lugansk (according to the data of associative experiment)

Oksana V. Shkuran

*Lugansk state pedagogical University, Lugansk, Lugansk People's Republic,
oksana.shkuran@mail.ru*

Abstract. The axiological approach to the study of the linguistic portrait reflects the value potential of the linguistic personality of a resident of the city of Lugansk within a single culture. In this article, the results of a linguistic associative experiment are presented in relation to spiritual and material needs. For defining the central concept of evaluability, we selected language units based on the respondents speech – thinking operation under binary conditions (value-anti-value). The results are related to the existing ethnic and political ideas about the value of the object, sociological and historical conditionality. Communicative evaluation as a factor of ethno-cultural behavior of a Russian-speaking Lugansk citizen illustrates the sphere of “important” – “unimportant”, “true” – “false”, “sacred” – “desacral”. The modeled value system forms a microfield based on associative relationships. The established axiological hierarchy after generalizing the results of the associative experiment showed a vertical with the subjective nature of values, based on the spiritual and material needs of a person (loyalty, soul, charity, wisdom, honor, work, spouses, feat, etc.), which are reflected through the prism of the national language system. The perinuclear and peripheral zone of a language unit consists of a sensory-figurative reflection of the object, and the diversity of values contains both positive and negative characteristics. This study allows us to present a fairly reliable linguistic and axiological portrait of a Russian-speaking resident of Lugansk with a personal cognitive base and an individual character of assessment or emotion in the act of speech in the context of the Russian language picture of the world.

Keywords: axiology, axiological component, axiology, associate, association experiment, the respondent, language unit, sacredness, Russian ethnic group

For citation: Shkuran, O.V. (2020), “Linguo-axiological portrait of modern Lugansk (according to the associative experiment)”, *Issues of Ethnopolitics*, no. 2. pp. 131–151, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-2-131-151

Введение

Одной из фундаментальных основ самоопределения народа является умение представить себя среди других наций и народностей. Жители Луганска, являющиеся представителями русского этноса, кроме политических попыток, в течение шести лет формируют и представляют мировой общественности ценностный блок элитарных и индивидуально-бытовых связей с русской культурой в широком плане. Постановка данной проблемы необходима для описания аксиологической основы мыслительно-речевой сферы респондентов. В результате ассоциативного эксперимента, базирующегося на принципе бинарности структурирования картины мира, отражены

ценностные ориентиры и представлены психологические и аксиологические стандарты жителей города. По мнению Г.Н. Скляревской, Н.А. Купиной, единые общечеловеческие оценки не совпадают с мнением респондентов, поскольку существуют национально-культурные стереотипы и приобретенные идеологические представления в различных временных рамках [Скляревская 1993, с. 166–178] (периоды – советский, постсоветский, украинской независимости, украинской агрессии), а языковая политика государства «сознательно воздействует на язык, его функционирование и развитие, оказывает непосредственное влияние прежде всего на лексико-семантическую систему, маркирование лексики и размещение на аксиологической шкале» [Купина 1995, с. 8–10].

Первые попытки осмысления связи языка и ценностных ориентаций мы наблюдаем с конца XX столетия, в результате чего эффективность влияния языка на определенную картину социальной действительности происходит стремительно. Система ценностей личности, по словам М.М. Бахтина, близка по смыслу с ценностными кругозором, окружением, эмоционально-волевой установкой, эмоционально-волевым тоном, социальной оценкой, а человек благодаря данным ценностным постулатам уплотняет мир вокруг себя, становясь его центром [Бахтин 2003, с. 32]. Все данные феномены взаимодействуют и влияют на языковую личность, поэтому семейная и семная разнооценочность, по мнению И.А. Стернина, иллюстрирует различия в когнитивной базе человека, а известная доля субъективности позволяет выявить индекс коннотативной яркости [Стернин, Рудакова 2011, с. 127–130]. «Все, что связывает человеческую жизнь воедино, что имеет ценность и значимость, – духовно по своей природе; и это царство духа может существовать посредством осознания истины и права, посредством постижения идей» [Гегель 1978, с. 372].

Современная лингвоаксиология/аксиолингвистика богата на разноплановые научные исследования, свидетельствуя о повышенном интересе не только философов, социологов, но и филологов к центральным понятиям данного междисциплинарного направления: Н.Д. Арутюнова (1984, 1988, 1999), Е.М. Вольф (1995), Т.В. Маркелова (1993), А.А. Ивин (2006) сопоставляют лингвоаксиологию с другими областями гуманитарного знания; Ю.Д. Апресян (2006), Е.В. Бабаева (2003), Т.В. Булыгина (1997), Е.С. Кубрякова (2003), Е.В. Урысон (2019), А.Д. Шмелев (1997) объясняют специфику языковых картин мира; Е. Бартминский (2005), Е.Л. Березович (2007), Н.И. Толстой (1995) изучают оценочные действия в этнолингвистике; Н.Ф. Алефиренко (2016), Л.К. Байрамова (2011), М.Л. Ковшова (2013, 2019), В.М. Мокиенко (2007, 2019), В.Н. Телия (1996), О.В. Ломакина (2019, 2020), М.А. Бредис (2019, 2020), Н.Ю. Нелюбова (2019, 2020), Е.В. Ничипорчик (2019, 2020), А.С. Макарова (2017), О.В. Шкуран (2019, 2020), С.Г. Шулежкова (2008) изучают ценностные представления в культурно-языковой семантике паремиологических и фразеологических единиц; В.И. Карасик (2005), Е.Ф. Серебренникова (2008) описывают лингвокультурологические типы и точки зрения ценностных позиций; В.В. Колесов (1993, 1999, 2006),

Т.Б. Радбиль (2017) иллюстрируют особенности русской картины мира и ценностные ориентации русского менталитета и др.

Базовой единицей лингвоаксиологии признана ценность со следующими характеристиками: предпочтительность, императивность, долгосрочность целевой ориентации поведения, высокая степень генерализации, интериоризация, связь с эмоциональными, когнитивными и волевыми структурами личности [Бабаева 2003, с. 8], что позволяет комплексно охватить систему ценностных приоритетов языковой личности. По словам Л.Н. Столовича, «ценностный подход осуществляется в искусстве, в морали и т. п. ненаучными средствами. Аксиологический же, или теоретико-ценностный, подход предполагает возможность научного познания практики ценностных отношений» [Столович 1994, с. 15]. Ценность выступает детерминирующим фактором при формировании социальных норм – прав, регулирующих поведение человека в обществе.

Постановка задачи.

Методология исследования

Целью исследования является аксиологическая характеристика речи жителей Луганска на лингвистическом уровне, выявление причин и механизмов изменения оценочно-ценностной позиции, свойственной лексемам, использованным в ассоциативном эксперименте; разработка уровневого аксиологического портрета жителя Луганска; определение ценностных доминант языковой личности через эмоционально-оценочные модусы высказываний, что дает возможность для анализа феномена лингвоаксиологической картины мира жителей Луганска.

Поставленная цель определила следующие задачи исследования: проанализировать аксиологическую сущность речевого портрета жителя Луганска, исследовать причины и механизмы изменения семантики лексем и несоответствие или дополнение лексикографических данных.

Для решения поставленных задач применялись следующие методы: ассоциативный эксперимент, метод словарных дефиниций, описательный и аналитический методы. Участниками стали 508 человек разного возраста, пола, образования, социального статуса.

В рабочей терминологии номинанты ценностей и антиценностей будем называть аксиологемами, реакции респондентов – ассоциатами.

Обсуждение и его результаты

Начало нового столетия в лингвистике ознаменовалось повышенным интересом к речевому портрету языковой личности (А.В. Занадворова, 2001 г.; Ю.Н. Караулов, 2004 г.; Т.В. Кочеткова, 1999 г.; М.В. Китайгородская, 1995 г.; Л.П. Крысин, 2001 г.; Т.А. Ми-

лехина, 2000 г.; Н.Н. Розанова, 1983 г.; К.Ф. Седов, 1996 и др.). Именно речевой портрет создает представление о современных номинациях в официальном и полуофициальном общении, отображая состояние лексики в сознательном использовании речи участниками эксперимента. Термин «речевой портрет» имеет несколько определений, напр.: «воплощенная в речи языковая личность определенной социальной общности» [Леорда 2006, с. 60]; «совокупность лексических, грамматических, фонетических особенностей речевого поведения персонажа, создающих его косвенную социолектическую и идеолектическую характеристику и выступающих в органическом единстве с авторскими ремарками и глаголами говорения, возмещающих «ущербность» (в понимании того, что не определяется тембр, интонация, жестикуляция, мимика) художественных произведений по отношению к живому речевому контакту» [Розен 1960, с. 4]; «характеристика индивида или литературного героя посредством его манеры говорения» [Гафарова 2006, с. 8].

При изучении языка города возникла необходимость составить представление о ценностных свойствах языка четко нескольких групп городского населения, объединенных общностью профессии, уровнем и характером образования и по совокупности различных характеристик. Причем особое внимание уделяется идеологически и нравственно маркированным способам выбора и употребления определенных языковых единиц, прецедентных номинант, экспрессивных лексем и др.

Наиболее оптимальным составлением портрета является двух-уровневая модель, представляющая собой конструкт из общих и частных ценностей. Ценностные ориентации жителей Луганска сформированы в результате процесса социализации в новом идеологическом формате. В.Г. Немировский пишет:

«Ценностные ориентации определяются социальной средой, в которой воспитывался человек, условиями его жизни, уровнем развития его интеллекта, особенностями его психологии, характера, порой даже отдельными событиями. Основное содержание ценностных ориентаций личности – мировоззренческое и нравственное убеждение человека, принципы поведения, глубокие эмоциональные привязанности» [Немировский 1989, с. 57].

Рассматривая различные аспекты речевого портрета языковой личности, мы выделяем лингвоаксиологический коллективный и индивидуальный портрет, который состоит из целого комплекса социальных, возрастных, психологических, собственно языковых, речевых особенностей. Есть все основания презентовать его, поскольку на его формирование повлияли внешние и внутренние факторы.

Мы считаем, что лингвоаксиологический портрет языковой личности – это функциональная реализация модели языковой личности в плане ее речевенностных установок.

Материалом для исследования послужили пятьдесят лексем, извлеченные из метафорических текстов и являющиеся ключевы-

ми элементами, закодированными в сознании и культуре социума. К.А. Жуков ввел понятие *аксиологема* и предложил классификацию конвенциональных ценностей и антиценностей – витальных, гедонистических, священных, социально-утилитарных, интеллектуально-познавательных, нравственно-этических, эмоционально-утилитарных, религиозных [Жуков 1986, с. 109].

Нами выбраны лексемы всех вышеназванных категорий: названия с позитивной лексикографической коннотацией: религиозные (*Бог, кутья, рай, сочельник*); компоненты духовного и нравственного целого (*верность, любовь, любочестие, милосердие, мудрость, радость, скромность, совесть, стыд, честь*); лица, располагающие властью, интеллектом (*интеллигент, начальник, управитель*); термины родства (*жена, семья, муж*); предметы или артефакты (*колокол, подарок, яйцо*); профессии (*врач*); выражение любви (*поцелуй*); успех (*победа, праздник, подвиг*); область человеческой деятельности (*наука, просвещение*); вид деятельности, направленной на удовлетворение потребностей (*труд*); возрастные периоды (*молодость, старость*); выдающиеся способности (*талант, успешность*); место временного пребывания (*общежитие, ясли*); предел (*конец*); названия с негативной коннотацией – антиценности (*безделье, ложь, наглость, смех, страсть*); физическое или эмоциональное страдание (*боль, горе, печаль, смерть*); конфликты (*война*); мера принуждения (*наказание*); запреты (*нельзя*); подчинение воли и действий (*власть*); предел (*смерть*).

К первой и самой многочисленной группе по количеству типичных и атипичных ассоциаций мы относим религиозные ценности. В материалах ассоциативного эксперимента респондентам были представлены аксиологемы – языковые единицы с сакральной семантикой (ЯЕСС), которые являются компонентами устойчивого этнокультурного микротекста с высоким градусом трансцендентальности (божественности). Понятие сакрального в теологии, как и в религиоведении, является утверждающим бытие Бога. Так, анализируя понятие святости, Павел Флоренский прежде всего пишет: «..когда Бог в Ветхом Завете называется Святым, то это значит, что речь идет о Его надмирности, о Его трансцендентности миру...» [Флоренский 2000, с. 131–132]. Священное предстает здесь как конкретное положительное содержание. ЯЕСС *Бог* проиллюстрирована многоуровневой структурой из семидесяти трех ассоциатов, состоящих из ядерной, приядерной и обширной периферии.

К ядерной зоне мы относим следующие ассоциаты, называющие того, кто 'исполнен благодатной иночеловеческой силой': *Абсолют, Владыка, Всевышний, Всевластие, Всё, Высший разум, Глава, Главный, Наблюдатель, НЕчто, Един, Отец, Смысл, Совершенство, Создатель, Судья, Сущность, Старец, Творец*; стал Единородным Сыном, основой и сущностью христианства – *Иисус, Христос* (в ассоциациях две отдельные лексемы); место сообщества верующих людей и атрибутика: *икона, собор, храм, церковь, часовня*. К приядерной аксиологической зоне относится следующая категория ассоциатов: церковная лексика – *Библия, благодарение, лик, кагор, крест, искупление, мо-*

литва, нимб, образ, покаяние, прощение, пост, религия, слава; нравственные характеристики – величие, вера, защита, любовь, помощь; название небесных тел – Вселенная, космос, небо; состояние неосведомленности – непостижимость, неизвестность, нереальность; сущность божественной природы: душа. К обширной периферии можно отнести ассоциаты с положительной (мысли, жертва, жизнь, сила, энергия, в каждом из нас) и негативной коннотацией (выдумка, идол, Люцифер, отрицаю). Зафиксированы единичные случаи ассоциатов Царство Небесное, Символ веры, что свидетельствует о догматических знаниях респондентов; Зевс, Олимп отражают знание римской мифологии. Некоторые участники эксперимента, относящиеся к подростковому возрастному периоду, к аксиологеме Бог подбирали имена рок-исполнителей Скриллекс, Фредди Меркьюри, Осборн. Больше шестидесяти ассоциатов на аксиологему Бог иллюстрируют положительную динамику в понимании ценностного компонента, что дает право называть ее ментальной языковой единицей.

В «Словаре символов» Джека Трессидера к религиозной аксиологеме «рай» дается ссылка к понятию «загробный мир» с объяснением: *Рай расположен почти всегда на небе, там сияет свет и звучит прекрасная музыка; ад расположен под землей, там тьма, дым, смрад и мучения* [Трессидер 2001, с. 78]. Результаты эксперимента очень разнообразны, по всей вероятности, современные интернет-, медиадискурсы популяризируют секуляризированное понимание рая и привлекают внимание аудитории, «вербальный текст всё более замещается мультимедийным, его словесная составляющая иллюстрируется, дополняется, многократно усиливается медийным компонентом, создавая визуальные образы, оказывающие мощное воздействие на сознание человека» [Добросклонская 2008, с. 14]. Напр.: *В рай не пускают; Зеленый рай; Гавай превращаются в тропический рай для миллиардеров; Рай районного масштаба* и др. В значительной степени ЯЕСС *рай* приобретает семы ‘удобное место для проживания, отдыха’, ‘выгодные условия для развития бизнеса’ и т. д., что свидетельствует о меркантильных намерениях по результатам и нашего эксперимента: *беззаботность, гармония, довольство во всем, диван, мечта, наслаждение, приятное место, тишина, тропический остров, хорошо, чудо*.

Вместе с тем фиксируются и общие ключевые концепты русской культуры, в которых закрепилось релевантное представление о рае, поскольку индивидуальное восприятие респондента отображает общечеловеческое, национальное, социальное: *Бог, ад, ангел, Адам и Ева, благоденствие, блаженство, вечность, врата, голубь, дерево, другой мир, жилье умерших, змей, иной мир, награда, неземная благодать, оазис, сад, Царство Небесное, после смерти, праведник, Эдем, яблоко*, с религиозной семантикой и библейским пониманием греховности человеческой природы.

Издавна вид запретного плода волновал людей, поэтому предположений существовало множество – начиная от яблока и заканчивая смоквой. Ведь в библейских текстах Древо познания не имело другого названия. На латыни при переводе лексемы *зло* использовали форму *malum*, а при названии плода похожее по написанию *malum*, что пере-

водится, как 'древесный плод', 'айва'; 'гранат'; 'лимон'; 'персик'; 'яблоко'¹. Подобные лингвистические казусы не смущали переводчиков, поэтому средневековые стереотипы по-прежнему вызывают споры в данном омирщвленном вопросе [Ломакина, Шкуран 2020, с. 67]. К часто упоминаемым ассоциатам с дендронимной и флористической семантикой, кроме яблока, названы: *банановая пальма, фруктовые деревья, инжир, персик, цветок, лилия, растения, зеленая трава*.

В реальной речи респондентов наблюдаются сочетание, взаимосвязь и взаимодействие нормативно различных миров – небесного и земного, человеческого и природного – *рай – ад, жизнь – смерть, награда – расплата, неземная благодать – океания*. Кроме того, реакции с негативной коннотацией представляют стереотипный образ грешного человека, не имеющего шанса попасть в рай: *не повезло, невозможное, соблазн*; либо полное отрицание сакрального понимания: *легенда, миф, утопия, сказки, фантастика*. К обширной периферии относим единичные – атипичные ассоциаты: *белое, качели, Микеланджело, сакура*. Если представить коллективный лингвоаксиологический портрет респондента, то войдут следующие ассоциаты, описывающие рай: *ангел, Бог, свет, белое, деревья, растения, зеленая трава, Адам и Ева, дети, праведник, безгрешие, старание, радость, смерть, врата, награда, жилье умерших, блаженство, неземная благодать, гармония, покой*. Каждый ассоциат соотнесен с языковой личностью, в нем авторизируется «безличное», поскольку понятие о мире закрепляется в этносемантической системе естественного языка, что является, по словам С.Г. Воркачева [Воркачев 2007, с. 134–147], базовым национально-культурным прототипом носителя этого языка. Такое смешивание реакций связано с взаимовлиянием языковой, мифологической, религиозной и аксиологической картины мира, что иллюстрируется в речевом портрете языковой личности.

В православии колокол выполняет различные функции в храме: благовест возвещает о начале церковной службы; трезвон символизирует христианскую радость, торжество; двузвон – радость о воплощении Второго Лица Пресвятой Троицы; перезвон – «истощание» Господа ради нашего спасения; перебор – грусть и скорбь об усопшем. Русь заимствовала колокола из Западной Европы в IX в., поэтому происхождение лексемы ученые связывают и с немецким эквивалентом *Glocke*; и с греческим словом «калкун» (от слов «клепало» или «било»); в церковных богослужебных книгах колокол именуется «кампаном» – от названия римской провинции Кампании, где из меди были отлиты первые колокола. К ядерной зоне аксиологемы «колокол» жители города называли следующие реакции с религиозной семантикой: *благовест, звонарь, звон, купол, мелодия, монах, очищение, Пасха, перезвон, праздник, собор, храм, церемония, церковные праздники, церковь, часовня*. В «чине благословения колокола» сказано: «Яко да вси слышащие звенения его, или во дни или в ночи, возбудятся к славословию имени Святого Твоего». В славянских

¹ *Дворецкий И.Х.* Латино-русский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. С. 614.

преданиях и летописных сказаниях существует еще один вид звона – самозвон: он предупреждал об опасности. Среди ассоциатов названы следующие: *тревога, набат, сигнал, страх, удар, призыв, прошлое*. Секуляризированные представления о колоколе напоминают о важных и обыденных событиях в жизни человека и входят в приядерную семантическую зону: *весенняя капель, выпускной, колокольчик, колокольчик на рыбалке, музыкальный инструмент, первый класс, первый звонок, последний звонок*; о качественных характеристиках: *железный, звонкий, медный, с языком, ударный, церковный*. Ассоциаты-глаголы усиливают коннотацию в общей периферийной зоне: *бить, будить, звенеть, звать*. Единичными можно считать ассоциаты: *музей, казнь, башня, прошлое, судьба, град, корова, воздух, кол*.

Современные социальные, идеологические, нравственно-этические и бытовые проблемы соотносятся и соизмеряются с бытием сакрального мира, чтобы придать одновременно вселенский масштаб и временной характер с точки зрения сакральных догматов. Отражая черты национального характера, будучи ретрансляторами культурной традиции в языке и обладая кумулятивной функцией, аксиологема *колокол* включает в себя большое количество компонентов, пересмысленных в соответствии с речевой ситуацией, и свидетельствует о высокой мотивации внутренней формы [Шкурин 2019, с. 203–207].

Изменения, происшедшие в русском языковом пространстве в период с начала XVIII в. до настоящего времени, не могли не повлиять на создание многослойного сегментного семантического слоя концепта «праздник». В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» под ред. Н.И. Толстого один из циклов рождественских и святочных праздников «сочельник» проиллюстрирован следующим образом: *Единый ритуальный комплекс с Рождеством, для которого характерна символика рождения (Божьего Сына, Нового года, летнего солнца), плодородия земли, приплода скота, приумножения хозяйских благ*². По традиции в первой половине дня перед Рождеством хозяева подготавливали жилье к празднику и накрывали различными постными блюдами стол, а вечером с наступлением сумерек начинали праздновать. К аксиологеме «сочельник» респонденты проиллюстрировали следующие ассоциаты в ядерной зоне: *Рождество, Святой вечер – благодать, блюда, богослужение, волшебство, гадания, дети, дом, запах ели, елка, любовь, камин, канун, колядки, компот, молитва, мороз, новогодняя суеда, предвкушение, санки, свеча, сено, суженый, подарки, праздник, традиции, радость, родня, родные люди, счастье, ужин, хозяйка, церковь*, что свидетельствует о лингвокультурологической позиции в отношении современного содержания дефиниции *сочельник*, зависящей от многих факторов: исторической ретроспективы, этнической, религиозной и национальной принадлежности. Данная ядерная зона ассоциатов иллюстрирует традиционно устоявшееся представление о празднике. К приядерной зоне можно отнести следующие реакции: *апельсины, выпечка, глнтвейн, единство, книга*,

² Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения. 2012. Т. 5. С. 147.

колокольчики, фильм, хороводы, в которых смешиваются народные и светские особенности проведения предрождественского праздника. К общей периферии относятся единичные ассоциаты: *Америка, Дед Мороз, самолет, Париж, не знаю*. Возможно, кто-то из респондентов хотел выделиться, написать яркую ассоциацию, происходящую в наше время или отображенную в СМИ.

Одним из распространенных блюд славян является кутья – каша, сваренная из цельных зерен пшеницы, ячменя, гречки, риса, политая медом, сахаром, символизирующая поминальное блюдо. Чаще всего славяне употребляют его в сочельник или ставят на поминальный обед. К ядерной зоне респонденты отнесли следующие ассоциаты: *Рождество – бабушка, блюдо, вкусно, детство, еда христиан, застолье, звезда, зерно, зима, зимние каникулы, каша в горшочке, изюм, каша, кушанье, мед, обычай, праздник, рис, Русь, святая еда, святки, сладость, сочельник, трапеза, устаревший, январь*, отображая сакральное значение кутьи в рождественский вечер. Ассоциаты приядерной зоны: *вкусности, вкусняшка, деньги, имбирное печенье, конфеты, кутерьма, кухня, помины, праздник, сестра, слезы, отдых, таинство, угощение* иллюстрируют аксиологическую бинарность сакрально – десакрально. Обширная периферия с негативной коннотацией: *водка, липкая и невкусная каша, не знаю, не люблю, пьяные мужики, шум, щенок*, которая «инициирует и поддерживает в человеке метафизическую неудовлетворенность своим существованием, в той или иной мере свойственную всем народам» [Михеева 2011, с. 68]. Среди реакций можно выделить те, которые иллюстрируют специфику базовых ментальных установок – ценность общинного уклада жизни и метаисторическую перспективу, уверенность в домострое, гармоничность, соборность и наслоение христианских, славяно-языческих и секуляризированных установок. Все они созвучны мотивам православной культуры – единение духовного и телесного, поскольку «красота телесная отражает проявление красоты духовной» [Курбатов, Фролов, Фроянов 1988, с. 170].

Одной из характеристик речевого портрета жителя Луганска является активное использование названий компонентов духовного и нравственного целого. Остановимся на некоторых из них.

Многими исследователями установлено, что эмоциональная сфера является важнейшей составляющей внутреннего мира языковой личности. Любовь как языковой образ представлена единицами различного уровня как универсальный и национально-специфический концепт. Е.В. Лобкова реконструирует данный концепт и иллюстрирует идеографическое пространство [Лобкова 2004, с. 81–84]. Наши ассоциации можно представить в следующих номинациях: предикат-отношение (чувство) – *взаимопонимание, доверие, забота, ненависть, нежность, отчаяние, привязанность, страсть, симпатия, уважение*; актанты (объект-субъект чувства) – *бабушка с дедушкой, дети, любимый человек, муж и жена, мужчина и женщина, родные люди, семейная пара, у мамы с папой*; причина любви – *боль, вдохновение, крылья, привычка, романтика, тепло, трепет, сердце, состояние души, химия, чувства, этапы развития – ласка, объятия,*

отчаяние, поцелуй, привязанность, привычка, синхронизация, уважение, умиление; скорость возникновения – внезапность, длительная, вечная, крепкая, первая любовь; поведенческая – свадьба, свидание, предательство, расставание; духовная – Бог, вечность, душа, люди познают Бога. Более широкая система оценочных смыслов представлена ассоциатами-адъективами – *безмерная, взаимопроникающая, всеобъемлющая, нежная, окрыляющая, рождающая, сильная, человеческая*; адвербиальными ассоциатами – *близко, вдохновенно, доверительно, жертвенно, крепко, навсегда, отчаянно, страстно, трепетно.* К приядерной зоне относим такие реакции: *бабочки, воздух, иллюзия, Родина, секрет, семья, союз, траты, труд.* Единичными периферийными стали реакции: *любовь-морковь, розы, гормоны, река, секс, судьба, жертва, мой муж, дар.* Данной аксиологеме присуща глубина и разнообразие аксиологических смыслов в различных жизненных ситуациях, преобладает положительная коннотация на начальных этапах взаимоотношений, отражаются как европейские, так и национально-специфические стереотипы поведения. Акцент сделан на символику любви и влюбленных, меньше на семейные ценности с преобладанием нравственных характеристик.

Ассоциат *Родина* вошел в приядерную зону, поскольку респонденты ставили в центр собственно отношения между любящими, влюбленными; не затрагивается ментальная сфера (потеря ума от любви) и слабо представлено плотское начало (единичным ассоциатом *секс*). Реакции не связаны с природой, внешним миром (стихии, пространство), животным миром, литературными персонажами. Эмоции характеризуются положительной динамикой, отражают важные качества любящего человека, реже называются ассоциаты с негативной окраской. Все это определяет нормы и модели поведения носителей языка, в котором отразился сдержанный характер и поведение объектов любви.

Аксиологема «верность» является ментально-гносеологическим образованием и объектом лингвоаксиологии. Это залог стабильности социальной и духовной жизни языковой личности. Результаты ассоциативного эксперимента показывают, что аксиологема «верность» иллюстрирует целенаправленный созидательный труд под влиянием культурной деятельности. Во времена античности римляне осмысливали верность (*fides*) как основу государственного управления, выражали в понятиях, заимствуя ценностный фундамент из христианской культуры. Лингвокультурологические разработки методом прототипической реконструкции М. Джонсона, Дж. Лакоффа, Э. Рош позволили рассмотреть источник данной аксиологемы в ракурсе культурной памяти как продукт западноевропейской культуры. М.С. Голикова в своем исследовании концепта «верность» определяет несколько этапов культурологического осмысления: религиозный, социальный, этический [Голикова 2013, с. 39]. По результатам нашего эксперимента аксиологема «верность» имеет ядерную зону, отражающую данные этапы: *Бог, брак, быть, быть, волк, девственность, доверие, дружба, жена, клятва, кольцо, лебедь, муж, надежность, небеса, неизменность, откровение, Отчизна, преданность, присяга, редкость, рядом, свадьба,*

смысл, святость, семья, собака, совместная весть, супруги, честь, чистота, в которой данная языковая единица иллюстрирует культурную динамику мировоззренческих, социальных трансформаций: это символ христианской добродетели, часть завета между Богом и людьми, тип коммуникации в разных слоях бытия, соблюдение договоренности между людьми. Орнитонимно-фаунонимная символика верности (*волк, лебедь, собака*) сохраняет воспоминания о прежних формах быта, материальной и духовной культуры народа. Как подчеркивает И.И. Срезневский, «каждое слово есть представитель понятия, бывшего в народе: что выражено словом, то было в жизни; чего не было в жизни, для того и не было слова. Дополняя одно другим, они все вместе представляют систему понятий народа, передают бытью о жизни человека»³. Респонденты называли в том или ином предмете, возможно, несущественный признак, который иллюстрирует внутреннюю форму данной аксиологемы.

А.А. Потемня объяснял, что «внутренняя форма слова есть отражение содержания мысли к сознанию»⁴, а нам показывает собственную мысль языковой личности. Смысловое развитие слова отражает диалектическое взаимодействие языка и мышления, часть ассоциатов возникает на основе сходства по форме, нравственным характеристикам, по звучанию. В приядерную зону вошли следующие бинарные ассоциаты, демонстрирующие идею потерянной верности: *ад, война, враг, дезертирство, дьявол, измена, любовница, малодушие, миф, мягкотелость, мука, предательство, распутство, убийство, развод, слабоволие, трусость*. К общей периферии относятся единичные лексемы: *книга, мечта, покорность, сирень, фото*, которые демонстрируют нелинейное развитие аксиологемы, связанное с моментом культурного самоопределения и поиском ответов.

Аксиологема «труд» является идеологемой, потому что фиксирует идеологические нормы социума, подменяющие, по словам многих ученых (С.Ю. Данилова, Н.А. Купина, Н.Н. Розанова, А.П. Романенко, Н.Н. Ромашов, Г.Н. Складарская, А.П. Чудинов), систему ценностей, имеет универсальное значение и отражает «национальную специфику, зафиксированную в национальной картине мира» [Маркелова 1993, с. 56]. Оценочная коннотация аксиологемы стандартна и отображена в ядерной зоне нейтральными и позитивно-негативно коннотированными ассоциатами: *благо, будни, время, дело, доход, измощение, испытание, зарплата, награда, напряженность, необходимость, польза, работа, усталость, физическое напряжение, упорство, усердие, творчество*.

Идеологически значимые ценности советского государства отражены в таких реакциях: *мир-труд-май; пятилетка, работа для общего блага, серп и молот, СССР, кто не работает – тот не ест, ученье и труд все перетрут*. Ценностное содержание языковой единицы

³ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб.: Типография В.С. Балашёва, 1887. 4 т. С. 103.

⁴ Потемня А.А. Мысль и язык. Харьков: Типография А. Дарре, 1892. 4 т. С. 102.

«труд» изменяется и характеризуется наличием следующих деидеологизированных смыслов 'выгодно—не выгодно': *банкрот, деньги, депрессия, доход, конкуренция, нервы, успешность, продуктивность, саморазвитие, стрессы*.

Проживая в промышленном регионе Донбасса, респонденты называли ассоциаты, связанные с особенностями промышленного и аграрного сектора страны: *горняк, завод, каменоломня, крестьянин, лопата, кровь и мозоли, на-гора, огород, пастух, проходчик, рубанок, уголь, фабрика, шахта, шахтер*. Одной из особенностей речевого портрета респондентов является использование жаргонных обозначений или устойчивых контаминируемых выражений, используемых с дефиницией 'очень тяжело': *напряг, пахать, пахать как папа Карло, пахать как лошадь, лошара, лошарить, вкалывать по полной*. Употребительные глагольные формы реакций *копать, материть, пылесосить, сажать, творить, эксплуатировать* иллюстрируют труд как динамическое явление с нейтральной или негативной коннотацией, характеризуя действие с точки зрения способа его протекания и смысловой соотнесенности. Приядерная зона иллюстрирует корреляцию аксиологемы *труд* с реакциями о школьных воспоминаниях и уроках трудового обучения: *занятие, урок, парта, школа, Эдуард Васильевич (учитель труда)*. Нравственные критерии можно представить такими адвербиатами: *научный, продуктивный, прекрасный, сложный, тяжелый*, которые материализуют представления луганчан об усердии и прилежании, необходимых для слаженности производства шахт, заводов, фабрик. Ассоциаты *пчелы, муравей* отчетливо обнаруживают связь активности насекомых-тружеников со стремлением человека уподобляться их трудолюбию, а *бездельник, дармоед, лень, паразит, сачок, туеядство* – реакции, которые содержат культурно значимую информацию о негативном отношении к неработающему человеку. Не являясь ценностью, аксиологема *труд* ассоциируется с идиомами, иллюстрирующими дефиницию 'беспольный': *Сизифов труд, толочь воду в ступе, на одном месте стоять, лебедь, щука и рак*. Единичными периферийными ассоциатами стали: *приработок, навык, рука, семья, стул, женщина, сотворение прекрасного*. Мы можем констатировать присущие жителям города исключительное трудолюбие, профессиональное мастерство, усердие, осознание ответственности, восприятие труда как важнейшего долга человека. Экономические условия региона связаны с рядом профессий, доминирующих в производстве и сельском хозяйстве. Б. Уорф отмечает, что «...мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит, в основном, – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Уорф 1960, с. 61].

Вопрос войны и мира является ключевым как в политической, так и духовной сфере. Аксиологема «война» связана с библейскими событиями и берет свое начало с сотворения мира и борьбы сил добра и сил зла – Архистратига Михаила и Люцифера. Эта мыслительная лингвистическая единица, номинирующая время противостояния, иллюстрирует этноспецифический и общечеловеческий характер.

Смысл аксиологемы «война» воплощен на основе норм и представлений в языковом и культурном сознании. В современной публицистике рассматриваются разнообразные ее виды: физические, информационные, психологические, экономические, финансовые, газовые, нефтяные, климатические, хакерские, объявленные и необъявленные, священные, холодные, горячие и т. д. [Хоруженко 2010, с. 223]. Участники эксперимента в реакциях выделяют несколько физических войн: Великая Отечественная война (или Вторая мировая война), военный конфликт в Афганистане (1979–1989), военный конфликт на Донбассе (2014–2020) под названием АТО. Речь идет не о духовной битве, а о борьбе либо внутри государства, либо за ее пределами. В ядерную зону аксиологемы входят следующие характеристики-ассоциаты: *беда, бомбежки, бомбы, борьба за господство, воронки от снарядов, враг, голод, грязь, добровольцы, конфликт, мобилизация, непонимание, огонь, окопы, оружие, осколки, отчаяние, потеря, разногласия, разруха, слезы, смерть, сражение, страх, стрельба, солдат, трупы, убежище, убийство, ужас, фронт, шум*, которые не характеризуют образ врага, внедряемый в массовое сознание через целую систему агитационно-пропагандистских средств, а свидетельствуют об эмоциональном, физическом разрушении. Данные реакции названы на основе собственных воспоминаний активных военных действий в Луганске.

К приядерной зоне относим ассоциаты, имеющие более глобальные изменения: *ад, дети войны, катастрофа, фашизм, раздел страны, разорение*. Отсутствует общая периферия, ассоциаты более активно представлены событиями последних лет, нет негативно коннотированных реакций для обозначения конкретного врага, разновидности развязанной войны, стран, причастных к антимиру на Донбассе. Это свидетельствует о миролюбивости жителей, нежелании воевать, противостоять, а, наоборот, желании созидать в единстве с русскими людьми.

Аксиологема «подвиг» подразумевает изменение состояния с опорным значением 'подвигаться, стремление к самопожертвованию', т. е. духовно расти. Современные словари дают идеологизированные дефиниции: выдающийся поступок, сопряженный с риском для жизни и с большими препятствиями; представлять большое значение для общества. В ядерной зоне данной аксиологемы представлены несколько категорий ассоциатов с дефинициями 'религиозность' (*христианское самопожертвование, великодушие, дух, с нами Бог*), 'моральные поступки' (*храбрость, защита слабых, неустрашимость, отвага, великодушие, сверхпоступок, бесстрашие, патриот, самоотдача*); 'поступок, требующий награды' (*орден, медаль, слава, звание*); 'память о Великой Отечественной войне и ее героях' (*Великая Отечественная война, Победа, 9 Мая, история, памятник, Никто не забыт – ничто не забыто, молодоговардейцы, ветераны, Жуков, маршал, Ура! За Родину!*); 'смерть' (*могила, курган с флагом, похоронка, потеря*); 'проступок обывателя' (*сумашествие, эйфория, глупость, сдвиг, удивил: но зачем?*).

Ядерная коннотация зависит от состояния общества, поэтому в преддверии 75-й годовщины со дня освобождения нашей Родины

от фашизма ассоциаты в большей мере отображают основную дефиницию 'смелый поступок, сопряженный с опасностью, угрозой для жизни, с внешней агрессией, достойный памяти и уважения будущих поколений'. К приядерной зоне относятся реакции со следующей семантикой: 'рыцарь, герой, советский солдат'; 'спасение животных'; 'преодоление жизненных трудностей' (*окончание 11-го класса, поступление в университет, выйти замуж, воспитать детей*). Общая периферия представлена ассоциатами: *пожар, солнце, Геракл, ребята, доктор* с прозрачной внутренней формой. Последний ассоциат, возможно, связан с современным подвигом врачей в борьбе с пандемией, поэтому аксиологема «подвиг» иллюстрирует исторические последствия и современные отражения.

На этнокультурно-прецедентном уровне ценностное отношение к подвигу совпадает с определением приоритетной этической стороной языковой единицы *подвиг* в русской лингвокультуре. ЯЕСС «подвиг» прошла процесс десемантизации и приобретала статус мегаконцепта. Уже конец XX – начало XXI столетия увенчались широким сегментным многослойным концептом. И это не предел. Поскольку язык – это живой организм, и он имеет право на развитие [Шкуран 2017, с. 532].

Отличительной чертой аксиологемы «победа» является соотнесенность данной языковой единицы с важными историческими событиями в жизни русского человека (*георгиевская лента, Саур-Могила, бой, фронт, 1812, 1945, 2014, 9 Мая*); с выдающимися людьми (*маршал Жуков, Сталин, Кутузов, генералы, командиры, мой дедушка*); с атрибутикой (*салют, красный флаг, крик «Ура!», звезды*); со спортивными достижениями (*выигрыш, соревнование, спорт, чемпион, кубок, вымпел, медаль, финал, рекорд, триумф*); с темпоральной характеристикой (*весна, май, XX столетие, утро*); с номинацией врага (*немцы, фашисты, французы, монголо-татары, печенег, половцы, турки, американцы*), с абстрактными понятиями (*мужество, радость, счастье, поражение, торжество, правосудие, иллюзия, мечта*). Мы видим совокупность эмотивного, символического, пространственного значения с дефиницией 'результат борьбы' – *боль, смерть, память, приз, лидерство, конец, поражение*. Данные ассоциаты иллюстрируют несколько аспектов – духовный, военный, спортивный, игровой. Внутренняя форма аксиологемы «победа» правомерна только в динамике с различными аксиологическими уровнями, но со стандартными сопутствующими лексемами и ассоциациями. К периферии относятся деидеологизированные реакции: *Делакруа, Виктория*.

Выводы

Каждый социум может характеризоваться набором ценностных ориентаций личности, исследование которых способствует расширению представлений о структуре языковых картин мира и ценностных отношений. Один из основоположников аксиологии И.Г. Фихте

писал: «Ничто, кроме жизни, не имеет безусловной ценности и значения; всякое другое мышление, творчество и знание имеют ценность лишь постольку, поскольку оно каким-нибудь образом относится к живому, исходит из него и стремится вновь влиться в него» [Фихте 1916, с. 11–12].

В результате ассоциативного эксперимента аксиологический портрет Луганска представлен совокупностью лексических и фразеологических особенностей речевого поведения жителей города с социолектической и идиолектической характеристикой, выступающих в органическом единстве с ценностными установками, отражающими принадлежность к русскому этносу. Мы не наблюдаем реакций, связанных с взаимопроникновением украинского языка в русскоговорящий социум города. По результатам всеукраинской переписи 2001 г., на территории Луганска проживали русские, украинцы, белорусы. Русский язык считали родным 85% населения города, что свидетельствует о том, что русский язык и во времена украинской государственности и после военных действий на Донбассе являлся и является родным для основной части населения Луганска. Исследование показало, что за последние шесть лет произошли изменения в языковой ситуации, следствием чего государственным языком в Конституции ЛНР определен единственный русский язык. Билингвизм на лексическом уровне не зафиксирован, не был выявлен так называемый суржик. По словам М.С. Хмелевского, О.В. Раиной, А.В. Тоичкиной, «языковая небрежность среднестатистического украинца, характерная для многих регионов Украины в обиходно-разговорном стиле», не наблюдается [Хмелевский, Раина, Тоичкина 2019, с. 103]. Все респонденты подбирали лексемы-реакции на русском языке.

Аксиологический портрет Луганска представляет собой двухуровневую модель, состоящую из ассоциатов, тождественных коллективному портрету горожан и индивидуальному портрету языковой личности. Те языковые единицы, которые представляли коллективный портрет, вошли в ядерную и приядерную зону; те, которые создают индивидуальный портрет города, вошли в общую периферийную зону и представили типичные и атипичные реакции. Определенная социальная среда горожан одного класса, рода деятельности (в основном студенты, учителя, врачи, работники культуры), национальной принадлежности, одной исторической эпохи и одной местности дают возможность показать сложившийся новый коллективный портрет Луганска: русскость, религиозность, миролюбивость, непримиримость к войне, сохранение национальных и культурных традиций, преемственность патриотического духа наследников Великой Победы, необходимость в сохранении исторической правды, трудолюбивость, ностальгия по многонациональному советскому народу.

Смоделированная система ценностей образует микрополе, основанное на ассоциативных связях. Данный эксперимент позволил выявить актуальное содержание представленных лексем, описать их интерпретационные поля и проверить все выделенные при исследовании компоненты и слои на их бытийность, т. е. реальное

присутствие в сознании респондентов. Была выявлена вертикаль с субъективной природой ценностей, строящаяся на духовных и материальных потребностях человека (Бог, верность, труд, подвиг, победа и др.). Данное исследование позволяет достаточно надежно определить лингвоаксиологический портрет русского человека – жителя Луганска с личной когнитивной базой, индивидуальным характером оценки или эмоции, хранимыми в речемыслительных пластах русского языка. Это ключ к национально-языковой личности, объединяющий результат длительного развития и являющийся объектом трансляции опыта от поколения к поколению, и определяющий универсальность и характерные особенности конкретной русской языковой картины мира.

Литература

- Бабаева 2003 – *Бабаева Е.В.* Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2003. 171 с.
- Бахтин 2003 – *Бахтин М.М.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. 955 с.
- Воркачев 2007 – *Воркачев С.Г.* Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007. 284 с.
- Гафарова 2006 – *Гафарова А.С.* Речевой портрет: социолингвистические характеристики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2006. 20 с.
- Гегель 1978 – *Гегель Г.В.Ф.* Политические произведения. М.: Наука, 1978. 439 с.
- Голикова 2013 – *Голикова М.С.* Диахронические модели концепта «верность» в научных исследованиях XX века // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Коммуникативно-дискурсивные практики в различных национальных культурах. Вып. 5 (665). Сер. «Языкознание». М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2013. С. 38–46.
- Добросклонская 2008 – *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: Системный подход к изучению языка СМИ: Современная английская медиаречь. М.: Флинта; Наука, 2008. 263 с.
- Жуков 1986 – *Жуков В.П.* Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.
- Купина 1995 – *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Уральского ун-та, 1995. 144 с.
- Курбатов, Фролов, Фроянов 1988 – *Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я.* Христианство. Античность. Византия. Древняя Русь. Л.: Ленинградское изд-во, 1988. 336 с.
- Леорда 2006 – *Леорда С.В.* Речевой портрет современного студента // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова, 2006. № 6. С. 59–60.
- Лобкова 2004 – *Лобкова Е.В.* Смысл «любовь» как предмет лингвистического исследования (обзор работ с 1981 по 2002 г.) // Вестник Омского ун-та, 2004. № 2. С. 81–84.
- Ломакина, Шкуран 2020 – *Ломакина О.В., Шкуран О.В.* Способы экспликации коммуникативного намерения фразеологизма-библейзма «запретный плод» // Журнал «Известия СмолГУ». Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2020. № 2 (50). С. 65–76.

- Маркелова 1993 – *Маркелова Т.В.* Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. М.: МПУ. 1993. 125 с.
- Михеева 2011 – *Михеева И.Б.* Духовно-культурные традиции православия и трансформации восточнославянской языческой парадигмы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2011. С. 68–77.
- Немировский 1989 – *Немировский В.Г.* Социология личности. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1989. 193 с.
- Розен 1960 – *Розен Е.В.* Языковые средства создания речевой характеристики литературных персонажей (на материале современного немецкого реалистического романа): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский гос. пед. ун-т, 1960. 20 с.
- Скляревская 1993 – *Скляревская Г.Н.* Реальный и ирреальный мир толкового словаря (к вопросу о прагматическом компоненте слова) // Scando-Slavica. Copenhagen, 1993. Т. 39. С. 166–178.
- Стернин, Рудакова 2011 – *Стернин И.А., Рудакова А.В.* Психолингвистическое значение слова и его описание. М.: Lambert, 2011. 192 с.
- Столович 1994 – *Столович Л.Н.* Красота. Добро. Истина: Очерки истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. 464 с.
- Трессидер 2001 – *Трессиддер Дж.* Словник символов. М.: Фаир Пресс, 2001. 448 с.
- Уорф 1960 – *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку / Пер. с англ. Л.П. Патан и Е.С. Турковой // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. Вып. 1. С. 58–65.
- Фихте 1916 – *Фихте И.Г.* Избранные сочинения / Пер. под ред. Е. Трубецкого. М.: Путь, 1916. С. 521.
- Флоренский 2000 – *Флоренский П.А.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / Сост. и ред. игумен Андроник Трубачев. М.: Мысль, 2000. 446 с.
- Хмелевский, Раина, Тоичкина 2019 – *Хмелевский М.С., Раина О.В., Тоичкина А.В.* Современная языковая политика в Украине // Вопросы этнополитики. М.: РГТУ, 2019. № 4. С. 98–119.
- Хоруженко 2010 – *Хоруженко В.А.* Формирование мифологизированного образа врага в политической публицистике и пропаганде // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». М.: Изд-во Моск. гос. областного ун-та, 2010. № 2. С. 223–227.
- Шкуран 2017 – *Шкуран О.В.* Семантические трансформации сакрального понятия «подвиг» // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы XII Межд. научн. конф. (Владимир, 26–28 сентября 2017 года), посвященной 65-летию кафедры русского языка. Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 530–534.
- Шкуран 2019 – *Шкуран О.В.* Сакральная паремия *Слышал звон, да не знает, где он*: междисциплинарный аспект // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: Сб. научных трудов. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2019. Т. 30. С. 203–207.

References

- Babaeva, E.V. (2003), *Konceptologicheskie harakteristiki social'nyh norm v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah*: Monografiya [Concept-centred characteristics of social norms in the German and Russian linguistic cultures: Monograph], Volgograd, Peremena, Russia, 171 p.
- Bahtin, M.M. (2003), *Sobranie sochinenii*: v 7 t., Russkie slovari, Yazyki slavyanskoj kul'tury, iss.1: Filosofskaya estetika 1920-h godov, Moscow, Russia, 955 p.
- Dvoreckij, I.H. (1976), *Latino-russkij slovar'* [Latin-Russian dictionary]. 2-e izd., pererab. i dop, Russkij yazyk, Moscow, Russia, 1096 p.
- Dobroslonskaya, T.G. (2008), *Medialingvistika: Sistemnyj podhod k izucheniyu yazyka SMI: Sovremennaya anglijskaya mediarech'* [Media linguistics: A systematic approach to learning the media language: Modern English media speech], Moscow, Flinta, Nauka, Russia, 263 p.
- Fihte, I.G. (1916), *Izbrannye sochineniya* [Selected works], Perevod pod red. E. Trubeckogo, Publishing House "Put' ", Moscow, Russia, 521 p.
- Florenskij, P.A. (2000), *Stat'i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arheologii* [Articles and research on the history and philosophy of art and archaeology], sost. i red. igumen Andronik Trubachev, Publishing House "Mysl' ", Moscow, Russia, 446 p.
- Gafarova, A.S. (2006), *Rechevoj portret: sociolingvisticheskie harakteristiki*, Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Speech portrait: sociolinguistic characteristics: author's abstract of the PhD thesis.], Tver State University, Tver, Russia, 20 p.
- Gegel', G.V.F. (1978), *Politicheskie proizvedeniya* [The political works], Nauka, Moscow, Russia, 439 p.
- Golikova, M.S. (2013), "Diahronicheskie modeli koncepta 'vernost' " v nauchnyh issledovaniyah XX veka [Diachronic models of the concept of "fidelity" in scientific research of the XX century], *Bulletin of the linguistic Moscow State University. Kommunikativno – diskursivnye praktiki v razlichnyh nacional'nyh kul'turah*, iss. 5 (665). *Seriya "Yazykoznanie"*, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, pp. 38–46.
- Hmelevskij, M.S., Raina, O.V., Toichkina, A.V (2019), "Sovremennaya yazykovaya politika v Ukraine" [Современная языковая политика в Украине], *Issues of Ethnopolitics*, Academic journal, Russian State University for the Humanities, iss. 4, Moscow, Russia, pp. 98–119.
- Horuzhenko, V.A. (2010), "Formirovanie mifologizirovannogo obraza vruga v politicheskoy publicistike i propaganda" [Formation of a mythologized image of the enemy in political journalism and propaganda], *Bulletin of the region Moscow State University, Seriya "Russkaya filologiya"*, Publishing House of the region Moscow State University, iss. 2, Moscow, Russia, pp. 223–227.
- Kupina, N.A. (1995), *Totalitarnyj yazyk: Slovar' i rechevye reakcii* [Totalitarian language: Vocabulary and speech reactions], *Ural University Publishing House*, Ekaterinburg – Perm', Russia, 144 p.
- Kurbatov, G.L., Frolov, E.D., Froyanov, I.YA. (1988), *Hristianstvo. Antichnost'. Vizantiya. Drevnyaya Rus'* [Christianity. Antiquity. Byzantium. ancient Russia], Leningrad Publishing House, Leningrad, Russia, 336 p.
- Leorda, S.V. (2006), "Rechevoj portret sovremennogo studenta" [Speech portrait of a modern student], *Bulletin of Saratov state agrarian university in honor of N.I. Vavilov*, iss. 6. Saratov, Russia, pp. 59–60.

- Lobkova, E.V. (2004), "Smysl 'lyubov' " kak predmet lingvisticheskogo issledovaniya (obzor rabot s 1981 po 2002 g)" [The meaning of "love" as a subject of linguistic research (review of works from 1981 to 2002)], *Gerald of Omsk University*, iss 2. Omsk, Russia, pp. 81–84.
- Lomakina, O.V., Shkuran, O.V. (2020), "Sposoby eksplikacii kommunikativnogo namereniya frazeologizma-bibleizma 'zapretnyj plod' " [Ways of an explication of the communicative intention of the idiom of bibleista "forbidden fruit"], *Zhurnal "Izvestiya SmolGU"*, *Smolensk State University*, iss 2 (50), Smolensk, Russia, pp. 65–76.
- Markelova, T.V. (1993), *Semantika ocenki i sredstva eyo virazhenia v russkom yazyke*, Moscow, Russia, 125 p.
- Miheeva, I.B. (2011), "Duhovno-kul'turnye tradicii pravoslaviya i transformacii vostochnoslavjanskoy yazycheskoy paradigmy" [Spiritual and cultural traditions of Orthodoxy and transformations of the East Slavic pagan paradigm], *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom, The Russian Presidential Academy of national economy and public administration*, Moscow, Russia, pp. 68–77.
- Nemirovskij, V.G. (1989), *Sociologiya lichnosti* [Sociology of personality], Krasnoyarsk of State University Publishing House, Krasnoyarsk, Russia, 193 p.
- Rozen, E.V. (1960), *Yazykovye sredstva sozdaniya rechevoj harakteristiki literaturnyh personazhej (Na materiale sovrem. nem. realistich. romana)*, Avtoreferat dis. na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk [Language means of creating speech characteristics of literary characters (based on the material of a modern German realistic novel): author's abstract dis. for the degree of candidate of philological Sciences], Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, 20 p.
- Shkuran, O.V. (2017), "Semanticheskie transformacii sakral'nogo ponyatiya 'podvig' " [Semantic transformations of the sacred concept "feat"], *Yazykovye kategorii i edinicy: sintagmaticheskij aspekt: materialy XII Mezhd. nauchn. konf.* (Vladimir, 26–28 September 2017), posvyashchennoj 65-letiyu kafedry russkogo yazyka, Tranzit-IKS, Vladimir, Russia, pp. 530–534.
- Shkuran, O.V. (2019), "Sakral'naya paremiya Slyshal zvon, da ne znaet, gde on: mezhdisciplinarnyj aspekt" [Sacred paremia Heard the bell, but does not know where it is: an interdisciplinary aspect], *Uchyonye zapiski of Vitebsk State University named after P.M. Masherov: sbornik nauchnykh trudov*. Vitebsk State University named after P.M. Masherov, vol. 30, Vitebsk, pp. 203–207.
- Sklyarevskaya, G.N. (1993), "Real'nyj i irreal'nyj mir tolkovogo slovary (k voprosu o pragmaticheskom komponente slova)" [The real and unreal world of the explanatory dictionary (on the question of the pragmatic component of the word)], *Scandoslavica*. Vol. 39, Copenhagen, Denmark, pp. 166–178.
- Sternin, I.A., Rudakova, A.V. (2011), *Psiholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisanie* [Psycholinguistic meaning of the word and its description], Izdatel'stvo "Lambert", Germany, 192 p.
- Stolovich, L.N. (1994), *Dobro. Istina: Ocherki istorii esteticheskoy aksiologii* [Beauty. Good. Truth: Essays on the history of aesthetic axiology], Publishing House "Respublika", Moscow, Russia, 464 p.
- Tressider, Dzh (2001), *Dictionary of symbols*, Publishing House "Fair Press", Moscow, Russia, 448 p.
- Uorf, B.L. (1960), "Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku" [Relation of norms of behavior and thinking to language], *Perevod s anglijskogo L.P. Patan i E.S. Turkovoj, Novoe v lingvistike*, Foreign Literature Publishing House, iss. 1, Moscow, Russia, pp. 58–65.

- Vorkachev, S.G. (2007), "Lyubov' kak lingvokul'turnyj concept" [Love as a linguistic and cultural concept], *Gnozis*, Moscow, Russia, 284 p.
- Zhukov, V.P. (1986), *Russkaya frazeologiya [Russian phraseology]*, Vysshaya shkola, Moscow, Russia, 310 p.

Информация об авторе

Оксана В. Шкуран, кандидат филологических наук, доцент, Луганский государственный педагогический университет, Луганская Народная Республика, Луганск; Луганская Народная Республика, Луганск, ул. Оборонная, д. 2; oksana.shkuran@mail.ru.

Information about the author

Oksana V. Shkuran, Cand. of Sci. (Philosophy), Associate Professor, associate professor, Lugansk State Pedagogical University, the Luhansk People's Republic, Lugansk; bld. 2, Oboronnaya Str., Lugansk, the Luhansk People's Republic; oksana.shkuran@mail.ru.

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
Л.Г. Сулова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 23.12.2020.

Формат $70 \times 100^{1/16}$.

Уч.-изд. л. 13,0. Усл. печ. л. 12,4.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1039

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru